

Посвящаю Н.

ПРОРОЧИЦА

Роман

Из материалов предварительного следствия по делу № 130479 (сов.секр. – разглашению не подлежит).

Из протокола допроса Максима Ламберта:

- Вы подтверждаете, что завладели огнестрельным оружием охранника аэропорта, нанеся ему тяжкие повреждения?
- Да, подтверждаю.
- С какой целью?
- Не дать взлететь самолету.
- То есть вы заранее были готовы к осуществлению террористических действий?
- Я был готов на все, чтобы самолет не взлетел.
- В салоне самолета находилось 35 человек. Сознавали ли вы, что ваши действия могли нести угрозу их жизням?
- Я должен был их спасти.
- И ради их спасения вы убили второго пилота?
- Да. Я это сделал сознательно.
- Вы отдаете себе отчет, что ваши показания могут быть прямо использованы против вас?
- Теперь мне все равно. Я сделал то, что сделал.
- И не раскаиваетесь?
- Нет...

Из заключения следствия:

Уголовное дело прекратить за отсутствием состава преступления.

Глава 1

Багровый закат

Все начиналось просто здорово. За иллюминатором проплывало синее небо, где-то внизу оно падало в такое же синее море. Самолет снижался на прибрежный аэродром, и мой семилетний Антошка неотрывно большими глазами смотрел на приближавшуюся водную гладь. Время от времени он визжал от восторга, море он видел впервые. И был счастлив, что за столько лет впервые с мамой и папой он вырвался летом на юг, и видит это огромное и чарующее море не на картинках, а живьем.

Мама Наташа, моя жена Наталия, ласково улыбалась Антошке и мне. Она также была в прекрасном настроении. Нас ждала месячная безмятежность, теплая соленая вода, брызги солнца, горные тропы, вечерний гриль в кафе, увитом вместо стен плющом, любовь под баюкающим ароматом магнолий. Короче, мы все имели право на рай после холодных долгих суетливых северных будней. Мы верили, что все будет замечательно.

Кричащие рекламы гостиниц с кричащими ценами, развешанные плакатами в здании аэровокзала нас не привлекали. Отечественная казенщина с деревянным сервисом достала нас и дома. Опытным шагом я потопал к гомонящей толкучке, и через несколько минут выудил пожилую матрону, которая предоставляла флигель в десяти минутах от морской кромки и в пяти минутах от центральной аллеи курортного городка. Мы сошлись во взглядах на наш бардак, политику и на оплате за проживание. В общем, мы устраивали друг друга, даже при том, что еда оставалась нашей проблемой. К тому же из докучливых соседей, обычно налетавших на подобные островки благополучия отдыхающих, как мухи на мед, нам выпала всего лишь одна особа, по уверению нашей хозяйки, Риммы Альбертовны, очень хорошая женщина и ни-ни, упаси Боже.

Через час все было распаковано, расставлено, разложено, рассортировано. Флигелек был маловат, но аккуратно побелен и свеж, как пустой погреб. Вся его обстановка состояла из двух кроватей, тумбочек при них и столика, украшенного квартетом старых стульев. Как место ночевки это вполне устраивало. Большого и лучшего мы и не могли ожидать.

А еще через полчаса всей семьей с задорным гиком мы уже бросались под пенные морские волны, подставляли белизну тел жаркому солнцу, ловили медуз и строили из гальки дворцы. Антошка был вне себя от счастья и хотел стать капитаном большого судна.

Вечером, уставшие и довольные, мы наконец прибрели к флигелю. На кафе сил не осталось, и мы решили уничтожить желанный купленный

гриль на воздухе. Для этого я вынес из флигелька под ветки старой груши столик и стулья. Мы весело расположились вокруг вкуснотищи и приступили к трапезе.

- Бог с вами. Извините, что помешала, позвольте мне познакомиться с соседями, - возникла из быстро надвигавшихся сумерек стройная выше среднего роста женщина в светлом строгом платье, более шедшем к прогулке по городским аллеям, нежели к нашему пикнику.

У нее были шикарные темные волосы, распущенные по плечам, уверенная, немного вкрадчивая улыбка, добродушное умное и привлекательное лицо с лукавым взглядом серых глаз, сразу отчего-то располагающее. На вид ей я бы дал лет тридцать, но вопросы возраста женщин – дело неблагодарное.

- Азалия Адамовна, можно просто Азалия, - протянула она мне руку. И эта рука была нежной и доступной.

- Очень приятно, - я представил свое семейство. – Давайте к нашему столу, так сказать, по-соседски, без условностей.

- Спасибо, я сыта, но присесть присяду, - мягким, чуть грудным голосом сказала новая знакомая и присела на краешек принесенного Антошкой стула.

- Давно вы здесь? – спросила ее Наталия.

- Да уж как Господь положил, - уклончиво ответила Азалия и мило улыбнулась Антошке, а тот ей показал косточку от куриной ножки.

- Наверное, недавно, вон еще и загореть толком не успели, - высказал я предположение: оголенные руки соседки светились молочной белизной даже в южных сумерках.

- Я предпочитаю заниматься более важными делами, нежели тратить время на пляжах.

- Разве могут быть какие-либо дела в этом раю? – озадаченно воскликнул я. – Помилуйте, Азалия Адамовна. Сюда люди убегают от любых дел. Море – вот оно главное дело – и для тела, и для души.

- Помилует вас Бог, а для души море не представляет никакой ценности, - выдала наша соседка, и я подумал, что нам довелось встретиться с монастырской девой. Однако тут же я поймал на себе ее томный взор и понял, что не прав.

Все немного помолчали. Антошка оттого что наелся от пуза и откровенно клевал носом. Наталия, видимо, перехватила томный взгляд соседки и чувствовала себя неловко. Я же был не искушен в ведении светских ни к чему не обязывающих бесед.

Наконец Наталия спохватилась и, извинившись, пошла укладывать сына спать. Мы остались одни. Уже было достаточно темно и свежо. Яркими искрами пропархивали цикады. Что-то стрекотало в саду хозяйки

Риммы Альбертовны. Слышался шум приборя, напоминавший шипение открываемого шампанского.

- Чудный вечер, - сказал я чтобы что-то сказать и достал сигарету.

- А вы могли бы, если я вас попрошу, пока не курить, - поморщилась Азалия Адамовна.

Я безмолвно раздушил сигарету в блюдецe с недоеденным соусом. Любопытно, а неприбранный стол ее не раздражает? Черта с два начну я тут суетиться и убирать тарелки. Пусть терпит: не я набивался на знакомство.

- Занимательное у вас имя, да и отчество из редких, - сказал я, чтобы скрасить неловкость от загубленной в соусе сигареты.

- Моего отца звали Адам, и он был первым человеком, - соседка устала в меня так, что ее серые глаза зеркально отразились в моих висках.

Это уже начинало надоедать. Я человек, в общем, добрый. После бутылки водки не буюню и всех люблю, при встречах с неизвестными мне людьми особенно не навязываюсь, гадости женщинам говорить не могу даже если очень хочется.

- Кстати, у вас фамилия тоже не славянская, - опять загадочно улыбнулась Азалия Адамовна, и мне показалось, что она читает мои мысли.

- У меня нет никаких секретов, - с намеком пробормотал я. – Мои предки из обрусевших викингов, и раньше наша фамилия звучала – Ламберг, но в одно время на Руси стало нехорошо носить подобную фамилию, за нее, принимая за шпиона, либо ссылали в Сибирь, либо... Потом все изменилось, но когда фамилию реставрировали, то какая-то неграмотная паспортистка ошиблась. Обычная история. Мои родители больше не рискнули связываться с органами, о которых идет любая слава, кроме доброй.

- Вы – православный?

- Особенно не утруждаю себя религией, но православие мне нравится больше, чем то же католичество. Православие – демократическая религия, в ней нет запретов, ограничивающих человеческие желания и чувства, посты не в счет. Тонзуры, инквизиция, обеты безбрачия – это богоугодные дела католической церкви...

Честно говоря я хотел ущипнуть Азалию Адамовну, ибо принял ее за настоящую католичку, которая развешивает мне здесь лапшу на уши, но я и тут ошибся.

- Я не католичка, - перебила она меня.

- А кто же вы?

- Неважно, - прошептала она.

И у нее это получилось обворожительно. Воистину: женщина-загадка с уклонами в вероисповедание. Впрочем, мне эти чудачества ни к чему. Я зевнул явно невежливо, но эффективно. Пора бы и честь знать.

- Кажется уже достаточно поздно, - поднялась Азалия Адамовна в тот же миг. – Передавайте мои пожелания доброй ночи вашей очаровательной Наталии и Антону. Да успокоится ваш дух с Господом. До встречи.

- До встречи, Азалия Адамовна, - поднялся и я.

- Для вас я просто Азалия, - и ее теплая ладонь ласково погладила мою щеку.

Признаться я немного оторопел. Какая она, однако. Бог с ним, с Господом, но прикосновение ее ладони было истинно женственным и волнующим, и как-то западавшим в душу. И не скажу, чтобы это мне не понравилось.

Не хватало мне еще курортного флирта на виду семьи с соседкой, да еще немного повернутой на небесах. Конечно, я не святой, как и любой мужик. Однако. Короче, я стоял, как пень и вдыхал какой-то тонкий запах исчезнувшей в темноте Азалии, и этот запах меня волновал.

Вышедшая вскоре из флигеля Наталия стала молча убирать со стола. Я понял, что она не слышала нашего разговора с Азалией, но она не в восторге от нашей соседки, с которой я невесть о чем болтал. Но моя жена была выше всяких подозрений, а может просто устала за этот день перелетов, купаний и знакомств.

Я прошел за флигель и за расстилавшейся в сторону моря чернильной тишиной увидел захлебывавшийся в далеких волнах огрызок заката. И он был непередаваемого багрового цвета, влекущего и останавливающего своей прелестью. Он пытался за что-то уцепиться, этот, влекомый на дно моря, закат, но что-то неудержимо и властно тащило его за рубикон жизни и смерти, и он становился все призрачнее, бледнее. Я видел угасание силы, звавшей за собой и не находившей отклика.

Стало прохладно. Я резко повернулся и пошел к флигельку. Это было каким-то минутным наваждением – в агонии заката мне почудился неведомый призыв Азалии. Это же надо, как она меня умудрилась достать. И что еще странно: она пришла с нами знакомиться, но о себе ровным счетом ничего не поведала.

Впрочем, все это можно отнести к впечатлениям первой южной морской ночи – волшебным и необъяснимым, и которые затем стираются в памяти также, как брызги вина на рубашке.

- С тобой все в порядке, Максим? – Наталия обняла меня на пороге.

- Конечно, - я поцеловал ее в губы. – Пойдем спать.

- Я люблю тебя.

- И я тоже, - искренне произнес я, и чары, навеянные Азалией, разлетелись клочьями куда-то ввысь.

Пусть бросят в меня камнем

Безмятежное прозрачное утро принесло маленькое происшествие. Позавтракав, мы было собрались пойти в горы. Пока одевались в флигельке, Антошка ожидал нас в саду Риммы Альбертовны и, как положено ребенку, озорничал. Мелкой галькой Антошка расстреливал мирно бродивший по саду курятник нашей хозяйки, рассудив, что весело тогда, когда шумно. Переполошившийся от невиданной наглости многочисленный отряд куриц и петухов заклокотал, замахал крыльями и разбежался по кустам.

Римма Альбертовна выбежала из дома в одном халате и всплеснула от огорчения руками.

- Что ж ты делаешь, маленький ирод?

Маленький ирод насупился и кинулся к флигельку. Причитая, хозяйка походкой под стать своим хохлаткам двинулась туда же. Наталия и я выскочили на шум.

- Что ж он себе позволяет, разбойник, - кудахтала Римма Альбертовна, словно Антошка и ее загонял в кусты. – Мальчик хороший посмотреть, а он швыряться. Так дело не пойдет.

- И много он перебил пернатого гриля? – спросил я, прижимая готового захныкать сына к себе.

- Вы не умничайте, не защищайте, - накинулась на меня эта куриная няня. - Глядеть надо лучше, с этого все начинается. Камнями по курицам ноне, а завтра гранатами по людям. Знаем мы таких.

- Да успокойтесь, Римма Альбертовна, Антон все понял и больше так делать не будет, правда, сынок? - сказала Наталия.

- Угу, - буркнул Антошка.

- Да-да, я так и поверила, ишь как зыркает...

В этот момент из-за угла флигеля появилась наша соседка. Она была в темно-вишневом долгом платье с длинными рукавами. Волосы были убраны в строгую прическу. И опять же все это ей очень шло, но все-таки вид Азалии был не в тему – в таком прикиде появляются в театрах, но утром возле прозаического флигеля, при контрасте грязно-цветастого халата на клуше Римме Альбертовне и ее курином воинстве. О нашем бойскаутском одеянии я тоже не говорю.

- Бог с вами, - мягко произнесла соседка. – Что происходит?

Я подумал, что сейчас хозяйка затарахтит Азалии о нашем загубленном сыне, не успевшем погубить ее курячье царство, но Римма

Альбертовна повела себя, на мой взгляд, весьма странно. Она как-то потерялась, сдулась, как воздушный шарик и пролепетала:

- Да ничего не случилось, сестра Аза, совсем ничего. Грешна я, ой, нехорошая.

Пока я вникал, каким образом красавица Азалия может приходиться сестрой гарпии Римме, по-моему это же такое родство как у розы с тыквой, соседка втолковывала сникшей хозяйке (а перед этой ситуацией я вообще потерял всякое соображение):

- Римма Альбертовна, не ожидала от вас, я огорчена. Разве мы имеем право ругать и обвинять суету мира сего, требовать от неведающего, что творит он? Разве мы избраны судьями паствы? Что с вами? Вы обуяны гордыней или вас гложет змий накопленного дома? Вы оскорбили не меня, нет, я смиряюсь и перед этим, но вы оскорбили его, Всевидящего, злом в устах и в думах ваших.

- Да пусть он всех перебьет, слова не скажу, - вякнула хозяйка.

- Ничего вы не поняли, - вздохнула бесподобная Азалия так, будто выписала сеструшке Римме пропуск в ад, с чем я был бы вполне согласен. – Ступайте с миром. Мы поговорим попозже.

Это было что-то. Так величественно прогоняют королевы нашкодивших служанок.

Мне захотелось курить, но отчего-то я не посмел. Меж тем соседка взяла Антона за руку, присела возле него на корточки и погладила по влажной щеке. Точь-в-точь как меня вечером.

- Прости ее, добрый мальчик. Не держи зла в душе своей. Ты только постигаешь сей мир, и не бросай в него камни, но научись принимать их на себя. Не искушай себя обидами тварям Божиим, но служи обиженным, и ты поймешь насколько прекрасно и угодно явление твое Господу всеединому. Давай я тебя поцелую, и все вокруг наполнится согласием и любовью.

Она прикоснулась губами к его лбу, и Антошка обнял ее.

Обалдевшая Наталия смотрела на Азалию как на чудо. Я тоже в ней ощущал нечто схожее с воскресшими мощами матери Терезы.

- Извините, Азалия Адамовна, - пробормотала Наталия. – Мы не хотели втягивать вас в эти мелочные дрызги.

- Господь с вами, дорогая Наталия, - мило улыбнулась ей наша фея, поднявшись с корточек и небрежно отряхнув подол платья. – Ничто в мире этом не мелочь, и для любой души утешение ее в признании даже мелочи смыслом и постижением истины. И умоляю вас – для вас я просто Азалия.

- А ваша сестричка Римма назвала вас еще более кратко, - брякнул я и получил от Наталии молчаливый упрек.

- Возможно, и для вас когда-нибудь я стану сестрой, - не обратила внимания на мою корявость Азалия или не подала виду. – Для этого нужно лишь время, желание и терпение.

- Можно мне задать вопрос, Азалия, - покраснела моя жена. – Не сочтите это за бестактность с моей стороны. Вы – из этих самых, из верующих?

- Да, - без рисовки ответила та. – Я верую. Впрочем, как и все вы. Только вы об этом не задумываетесь, но я это вижу, и мне на сердце легко.

- Наша соседка не католичка и не православная, - дернуло меня уточнить. – Азалия, вы, наверное, из какого-нибудь сектантского братства вроде иеговистов, адвентистов, баптистов, всяких там пятидесятников?

- Нет, моя вера истинна, как истинно то, что я проникла в ваши души, - Азалия так смущенно и лукаво улыбнулась, что мы только согласно закивали головами.

Черт возьми, а ведь в самом деле, не знаю, как там в душе, я у нее не спрашивал, но вот в мозги она мне точно проникла. Я пожалел, что в моей богатой до женитьбы и скрытой, разумеется, от Наталии практике не было ни одной монахини или там примыкающей к будь-какой религии прихожанки, а то я бы посудачил насчет духовных устремлений у подобных дев.

- Не поминайте слуг падшего ангела всеу, как и имя Бога, - погрозила мне пальцем Азалия. – Толкают они вас на мысли и поступки нечестные. Не бросайте камни.

- Да Максим – хороший, у него нет дурных мыслей, - ничего не поняла Наталия.

Но я-то понял! Понял, что Азалия прочла мои мысли. И покраснел как вареный рак. Вот же экстрасенша, чер... Господи, прости.

- Упаси Боже, - вслух сказал я. – Пусть в меня бросят камнем. С вашими молитвами.

Азалия посмотрела на меня, и в ее серых глазах я прочел какую-то затаившуюся страсть, обволакивающую и ускользающую. Да, с этой мадонной нужно ухо держать востро: или она будет моей, или мы станем врагами. Хорошо хоть, что Наталия была занята Антошкой, которому уже надоела наша болтовня, и он тянул маму на прогулку в горы.

- До встречи, тетя Заля, - прекратил Антошка все разом.

- До встречи, мой мальчик, - приветливо кивнула она ему. – Мы еще свидимся, Наталия и Максим.

Мы двинулись в горы. Куда делась соседка, я как-то не обратил внимания. Но что-то осталось от этой второй с ней встречи такое, отчего и небо было просторней, и облака легче, и солнце щедрее, и горы выше.

Разве что не было птиц, отчего вся эта красота казалась безжизненной, но я не придавал этому значения. Тогда.

Что наша жизнь – суета

Не скажу, что я находился под впечатлением речей и царственных жестов соседки, меня задевали лишь ее необъяснимые и волнующие взоры. Однако на Наталию произвели впечатление именно речи и жесты. Вообще-то моя жена человек увлекающийся и импульсивный, люди, необычные и не стыкующиеся с традиционными типами российского менталитета сразу ее располагают к ним.

- Ты не заметил, Максим, в этой Азалии ничего такого не обыкновенного? – задумчиво спросила Наталия, когда мы после обеда прохаживались по тенистым улочкам городка.

- Обычная проповедница, которых немало развелось, - ответил я, вытирая с Антошкиной рубашки свежее пятно мороженого.

- Нет, не то. Она ничего нам не проповедовала. Я бы это уловила мигом. Нет, Азалия естественна, одухотворена, она не хочет показаться нам именно доброй, верующей, она такова на самом деле.

- И тебе это нравится.

- Да она мне очень симпатична своей открытой и безыскусственной душой.

- Однако как быстро ты распознала ее бесхитростную душу, - хмыкнул я, поневоле припомнив странные взгляды соседки.

- Мне для этого нужно только увидеть человека, услышать его.

- Ты скажи чего доброго, что видишь в ней родственную душу и назови, как наша хозяйка – сестрой Азой.

- И мне нравится тетя Заля, - вставил свой голосок Антошка.

- Сдаюсь, - рассмеялся я и поднял руки. – Против такого двойного нажима моя логика не устоит. – Пойдемте-ка на пляж и выбросим всяких Азалий вместе с их душами к чертовой матери. Нас ждет теплое море и обалденное солнышко, крики чаек и покой. Правильно, малыш?

- Правильно, - солидно подтвердил Антон.

Наталия отчего-то обиженно сжала губы, словно я ее чем-то обидел. Видимо, она посчитала, что я признал ее слова глупыми.

Я не придавал этому значения, рассудив, что море очистит этот налет маленькой ссоры, и нечего нам начинать кукситься друг на друга из-за нашей неординарной соседки. Пусть ее со всеми добродетелями ждут ангелы на небесах, а мы пока еще поаемся на грешной земле и, желательно, без лишних проблем.

Так оно и случилось. Море всех нас освежило, взбодрило и вернуло хорошее настроение.

У калитки, открывавшей вход в подворье Риммы Альбертовны, красовалась она собственной персоной, точно поджидала нас. И верно. Вся – полная предупредительность и радушие – хозяйка встретила наше семейство лучезарной улыбкой, которую не иначе подбирала полдня у зеркала.

- Как отдохнули? Ишь, уже и загар появился, а то были такие бледненькие, - расшаркалась она с таким участием, что мне показалось все это наигранным, будто за Риммой Альбертовной маячила тень сестры Азы. – Я и это самое, кислячка вам приготовила холодненького, с погребу. Пусть, думаю, отведают натурального, полезного. После жары оно ох, как вкусненькое и от него худеют. Хочешь, кислячка, мальчик?

- Сколько стоит ваш молочный гербалайф, - со скрытой иронией спросил я, разглядывая тучные формы хозяйки, которая либо сама не употребляла рекламируемый товар, либо хлебала его тоннами.

- Да Бог с вами, - замахала она руками. – Совсем бесплатно. Ни копейки с вас не возьму. Что ж мы все на деньги будем мерить, оно и нехорошо, мы ж люди-то. Не век жить, деньги доброту не заменят.

За этой деланной добротой мне опять почудилось влияние нашей соседки. Все же любопытно, как это Азалия умудрилась свалить такое сокровище в виде Риммы Альбертовны на путь истинный. Впрочем, отдаю ей должное. Наша хозяйка совсем не походила на ту разгневанную бабу, которая с утра устроила нам выволочку. Видимо, она отымела задушевный разговор с сестричкой Азой. Во всяком случае, если эта закупоренная в недрах телес стерва сообщит, что она и плату за проживание в ее флигельке с нас не возьмет, то я Азалии предложу переехать в наш северный мегаполис и устроиться на работу в налоговой инспекции.

Кисляк, представлявший собой скисшее и чуть забродившее молоко, действительно был хорош, и мы с наслаждением пили его за вынесенным из душного флигелька столике. Признаюсь, в глубине души я ждал появления общей дворовой феи. Без нее становилось как-то неинтересно. Это я ощущал и по поведению Наталии, время от времени бросавшей быстрые взгляды на тропинку в саду, по которой вчера нарисовалась наша необыкновенная знакомая.

Я чувствовал, что она придет. И не ошибся. Разница была лишь в том, что фея заявила не одна, а с дуэтом, являвшим собой милостивую молодую женщину с каким-то полуотрешенным лицом, бледную, словно она загорала на Луне, и тощую, словно она питалась там же, и неким ее спутником, сутулящимся и поминутно протирающим ладонями сухие щеки. При этом он ступал так робко, будто боялся ненароком задеть даже атомы воздуха. Азалия была во вчерашнем наряде, а двигавшийся за нею

тандем был экипирован с такой строгой простотой, какая сопутствует провинциальной паре, собравшейся на вылазку в гастрольный театр.

На мой взгляд это было так несообразно курортной обстановке, что я демонстративно развернулся на стуле, выставив на всеобщее обозрение свои шорты и по-мужски волосатые ноги во вьетнамках.

Уже вечерело, тени от деревьев в саду проецировались на нашу компанию, делая ее зеброобразной. Легкий ветерок шустрил по яблоневым и грушевым листьям и запутывался в распущенных волосах Азалии. Она была чертовски привлекательна. И, похоже, соображала это.

- Бог с вами, - традиционно поприветствовала нас соседка. – Ничего, что мы нарушили случайно ваш отдых?

- Ничто в этом мире не бывает случайным, - съязвил я. – Добрый вечер.

На Азалию моя демонстративность в позе и словах не произвели абсолютно никакого воздействия. Она ласково улыбнулась Антону и Наталии, а затем представила смиренно застывшую позади нее парочку.

- Милые мои соседи, вы не против если я вас познакомлю? Это – Светлана, это – Борис, - и тут же Азалия представила мою семью, включая и меня.

Несмотря на мои уговоры, новоявленные Светлана и Борис наотрез отказались присесть за столик, равно как и Азалия.

- Вы – тоже отдыхать сюда приехали? – обратилась к Светлане с Борисом моя жена.

- Они со мной, - ответила за них и весьма туманно сама Азалия.

- Прекрасно, - хлопнул я в ладоши. – Дорогая Азалия Адамовна, ваших поклонников или братства прибывает не по дням, а по часам. А Светлана и Борис – это имена в миру или как?

- Максим, - повернулась ко мне соседка. – Вы чересчур вальяжны, это вам совсем не идет.

Надо же! Дополнительно к этой оплеухе я еще поймал и сердитый взгляд Наталии. Да, иногда я не умею себя вести, но мне так хочется. Мне доставляло удовольствие поддеть соседку, может быть тем самым эта таинственная леди чуть-чуть раскроется.

- Светлана и Борис веруют в то, во что верю я. Здесь нет ничего тайного и смешного, - опять эта умная бестия поймала мои мысли.

- Занятно, тогда может вы откроете нам светоч вашей веры? – не успокаивался я. – Например, в свое время я верил в коммунизм, потом в демократию. Ныне я – идеологический атеист. С религией посложнее в том смысле, что ею я не вдохновлялся. Помогите заблудшему, - не успокаивался я.

- Вы не заблудший, вы – инквизитор души своей, - очаровательно сообщила мне Азалия. – Вы, Максим, нуждаетесь в лечении, вы держите в себе беса. Подождите, я попробую.

Она подошла ко мне, приложила ладони к моей голове и тихо-тихо, так, что я еле слышал, зашептала:

- Я заклинаю тебя, нечистый дух во имя Бога Отца всемогущего, и во имя Иисуса Христа, Сына Его, нашего Господа и Судьи, и силою Святого Духа, чтобы ты отошел от этого творения Божия, которое наш Господь соблаговолил избрать своим святым храмом, чтобы оно могло стать храмом живого Бога и чтобы в нем обитал Святой Дух. Изыди, покинь сей храм бес.

Не скрою, я оказался на какое-то время во власти некоей блаженной истомы, такими сокровенными оказались пальцы и дыхание Азалии. Очнувшись, я со смущением обнаружил отодвинувшуюся, но еще извивающуюся тенью в моих мозгах соседку, задумчиво потирающую скрещенные на груди ладони, благоговейно взирающую на нее Светлану и Бориса, но более всего меня поразило выражение глаз Наталии. Я думал, что происшедшая сцена, чем-то напоминающая духовный интим, ей не понравится. Однако жена смотрела на Азалию восхищенно, словно открыла в ней чудодейственную силу. Я вздохнул облегченно, не хватало, чтобы моя половина что-то заподозрила.

- Вы, наверно, хотите узнать результаты спиритического сеанса? – спросил я, немного бравируя, всю компанию.

- О нет, никаких результатов. Если я услышу, что вы мгновенно очистились и стали на путь истины, я скажу, что вы лжете, - ответила тут же чудотворница. – Не надо смеяться над тем, что ходит рядом с вашей душой и жаждет проникнуть в нее высшим светом. Не гоните от себя необдуманно свет, не обольщайтесь суетой достигнутого. По сути вы бедны. Я это вижу.

- Не думаю, что я беден. Я люблю жизнь и доволен ею, я пожал плечами. – У меня достаточно интересов и желаний, чтобы упрекать в скудости мою бrenную душу.

- Все это та же обыденная суета, равно как сон, еда, наслаждения, - вспыхнули зрачки Азалии.

- Но без этой обыденности человек не может жить, только прозябать или превратиться в старую ненадеванную калошу. К тому же, сон и еда – это обязательное право человека на существование, а наслаждения, если я правильно понял, - на продолжение рода. Я – за такую суету. Простите, но без подобной суеты я просто-напросто умру.

- О, как мне это знакомо, - с каким-то, похожим на стон, восклицанием отшатнулась от меня соседка. – Закостеневшие в своих суждениях и повадках, чуждых истинному, такие люди трепыхаются в

своим созданном уютном мирке, как цыплята в пыли, и радуются, вот, мол, как хорошо, удобно, сытно. Но им не увидеть небесной чистоты, ибо они предпочитают грязь и им не поднять взор ввысь. Они бестрепетно и глупо говорят обо всем и даже о смерти, как о той же обыденности, но именно смерть не только избавление от пошлой и тягучей суеты, что вы называете жизнью, но это осознанный шаг к постижению истины, и сей шаг угоден Высшей силе, как признание его вечного величия и власти над всем сущим.

- Именно, именно так, - неожиданно крикнула Светлана, а ее спутник усиленно закивал башкой, как напоенный конь.

Стало уже довольно темно. Ветерок утих. Очертания деревьев в саду слились с кофейным мраком, вокруг было все безмолвно и покойно, даже обычно начинавшие в эту пору свои концерты и полеты цикады и кузнечики, не тревожили нас. За дальней оградой сада то ли завывала, то ли пролаяла собака и стихла. Небо распласталось над нами беззвездной черной мантией, хотя вечерний бриз вряд ли мог нагнать туч и облаков, сокрывших далекие искры зова Вселенной.

- А вы, Наталия, что думаете? – неожиданно обратилась Азалия к моей жене.

- Да все это как-то мне непонятно, вернее, я не задумывалась над такими вещами, - услышал я смущенный ее голос.

- Это не вещи, это суть истинного, - вдруг пробормотал Борис, и мне стало жаль, что в темноте я не могу видеть личика этого хорька, ужу познавшего суть.

- Нет, нет, не поймите превратно, - забеспокоилась Наталия. – Все это очень завлекательно, необычно. Мне очень жаль, что я такой профан во всем этом, - она вроде усмехнулась, но как-то вымученно.

- Ничего страшного, все познается, было бы желание. Я вижу в Наталии отверзстую душу к постижению единственной истины, она сумеет нас понять, ведь правда?

Я не успел даже запротестовать против такого откровенного нажима на мою вторую половину, наивность которой мне была известна также, как и ее сокровенные достоинства. Наталия сказала.

- Правда. Я хочу.

И тут мне отчего-то кольнуло в сердце, я ощутил себя отодвинутым в некую серую даль, нечто вроде серебряного покрытия на зеркале, когда могу на все смотреть, но и только. Я оказывался лишним, ибо не воспринял даже при нашептываниях Азалии над моей головой ничего из ее проповедей, но Наталия отнеслась серьезно к этому. Господи, да неужто действительно можно было воспринимать всерьез всю эту болтовню. Азалия куда больше привлекала как женщина, что она морочит голову? И кому?

Размолвка

Лазурным утром я сбегал за свежим хлебом, вернувшись к тому времени, когда моя семья уже ждала возле флигелька. После завтрака я стал собираться к морю. Антошка был уже, как всегда, готов. Однако Наталия сидела за столом и спокойно смотрела на наши сборы.

- Поторопись, дорогая, - сказал я. – Надо идти в свежую воду, пока ее не взбаламутили прочие курортники.

- Я не пойду.

- Почему? – я застыл на месте. – Ты себя неважно чувствуешь?

- Нет, все в порядке, - Наталия встала и прошлась. – У меня другие дела.

- Какие? Какие могут быть еще дела на море кроме него самого?

- Меня пригласила Азалия пойти с ней, - Наталия, когда умела, говорила так, что никакие контраргументы на нее уже не действовали.

- Далась тебе эта Азалия, - проворчал я. – И когда же это вы успели сговориться?

- Утром, когда ты ушел в магазин. Мы прогуляемся с ней до обеда. Не дуйся, Максим, в конце концов я могу побыть с интересным человеком, ведь это не так часто случается в моей жизни. Конечно же, Антошка и ты не в счет.

- Спасибо и на этом, - нахмурился я. – Жаль только, что ты предпочитаешь топтание по жарким улицам теплomu морю, ради которого, в общем-то мы сюда и приехали. И надо пользоваться этим каждый день.

- Успею, - пожала плечами Наталия. – Ничего страшного.

Мы ушли вдвоем. Славного купания не получилось, по крайней мере для меня. Что-то в происшедшем разговоре с женой настораживало, хотя он был обычным. Я никак не мог понять, почему меня давит в груди. Антошка весело плескался и постоянно норовил затянуть меня в воду. Я рассеянно играл с ним, ища какую-то мысль, дающую ответ на неопределенность моего настроения.

И эта мысль пришла, как приходит простой ответ на простой вопрос, неожиданно. Я вспомнил не слова Наталии, а то, как она это говорила, натянуто, вымученно. Да, именно это. Наталия была не похожа на ту, привычную мне Наталию. Она казалась какой-то скрытной, обманчивой, и фальшивила в нашем разговоре. За обыденными словами, ничего не значащими (ну, подумаешь, пойдет с соседкой поспрашивать по городу), скрывалось то, что она хотела от меня скрыть. Оттого и еле уловимая фальшь – Наталия с усилием старалась придать естественность тому, что и так бы выглядело естественным, и это вышло неестественно. Но зачем

тогда такое усилие? Зачем притворяться? Значит, появилось, уже существует между нами нечто такое, куда доступа мне нет, есть тайна. И эта тайна связана с Азалией.

Мне очень захотелось, чтобы быстрее наступило время обеда, мне нужно увидеть Наталию, развеять все невесть откуда напавшие на меня дурацкие мысли, сомнения, убедиться, что все мне померещилось и между нами нет никаких недомолвок, недосказанности.

Когда мы возвращались я нарочито выглядел беспечным и довольным, как Антошка. И на улице, ведущей к нашему флигелю, мы столкнулись нос к носу с той, с кем как-то видеться ныне не входило в мои планы.

Азалия тоже замедлила шаги, но поворачивать было некуда. Она мило потрепала Антошку по голове и вопросительно посмотрела на меня (видно, не совсем удался мне беспечный вид), ослепительная и холодная, как античная статуя.

- Добрый день, - поздоровался я. – Вот уж не думал, что вы так рано поднимаетесь.

- Почему рано?

- Во всяком случае пока одни добрые люди бегают с зарей по магазинам, другие добрые люди успевают сговориться с чужими женами, - отпустил я грубость, сдобрив ее глупым смешком.

- Вы слишком пристрастны, словно мнительный собственник, - Азалия опять была на высоте собственной проницательности.

- А где же ваша новая подруга, по совместительству моя жена?

- Она придет попозже.

Я проглотил. Пока. Шлепнув Антошку, я отправил его в флигель переодеваться к обеду.

- Азалия, глядите, не переусердствуйте, а то Наталия вместо морского берега угробит весь отпуск на ваши дела. Если откровенно, такая перспектива мне не нравится.

- Ваша жена хочет познать истинное и себя в этом познании, что ж тут плохого?

- А что хорошего? Мы приехали сюда отдыхать, а не забивать мозги.

- Пожалуйста, отдыхайте.

- Разумеется. Но я хочу отдыхать со всей семьей. Присоединяйтесь к нам, на пляже тоже можно болтать обо всем, там даже привлекательнее.

- Спасибо. У меня свои планы, - Азалия сжала губы.

- И в эти планы входит моя жена? И я? Скажите откровенно. – без обиняков спросил я.

- Каждый выбирает свой путь. Насчет вас можете быть спокойны, ваша духовная субстанция слишком заострена в порочности бытия. К сожалению, у меня нет времени на то, чтобы вас исцелить.

- И когда вы сделали такой вывод?

- Вчера.

- Когда медитировали над моей бедной головушкой? – невесело усмехнулся я.

- Называйте это как хотите, меня все равно не обидеть.

- Да не собираюсь я обижать вас, Азалия. Зачем вам тащить нас к себе?

- К нам не тащат, к нам сами стремятся, - соседка глядела на меня в упор смело и вызывающе.

- Кто вы?

- Избранные.

Мне показалось, что я ослышался. Но нет, Азалия не могла оговориться. Она стояла передо мной серьезная и одухотворенная каким-то внутренним торжеством того, что сказала.

- Кто вы? – прошипел я.

- И когда вышел Он из лодки, тотчас встретил Его вышедший из гробов человек, одержимый нечистым духом; он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями; потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его; всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни. Увидев же Иисуса издалека, прибежал и поклонился Ему и, вскричав громким голосом, сказал: - Что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? заклинаю Тебя Богом, не мучь меня! Ибо, Иисус сказал о нем: - Выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: - как тебе имя? И он сказал в ответ: - Легион имя мне, потому, что нас много.

Все это Азалия выдохнула из себя, глядя в меня и не моргнув ни разу. Ее красивое лицо слегка побледнело, зрачки глаз расширились, руки сцепились в узел до хруста. Я был подавлен таким откровением. Несообразность обстановки вокруг нас в виде пыльной и залитой солнцем сонной улочки, не гармонировала со страшными и неведомыми словами соседки. Но я представил как убедительна и завлекательна была бы Азалия если бы все это происходило вечером при свечах в каком-нибудь склепе или молитвенном сарае. На миг я позабыл даже о жене.

- Откуда это? – выдавил я из пересохших легких.

- Это – из Марка.

- И что это означает?

- Только одно, мы боремся с легионом, отдавая заблудших и уверовавших в объятия вечности, истины, Господа. И коль я зову за собой,

за мной следуют те, кто не может и не жаждет жить под властью легиона князя тьмы. Я – спасение им.

- Азалия, но ведь вы женщина?

- Я – не женщина, моя плоть – плоть женщины. Но и только. А ваша жена скоро придет, она сама захотела задержаться. Извините, мне пора.

Она отвела взгляд, вздохнула и спокойной уверенной походкой человека, которому все ясно и открыто в этой жизни, скрылась за калиткой, оставив меня в полнейшей прострации.

Наталия пришла, однако, не совсем скоро. Антошка за обедом несколько раз спрашивал, куда подевалась мама, и в конце концов я на него накричал. Он надулся и убежал во флигель. Но откуда я мог знать, где Наталия. Меня раздражало ее отсутствие, к раздражению примешивалось и смутное ощущение тревоги, не оставившее меня с пляжа. Правда, я успокаивал себя, что жена застряла в каком-нибудь ярком магазине, но внутри себя такому разумеющемуся объяснению не верил.

Антошка плаксиво заявил, что он хочет на море. Я отговорился тем, что на дворе солнцепек, и он запросто изжарится на пустынном пляже за полчаса, из-за чего будет вынужден пару дней валяться на постели во флигеле вообще безо всякого моря. Это подействовало, и мы оба улеглись читать любимого сыном “Незнайку на Луне”.

Читал я механически, ловя себя на мысли, что прислушиваюсь к каждому скрипу калитки, шороху и звукам голосов на улице. Но сначала я услышал ровное сопение Антошки – парень, разморенный жарой и обедом, спал. Тихонько поднявшись с кровати, которая скрежетала от любого движения, как ржавая рассыпающаяся колымага, я вышел в сад покурить, и тут увидел жену.

Она закрыла калитку и медленно шла к флигелю, опустив голову. Так ходит человек, отягощенный запавшими в голову думами. Наталия была явно чем-то озабочена, что даже не замечала меня, хотя я дымил около вековой груши и явно выделялся на фоне деревьев.

- Натали, - тихо окликнул я.

- Ах, Максим, ты меня напугал. - отшатнулась Наталия и попыталась улыбнуться, но вышла какая-то жалкая и виноватая гримаска.

- С тобой все в порядке?

- Да, - кивнула она.

- Ты проголодалась, наверное, лапочка, мы с Антохой пообедали, не дождавшись тебя, но самое вкусное единогласно оставили для мамы, - я обнял жену.

- Я не хочу есть, спасибо, - каким-то нервным движением Наталия увернулась от моих объятий.

- Ты устала?

- Да, да, я устала, - как-то обрадованно, словно ей подсказали причину ее состояния, согласилась Наталия. – Я, пожалуй, пойду прилягу.

Меня так и подмывало спросить, где ее носило столько времени, но я решил оставить вопросы на вечер. В самом деле, жена была непохожа на себя – такой отстраненной и блуждающей где-то вдаль, я бы сказал даже – жалкой и забитой, я ее никогда не видел.

Наталия не поднималась с кровати до вечера. Уже и Антошка проснулся, уже мы и к предзакатному морю решили прогуляться, уже вернулись обратно, а она все лежала. Спала ли она, делала ли вид, что спит, я так и не понял – Наталия никак не реагировала ни на Антошкин шум, ни на нарочито громкие наши с сыном сборы к морю, ни на наш приход.

Она поднялась к ужину, который традиционно проходил за вынесенным столом из флигеля. Мы ужинали вдвоем, и никто не нарушал нашей трапезы. Наталия ела мало, как бы через силу, и ее лицо выражало ту же озабоченность или отягощенность думами, что и в момент прихода днем. Правда, временами она быстро и как-то ожидающе бросала взгляды на тропинку, которая вела к обители соседки, но Азалия не появлялась. Мое унявшееся было раздражение появилось снова.

- Тебе кого-то не хватает? – спросил я, тщательно скрывая свое состояние. – Мы все на месте.

- Нет, нет, - вздрогнула Наталия.

- Что с тобой происходит? – не выдержал я.

- Ни-че-го, - по слогам произнесла она таким тоном, чтобы от нее отстали.

- Неправда, ты сегодня какая-то не такая.

- Какая я? – мученически прошептала жена.

- Не знаю, отчужденная, что ли. Мне это не нравится. Тебя не было почти полдня, затем ты, ни слова не говоря, рухнула на кровать, не желаешь ничего сказать, где была, что видела, словно мы незнакомые люди. Выглядишь при этом сомнамбулой. Что произошло?

- Ни-че-го, - повторила Наталия тем же тоном.

- Посмотри мне в глаза. Что я, ослеп? Я же вижу, что с тобой неладно. Если это следствие твоей прогулки с соседкой, то я ее отважу, и дорогу к нам позабудет, - резко сказал я и для пущей убедительности стукнул кулаком по столу.

- Папочка, мамуля, не ругайтесь, - запищал Антошка и осекся

Наталия внезапно вскинула на меня заблестевшие глаза, судорожно сцепила руки, ее красивые пухлые губы вытянулись в две тонкие линии.

- С какой стати ты мне приказываешь с кем мне гулять? Я не твоя собственность...

- Ты моя жена, - перебил я ее.

- И я имею право на встречи с тем, с кем хочу, - повышая голос и не обращая никакого внимания на мою реплику, продолжала Наталия. – И никаких угроз относительно Азалии я не хочу слышать. Она лучше вас всех, а вы норовите ее обидеть, прогнать, посмеяться.

- Да никто не смеется над ней и не прогоняет. А то, что у тебя от нее крыша едет, это факт. И нечего ей тут делать. Вон, уже результат: ни улыбки, ни покоя на твоём лице, а какой-то мрак. Погляди иди на себя в зеркало. Давай, а потом будешь заступаться за эту проповедницу.

- Не смей так говорить о ней. Ничего не смей говорить о ней, - закричала Наталия, и мне показалось, что она готова вцепиться мне в волосы.

- Да угомонись ты, успокойся, - отпрянул я, ошарашенный ее неожиданным взрывом. – Люди спят, а ты раскричалась, точно тебя режут.

- За что вы, ты ее ненавидите. Она хочет добра. Но вы все злые, злые, злые. Я знаю, я это поняла. И ты такой же, - криком исходила Наталия.

Антошка заревел. Мне ничего не оставалось делать, как схватить трепетавшую жену в охапку и силой отнести ее во флигель. По крайней мере здесь истерика будет не такой оглушительной для почивавшего города и ушей проклятушей соседки.

- Считаю меня злым, чудовищем, монстром, кем угодно, - я усадил Наталию на кровать. – Кусай, бей, царапай, вот он я. Но к Азалии я тебя не пущу больше. С меня хватило одного концерта. Ты поняла?

Обессилевшая и задохнувшаяся под прессом моих рук Наталия повалилась на зарывавшую всеми ржавыми пружинами кровать и разрыдалась. Я терпеть не могу рыдающих женщин, ибо сразу слабею и готов принять на себя собственную неправоту и тогда, когда прав. Рыдающая Наталия – это было что-то за все годы нашей семейной жизни. Никогда я не доводил ее до белого каления, когда у нас возникали ссоры по всяким будничным мелочам. Сегодня Наталию как подменили. И я был уверен, что знаю – кто. Завтра я увидаюсь с этой ледяной красавицей, чертовой душеведкой и выскажу ей все. И пусть попробует после показаться в радиусе моих национальных интересов.

Наталия молча отвернулась к стенке, изредка ее плечи вздрагивали. Антошка, а здесь он спал с ней, примостился к ее спине, шепча “Мамочка, любимая”, но мамочка не отвечала.

Я рухнул на свою койку. Разозленный и расстроенный. Впервые за всю историю моей семьи никто не поцеловал друг дружку на ночь и не пожелал спокойной ночи.

Впрочем, какая тут к черту спокойная ночь!

Глава 2

Явление князя тьмы

Погода испортилась. Рваные порывы ветра шмякались о флигель, и, казалось, не только нервно дребезжали стекла в старых некрашенных рамах, но и сами стены стонали под нажимом расходившейся бури. Ветки груши отчаянно колошматили по крыше, словно стая одичалых кошек хотела расцарапать вершину нашего убежища. Возможно, я и преувеличивал. Но бессонная ночь, перемежавшаяся тупой дремотой, к утру меня совершенно доконала, и я воспринимал все обостренное.

Наталия и Антошка спали в обнимку, и, судя по всему, ничто не могло их разбудить в такую рань. Мои часы показывали шесть часов с копейками.

Тихо одевшись, я вышел во двор. Вместо обычного прозрачного и свежего утра меня встретил туманный сумрак. Небо было похоже на давно немытое запыленное окно. Низко нависшие облака старыми сизыми одеялами проталкивали себе дорогу куда-то в море, бессмысленно нагромождаясь друг на дружку. Сад шумел, точно застигнутый врасплох на привале поход древних викингов – хрустели стволы сгибаемых деревьев, искромсанные и мятые листья швырялись в лицо, гулками канонадами сыпались на землю спелые яблоки, груши, сливы. С моря доносилось протяжное сипение, перерастающее в сердитый гул. Воздух был влажен и колюч.

Я с трудом закурил, отвернувшись от настырного ветра. Вряд ли кто просыпается по такой буре спозаранку. Поди, эта чертова Азалия дрыхнет безмятежным сном праведницы. Или это она призвала, точно догадавшись телепатически о моих намерениях, все силы стихии, дабы они противостояли нашей встрече. А ведь мне нужно потолковать с ней до того, как проснется Наталия.

К дьяволу! Меня ничто не остановит. Разбужу эту идолоподобную куклу, пусть зачтется на том свете. Любопытно, какая она спросонья?

Не дойдя считанные метры до порога дома, я остановился как вкопанный. Это было зрелище! На крыльце стояла соседка в черной просвечивающей ночной рубашке. Полузакрыв глаза, она протягивала перед собой разведенные руки, точно призывала кого-нибудь или отдавалась во власть непогоды. Растрепавшиеся волосы то обволакивали ее лицо, то откидывались сумасшедшими крыльями. Стройная фигура подалась чуть вперед, выделяя безукоризненные выпуклые очертания груди. Рот Азалии словно ловил струи ветра, и я не сразу догадался, что она о чем-то шепчет.

Под моей ногой хрустнула ветка. Я покраснел, как пойманный школьник, заглядывавший в заветную дырочку женской раздевалки. Азалия открыла глаза, и я смутился еще больше, потому, что сама соседка осталась абсолютно невозмутимой, даже не стала, как это принято у застигнутых врасплох дам, суетливо запахивать или прикрывать пикантные места. Она взглянула сверху вниз так, если бы наша хозяйка Римма Альбертовна принесла ей отведать куриных яиц.

- Бог с вами, Максим, - Азалия медленно опустила руки к взбаламутившейся от очередного рывка ветра ночной сорочке, оголившей точеные и совершенно белые ноги.

- Здравьете, - буркнул я. – Не спится?

- Я вас жду.

Она снова была неподражаема обыкновенностью своей необыкновенности. Я почувствовал, что продрог. Готовые с ночи сорваться с языка слова скользнули в горло и примерзли там.

- Нам надо поговорить, - кое-как наконец прокаркал я.

- Знаю.

- Хм. Прямо здесь?

- Где хотите, но только не у меня. К себе я вас, Максим, не могу пустить.

- Бойтесь за репутацию? – сморозил я осознанную пошлость.

- Нет. Ваш дух неприемлем в моем жилище.

- Ах, я оскверню собой вашу богадельню, - уразумел я. - Ладно, одевайтесь, я подожду, и отправимся куда-нибудь. Погуляем.

Она загадочно и, как мне показалось, театрально вскинула брови, и, не отвечая, скрылась за дверью. Вне сомнений, она догадалась, что я не хочу, чтобы нас увидела Наталия. Ну и черт с ней, пусть догадывается.

Ветер, между тем, усилился. Теперь он был не порывистым, а нескончаемым. Облака исчезли, превратившись в одно сплошное пятно. Небо потемнело, из пегого став мутно-лиловым. Морской гул слышался все явственнее и грознее. Несколько белых лепестков распушенной магнолии, скользнув по лицу, унеслись за изгородь. Подобно зимней поземке под ногами завертелась пыль вперемешку с различным сором.

Азалия появилась на крыльце, тщательно причесанная (ее каштановые волосы были укреплены заколками за ушами) и в строгом длинном сером шерстяном платье. Лицо ее было чуть уставшим, но привлекательным и без всяких следов косметики. Выглядела она, конечно, эффектно, словно манекенщица экстра-класса на подиуме. И зачем она убивает (или делает вид, что убивает) в себе женщину? Впрочем, это не к нашей теме.

- Куда мы пойдём?

- Не знаю, - пожал я плечами. – Раз вы предполагали наш разговор, то, наверняка, продумали и его место.

- Хорошо, - кивнула она, проходя мимо меня.

Мы молча пересекли пустынный сад, оставили за собой скукожившуюся холодную улочку, по которой лилипутскими торнадо вздымались кучи уличного сора. На повороте, где улица спускается к морю, стало сыро – сюда долетало материализовавшееся эхо разбивавшихся о берег волн. Но мы свернули не к морю, а на еле видневшуюся в рытвине, сплошь застеленной колючим бурьяном, тропинку. Тропинка после рытвины резко змеилась в кручи, обильно сдобренные густой лесиной, трескающейся и скрипящей под натиском бури.

Здесь было мрачнее, но и тише. Ветер не так сильно пронизывал нас обоих, запутываясь в корявых ветках деревьев. Все равно мне было холодно, но я этого не покажу Азалии. Впрочем, она подымалась вверх легко и уверенно, как бывалый путешественник. Порой ветер и особо крутой подъем мне, шедшему позади, открывали на мгновение ее юбку и перед глазами мелькали гибкие очертания ее соблазнительных ног, но я не чувствовал сейчас к соседке никакого естественного мужского влечения.

Наконец мы добрались до какого-то маленького плато, ограниченного с одной стороны почти вертикальным откосом и откуда открывался отличный вид на бушующее внизу серое вздыбленное море, а с другой стороны – поваленными сгнивающими стволами. На один из таких стволов, как на скамейку, Азалия села и показала мне рукой место рядом.

- Иногда я люблю здесь отдыхать одна. Здесь ничто не напоминает о человеческой грязи.

- Неужели? – пробурчал я невольно задрожав от сквозного дуновения ветра.

- Разведите костер, - Азалия посмотрела на меня. – Просто я люблю огонь.

Откуда она знает, что у меня есть спички? Впрочем, она же видела, как я закуривал. Вот, дьявол, мне уже мерещится в ней нечто сверхъестественное.

Я быстро набросал горку валежника, внизу подложил сухие листья, и через минуту яркие отблески огня игриво затанцевали по нашим лицам. Я сел на корточки, протянув к костру ладони.

- Я слушаю, Азалия.

- Боюсь, что вы, Максим, не постигнете тех моих мыслей, которые я хочу вам сказать, но извольте, я объяснюсь, хотя бы для избежания в будущем различных недоразумений, - задумчиво произнесла Азалия, ее расширенные глаза неотрывно смотрели в сердцевину огня, и, казалось, огненные лепестки пылают в ее зрачках.

- Да уж как-нибудь, попытаюсь, - выдавил я смешок.

- Что же вы хотите услышать?

- Меня интересуют три вещи: кто вы и что за... цаца такая. Это – во-первых; во-вторых – что за это за бред, которым вы морочите головы окружающим, на что мне наплевать, и моей семье, на что мне не наплевать; в-третьих, как нам договориться, чтобы вы оставили в покое Наталию. Иными словами – когда вы уберетесь к чертовой матери.

Все это я сказал нарочито грубовато, чтобы сразу провести между нами черту. Меня ни к чему склонять не надо, я не из тех умалишенных типа Бориса или Светланы, в рот глядящими сестричке Азе, на этой бодяге меня не возьмешь. Я хочу поставить точку. Жестко и немедля.

- Пусть будет так. Правда, у меня одно условие, - Азалия, как я и ожидал, не придала никакого значения тону моих слов или вполне владела собой, чтобы выказать это.

- Какое?

- Это наш первый и последний разговор на эту тему. Второй раз никаких откровений между нами не будет. Даже если вы ничего не поймете.

- Второго раза не понадобится, - храбро прервал я и подбросил валежник в костер.

- Прекрасно. Итак, кто я. Я, к великому сожалению, двуногое разумное существо, имею высшее гуманитарное и столичное образование, если вас, Максим, интересует мой интеллектуальный уровень грамотности. Незамужем и не собираюсь, физические контакты меня отвращают. Вот, собственно говоря, все обо мне. Достаточно? Перейдем ко второму вашему вопросу. То, что вы необдуманно называете бредом, в действительности является откровением, которое неожиданно, но отнюдь не случайно, вошло в меня и пребывает поныне, и стало моей целью жизни. Я уже сказала, что, к сожалению, я разумное двуногое существо. Именно разум человеческий – бич человечий. Ибо разумом вершатся все греховные дела и мерзости. В отличие от животных двуногие разумные существа осознанно делают зло. Разум – источник людских слабостей и пороков, и он использован самовлюбленным гордым искусителем – Сатаной для окончательного развращения человечества. Правда, Сатана отринул древние греческие догмы о таких понятиях как справедливость, умеренность, мудрость в качестве прикрытия ими порочности двуногих, но заменил их девственными христианскими добродетелями – верой, надеждой, любовью, как все теми же масками лицемерного оправдания злой воли разумных существ, коими движут в реальности гордыня, зависть, злоба, глупость, тщеславие, прагматизм, ложь. Вам нужны примеры? Пожалуйста: возьмите академика Сахарова, изобретшего самую страшную в мире бомбу и после этого вдруг ставшего поборником мира на земле. Это не вписывается в каноны истинной добродетели, но легко соотносится с тем же лицемерным прикрытием добродетели воли злого разума, ибо как

славно рядиться в белые одежды святого, будучи отцом вещи, способной и готовой уничтожить все человечество. Возьмите нашу светскую власть хотя бы нынешнего периода. Ельцин и его окружение, прикрываясь великими идеями так называемой демократии и возомнив себя идолами, на деле создали опять же разумно открытую воровскую шайку, беззастенчиво грабящую страну и откровенно являющуюся сутенером бедной терпеливой России. Или крокодиловы слезы Клинтона и всех западных радетелей прав человека, обдуманно и расчетливо уничтожающих балканский народ во имя мифической добродетельной идеи спасения какого-то малого народа. Впрочем, вся политика в любой стране на этом построена – на лжи и воровстве. Это примеры общего порядка, но и в частности они присущи каждому разумному двуногому. Вам – это эгоизм и сознание своей власти мужа над вашей женой. Вашей жене – это сознание и разумное объяснение своей подчиненности и несвободы, потому что она жена. Вашим коллегам по работе – это стремление больше заработать и сделать карьеру. В большом и малом разум людей управляет их пороками и оправдывает их. Завистливый прилагает весь ум для уничтожения объекта зависти и превознесения собственных пусть и надуманных достоинств. Трусливый разумно оправдывает причины своего страха, бессилия. Самолюбивый логично выстраивает концепцию собственного величия и также разумно жаждет поклонения и так же разумно стремится претворить это даже в ущерб другим. Все это от лукавого, от князя тьмы. Человеку разум дал Господь, но использует сей разум в человеках Дьявол. И моя вера построена на том, что очищение двуногих от скверны злого разума состоит в их жертвенности Богу, в их искреннем походе к нему безо всяких оглядок на то, с чем сжился, к чему привык, что связывает душу. Это – единственная и истинная цель всякого, кто готов понять себя и оправдаться перед Всеблагим. Вы этого не поймете, ибо закоснели в грешной мирской суете, ибо вам близки выгоды и влечения пороков. А вот ваша жена, кажется, доступна к пониманию высшей сути. Она способна на жертвы, на кои неспособны вы, Максим. И не во мне дело. Не в том, как я на нее влияю. Просто общение со мной высвободило в ней те добрые дремавшие силы на борьбу со злым разумом в себе. Никакого умысла с моей стороны в том не было, за исключением желания помочь высвобождению тех сил. Как вы заметили для сего оказалось достаточно лишь нескольких дней нашего с нею знакомства. Она сама потянулась ко мне, чувствуя во мне ключ к пониманию собственного духа. И, допустим не я, не сегодня, но когда-нибудь она бы пришла к этому своим сердцем. Я лишь ускорила этот процесс...

Ваши рассказы, согласен, эффективны, а для такой впечатлительной натуры, как моя жена, тем более, - сказал я, придя в себя после речи Азалии. – Уверен, что на эту удочку вы поймали много профанов и

простофиль. Правда, меня обескураживает, что вы без тени смущения считаете себя этаким избранницей Божией, потому что вас посетило какое-то откровение. Да это типичная лапша в любой секте, которая также считает себя единственно верной и истинной в служении Богу, хоть баптисты, хоть адвентисты, хоть иеговисты хоть черт его знает кто еще. Там тоже проповедуют так называемые избранные, и страшат, и мнят себя спасителями человечества. Бросьте хоть передо мной прикидываться, соседка. Неужто вы сами верите в свою избранность?

- Да, верю, - Азалия все также неотрывно смотрела в горящий костер, и в ее глазах уж не пылало, а бушевало пламя, и мне почудилось, что передо мной сидит сам князь тьмы, о котором так распиналась его противница.

- И что такое вера в вашем понимании?

- Вера – это обретенная идея в душе.

- Вообще-то, я считал, что вера – это выстраданная надежда в сердце. И на что же направлена ваша вера, Азалия? Какую жертвенность она предполагает? Почему она видит в человеческом разуме только злое начало? Может ли она быть истинной, если отсекает разум в угоду, если я правильно понял, инстинктивности чувств? Разум на то и дан человеку, чтобы управлять его инстинктами, вершить добрые дела. Подумаешь, ваши примеры о Клинтоне, Ельцине, Сахарове, добавьте туда и Сталина, и Гитлера, и Нерона, все равно это исключения, и их не надо возводить в догму.

- Ну я же говорила, что вы меня не поймете, Максим, - поморщилась Азалия. – Я не собираюсь с вами спорить, ибо доводы *вашего* разума мне давно известны, я не приемлю их. Замечу лишь, что, если миром правят исключения на протяжении веков и диктуют волю своего разума, разве это не доказательство всемогущества разума, как злого исчадия человеческой сущности? И на протяжении всех этих веков данные Господом добродетели победоносно подвергаются осмеянию и гонениям силой разума, и до сей поры добродетельные души обречены на страдания, неприятие, шутовские колпаки. Разум, даже добрый, не сделал человечество добрее, он слаб и аморфен, ему не противостоять всемогуществу и власти разума злого. Отсюда – всеобщий разум имеет разурпашающий привкус.

- Вы страшный человек, Азалия. Неужели эти вещи вы проповедуете своей пастве?

- Я не проповедую, я пророчествую.

- И что вы пророчествуете?

- Неизбежную гибель двуногих. Скорую и неотвратимую. И мое предназначение, спасти души хоть тех немногих, которых я сумею убедить

в правоте соевй истины. Они успеют с покаянием к Господу раньше, чем настанет всеобщее безумие смерти. И они спасут себя.

- Понятно, здесь идет разговор двух иностранцев, - пробормотал я. – Конечно, телега, едущая впереди паровоза, попадает в историю первой. Но вы не оригинальны, Азалия, и до вас и куда более авторитетные пророки предрекали апокалипсис, но мир живет и при торжестве разума.

- Мир не живет, он существует. И гниет. До окончательного зловония осталось совсем недолго. А, говоря о пророках, имейте ввиду, что когда-нибудь будет последний пророк и самый истинный. И, возможно, пришло время этого пророка, и имя его – Откровение, которое передается слугам сего Откровения.

- Ладно, - я хлопнул ладонями по коленям и поднялся. – Мы в самом деле не пойдем и не убедим друг друга. Покончим с нашими теориями. Меня волнует вопрос о моей жене. Я не хочу, чтобы вы отравляли ее и наш отдых своими мыслями и приставаниями.

- Я не пристаю к вашей жене, Максим. А мои мысли она впитала сама без моих назойливых приставаний. Просто мы поговорили несколько часов, и не я, но она ищет дальнейших встреч со мной. Если вы запретите ей это, либо постараетесь запугивать меня, то пострадаете только вы. Вы не знаете душу своей жены, а я вижу ее. И я вижу, что своими непродуманными решениями и выходками вы можете... Впрочем, нам пора.

Азалия поднялась и отряхнула платье.

- Что значит – можете? – чуть не взревел я.

- Можете ее потерять.

Она взглянула на меня, и в ее взгляде огонь померк, теперь в нем отражалось пенящееся внизу серое море. Холодное и непреклонное.

Костер погас. Налетевший ветер быстро развеял тускнеющий дым.

Наталия

Назад мы вернулись порознь. Возможно, это было мальчишеством с моей стороны, но я демонстративно хотел показать Азалии, что не желаю видеть ее отныне, ибо мною поставлена точка. Мне стало ясно, что соседка “повернута” на какой-то своей идее, которую не назвать ни верой, ни тем более религией, это был какой-то симбиоз взглядов и разочарования, помноженный на нескрываемое раздражение несовершенством человеческой породы. А кто говорил, что она когда-нибудь была идеальной? Но, скорее всего, Азалия не снизошла ко мне со своими проповедями-пророчествами, ограничившись лишь, так сказать, общими

тезисами, потому что не считает меня за своего. Представляю, как она вкручивает мозги тем, кто ее слушает.

И среди таковых, черт возьми! моя жена.

Погода вконец испортилась. Когда я добрался до флигеля, хлынул проливной холодный дождь, тут же исполосовавший сад, как автоматные очереди. Темно-пунцовое вымя над головой щедро и глухо изливало свою тоску о заблудшем человечестве, точно тоже наслушалось речей Азалии. Ветер утих, но по-прежнему было холодно, сыро, а мне еще и – гадко.

Наскоро, жадно я выкурил, вернее – проглотил сигарету, обжигая нутро горьким горячим дымом. Сигарета мало успокоила, сердце билось рывками, с перебоями, точно во флигеле меня ожидала крупная неприятность. В какой-то степени я боялся предстоящего – разговора с женой. После беседы с Азалией я убедился в неминуемости откровенности с Наталией, и опасался того, как она все это воспримет, помня о ее вчерашнем состоянии и почти враждебном отношении ко мне.

Внутри уже никто не спал, когда я, наконец, промокший и напряженный зашел в него. Антошка сидел на раскиданной постели и пальцами водил по странице какого-то журнала, жуя бутерброд, густо намазанный маслом. Наталия, с нерасчесанными волосами и какая-то измятая, сидела у окна, подперев голову рукой, и смотрела на матовость окна, по которому барабанила шрапнель дождя.

Услыхав меня, она вздрогнула и медленно опустила голову.

- Папуля, а где ты был, ты дождь попросил приехать? – с набитым ртом спросил Антошка.

- Нет, малыш, я попросил его уйти, - я подошел к сыну и обнял его. – Доброе утро, Натали.

Она кивнула как-то виновато, ссутулившись и зябко поведя плечами. Волна нежности и заботы охватила меня. Я оставил Антошку, подошел к жене и внезапно пересохшими губами поцеловал ее в щеку.

- Доброе утро, прелесть моя.

- Здравствуй, Максим, - прошептала она, не отшатываясь, напротив прижимаясь ко мне.

Я очень осторожно и нежно погладил ее, испытывая при этом, пожалуй, те же ощущения, когда на одном из свиданий Наталия позволила мне сделать именно это и точно так. Я заключил ее в свои объятия, с каждым мгновением все сильнее ощущая ее покорность моей силе. Наконец наши губы нашли друг друга. Ее губы были сухи и горячи, а щеки стали влажными и солеными. Мы целовались как-то самозабвенно, вдруг позабыв обо всем. Не помню сколько это времени продолжалось – секунду, минуту, час, вечность, - нас остановил удивленный возглас насупившегося Антошки.

- А почему меня никто из вас так не целует. Все сами, вам больше самим нравится.

Наверное, никогда мы с Наталией вместе не смеялись так дружно, весело и с каким-то невыразимым облегчением. Мы вскочили, стали тискать заверещавшего сына, довольного и счастливого.

Уже потом Наталия обняла меня, долго глядела в глаза, потом сказала.

- Прости меня, Максим, за вчерашнее. Это было какое-то наваждение. Я сама не знаю, что со мной случилось. Прости.

- Ничего не надо говорить, Натали. Не стоят глупости того, чтобы о них долго помнить. Верно?

- Верно.

И Наталия умиротворенно уткнулась в мое плечо. Далекими и мифическими показались мне очертания князя тьмы, с такой тщательностью гравированные жалкой, как мне теперь казалось, Азалией. Пусть она остается со своим бредом в плену выдуманного ею же демонического князя. Мы живем другой и настоящей жизнью. Вот она – бьется в моих руках и прижимается к моей груди за защитой. И здесь нет места другому варианту.

Пробившийся невесть как сквозь бурдюки туч луч ослепительного солнца, прорезавший окно флигеля, словно торжество добра, тут же сникающий дождь и быстро голубеющие проталины на небе как бы вторили моим мыслям.

Плохое, коснувшись нас, удаляется, не в силах противостоять хорошему. Прощай, существующий или созданный воображением воспаленной не женским предназначением своей судьбы Азалии, так называемый князь тьмы! Я ничего не хочу больше о тебе слышать. Морочь голову бедной Азалии, ты – ее избранник.

- Папа, это ты прогнал дождь и вызвал солнышко? - Антошка дергал меня за брюки.

- Да, малыш, я, - уверенно ответил я.

- Все вместе?

- Обязательно. Все вместе и всегда. Правда, Натали?

- Да, - произнесла жена и теснее прижалась ко мне.

И как бы отзвуком на эти слова раздался оглушительный раскат грома, и ветром распахнуло окно. Антошка испуганно вскрикнул. Я отстранился от Наталии и тут же затворил окно. Ничего страшного.

Но отчего же побледнела моя милая жена?

После обеда южное лето вернуло себе все права. С эпикурейской небрежностью засверкало сочное солнце, угомонившееся море ласкалось к ногам с кротостью провинившейся кошки, расхулиганившийся утренний ветер превратился в легкий бриз. Распушившаяся после дождя зелень лезла

в глаза точеными компьютерными красками так, что приходилось зажмуриваться.

Снова дружной семьей мы весело загорали на морском берегу, как в первые дни, и будто бы не было больше между нами недоразумений – их унесла с собой буря. Я с Антошкой носился по пляжу, дурачился, сажал его к себе на спину и плыл к буйку, ощущая на шее судорожные и восторженные объятия сына. Наталия испуганно окликала меня, и когда я поворачивал счастливо улыбалась. Правда, в один из таких заплывов, когда я уже греб назад, мне почудилось среди массы отдыхающих бронзовых и матовых тел серое платье Азалии. Поневоле я поплыл быстрее, но когда выбрался на берег, то ничего подобного не обнаружил, во всяком случае возле Наталии не было ничего серого. Слава Богу, померещилось.

- С тобой все в порядке? – тем не менее спросил я ее на всякий случай.

- Да, - удивленно ответила Наталия. - А что должно случиться?

- Ничего, просто так.

И все же несколько раз я весьма бдительно оглядывал забитый пляж, ловя себя на мысли, что превращаюсь в некоего сторожевого пса. Пусть так, но эту чертовку соседку я не подпущу к своей семье.

Этим же рвением я был преисполнен, когда мы вернулись в свою обитель. У садовой калитки хлопотала со своими курицами Римма Альбертовна. В глубине сада никого не было. Мы поздоровались. Хозяйка начала болтать о прошедшей буре, поломавшей несколько деревьев, о сразившем ее радикулите и потерявшемся цыпленке. Я не любитель выслушивать какое бы то ни было брюзжанье, и когда Римма Альбертовна завела речь о рецепте какой-то смеси, снимающей боль в спине, я благополучно оставил на нее жену, а сам с Антошкой пошел к флигелю. Азалия по пути не встретилась, и это как-то тоже подымало настроение.

Вообще-то, неладно, когда твой отдых отравляют всякие непредвиденные осложнения. И тогда я бы мог решить все проще – найти другой угол. Но мне казалось, что это бегство роняет в первую очередь меня в глазах той же Азалии, мое самолюбие не позволяло признать ее победительницей, в переезде на другое место мне представлялось доказательство собственной трусости. К тому же сезон был в разгаре и найти приличный угол, к тому же недалеко от моря, было совсем нелегко.

Натали задерживалась. Не иначе эта зануда Римма Альбертовна утомляла ее. Пора придти жене на помощь, а то, чего доброго, хозяйка начнет ей перечислять рецепты кухни черноморья.

Усадив Антошку за его любимые журналы с картинками, я вышел в сад. Да, Наталия и Римма Альбертовна по-прежнему мило ворковали у забора. Я закурил, опять-таки окинув взором окрестности – ничего серого

не проскальзывало. Любопытно, но отчего-то с нынешнего утра Азалия стала ассоциироваться у меня только с серым цветом, хотя я видел ее и в одеждах иных цветов.

Честно говоря, я помышлял более о том, каким будет нынче наш ужин, и осмелится ли появиться на нем соседка, и если да, то как мне с ней себя вести. Пока я продумывал варианты, беседа у забора завершилась. Однако, хотя ближняя тропинка к дому лежала мимо нашего флигеля, Римма Альбертовна отчего-то потопала к себе дальней стежкой, мимо колючих кустов смородины и крыжовника. Впрочем, мало ли что надо оглядеть по хозяйству, или передо мной неловко за то, что болтовней отнимала время у моей жены.

Занятый мыслями о предстоящем ужине, я не обратил внимания на некоторую бледность на лице Наталии. Я заметил эту бледность, когда, проследив путь Риммы Альбертовны, поинтересовался у подошедшей жены, о чем они так долго разговаривали.

- Да так, ни о чем, - вскользь бросила Натали и поспешила мимо меня во флигель.

- Пстой, - я задержал ее за руку. – Ты что-то нехорошо выглядишь.

- Наверное, на солнце перегрелась. Мне что-то в самом деле не очень хорошо.

Действительно, после полудня мы все время были на воздухе, и перегреться не составляло никакой проблемы. Тем более, что вчера Натали не загорала.

Она молча накрыла на вынесенный мной перед флигелем стол. Так же молча мы поужинали. Я слишком был озабочен возможным появлением Азалии и чувствовал себя потому напряженно и рассеянно. Антошка выглядел слишком уставшим, чтобы растормошить семейную компанию. А молчаливость и бледность Наталии я приписал ее объяснению. Главное, за время ужина Азалия не появилась. Видимо, я ее весьма убедил в нецелесообразности своего явления возле нас. К тому же я и сам был утомлен почти бессонной предыдущей ночью, утренним физическим и душевным моционом в горах, нервной встряской за весь день.

Короче, после ужина мы все, как после тяжелой работой, завалились спать. Я словно плюхнулся в какой-то густой теплый омут, пошел на его дно, вязкое и душашщее, и неодолимая сила оковала меня и проглотила мое сознание.

Проснулся я поздно. Относительно поздно, если отсчитывать время курортными мерками. Солнечный луч уже накалил подушку и заполз на мою щеку, разбудив меня. Я ощущал себя разбитым и постаревшим. Сон явно не освежил. Антошка мирно дрых в кровати напротив, свесив

загоревшую ручонку к полу. Я протер мутные глаза и резко вскочил. Сердце мгновенно отозвалось шальными ударами в ребра.

Наталии во флигеле не было.

Возможно, она уже в саду и готовит завтрак, не желая нас тревожить. Я торопливо оделся и вышел из флигеля. Наталии не было и в саду. Там лишь дефилировали ленивые курицы, выскребая лапами из-под листьев какую-то гадость и, склонив головы набок, одноглазо разглядывавшие найденное, прежде чем решиться это склевать. Даже привычная в этот час Римма Альбертовна со своим неизменным “цып-цып” и та отсутствовала.

Возможно, Наталия решила отправиться в магазин за продуктами. Я бросился обратно во флигель. Но ее кошелек и продуктовая сумка лежали в тумбочке.

Куда она могла запропасться с утра? Я гнал от себя мысль, которая упорно и логично лезла в меня. Нет, не может этого быть. Ведь вчера все было восстановлено. Я успокаивал себя, видимо, я чересчур стал мнителен, ну, подумаешь, куда могла уйти жена. Может она утром пошла искупаться на море и скоро вернется, свежая и желанная. Может она вместе с хозяйкой отправилась на базар, благо о чем-то они совещались давеча, а я тут выдумываю какую-то ерунду.

Я медленно пошел по саду, норовя подобраться поближе к хозяйственным постройкам Риммы Альбертовны и убедиться, что ее тоже нет, и... увидел ее со спины возле сарая, деловито кромсающую огромным тесаком листья салата. Во мне все упало. С минуту незамеченный я смотрел на красные оголенные руки Риммы Альбертовны, захватывающие горстями нарезанное и бросающие их в облупленный эмалированный таз и снова принимающиеся за тесак. Затем я тихо удалился.

Где ты, Наташка?

Ноги меня притащили к порогу Азалии. На двери красноречиво висел замок. Соседки тоже не было. Мрачным взглядом я испепелил этот несчастный замок, свидетельствовавший в пользу все той же гонимой логичной мысли. И я ощутил свое бессилие. Неужели они вместе?

Во мне все кипело. Когда я ворвался во флигель, Антошка проснулся и попросил покушать. Раздраженно я отправил его умываться, затем предложил прогуляться в город, заодно там и перекусить. С какой-то лихорадочной одержимостью я торопил сына одеваться – во мне была надежда увидеть Наталию на одной из городских улиц, и если с ней рядом Азалия, то оторвать, отвязать, отрезать от нее жену. Только бы увидеть. Со стороны я, наверное, выглядел придурковато. Но мое состояние оправдывало все.

Уходя, я все же набросал записку, в которой, сдерживая себя, бодро написал: “Любимая Натали, мы с Антошкой ушли в город позавтракать, а

потом пойдем на наше место на пляже, торопись к нам, мы скучаем. Твой Максим”. Записку я оставил на столе.

Пожалуй, я облазил с сыном все улицы, нарочно мы зашли в два-три кафе, Антошка к своей великой радости ухлопал недельную порцию мороженого и доверчиво сжимал кулачок в папиной руке. Побывали мы и на пляже, на нашем месте. Купались мало, я вертелся на лежаке, ежеминутно выискивая в толпах прибывающего народа знакомую фигуру. Но тщетно.

Ближе к обеду мы пришли обратно. Записка лежала на столе нетронутой. Теперь сомнений у меня не было. Натали была с Азалией. Эта змея сумела вытащить ее.

Я тяжело сел на заскрипевшую кровать. Меня окружила пустота. Я не знал, за что братья, что делать, куда идти. Мне вдруг опротивел роскошный юг, теплое море, благодать солнца. Домой! К чертовой матери все. Остаток отпуска проведем на наших северных озерах, поставим палатку, будем ловить рыбу и жарить ее на вертеле, будем бить по вечерам комаров. В конце концов и у нас есть где отдохнуть. Пропади пропадом этот край кипарисов, рододендронов, магнолий, креветок и азалий.

- Антошка, не надоело тебе плескаться в море? Не лучше бы отправиться к нам, порыбачить на лодке на зорьке, посидеть у костра?

- Это хорошо, - мечтательно отозвался Антошка. – Но пошли на море.

А может он прав? И я сгущаю тучи, где всего лишь набежало облачко? Отчего я так волнуюсь, я, даже во времена своей молодости волновавшийся лишь в двух моментах – в очереди в кассу и в очереди к урологу. Ведь кто видит в море – лужу, а кто в луже – море. Что я изобретаю? Пойдем на море, Антошка, никуда твоя мама не денется, перебесится с этой сволочной Азалией, а вернемся домой, она станет прежней. Южные настроения, как южные романы – недолговечны и смешны. Собирайся, сын.

Сумев себя настроить хотя бы внешне, я отправился с Антошкой на пляж. Но напрасно там я вскидывал голову каждый раз, когда мне казалось, что вот-вот она идет. Натали не появилась.

Не было у калитки и Риммы Альбертовны, когда мы вернулись, голодные и утомленные. С замиранием сердца я открыл дверь во флигель. На столе белела моя записка. К ней явно никто не прикасался.

- А где мама? – Антошка полоснул меня невинным и закономерным вопросом прямо по живому.

- Скоро должна придти, у нее дела, - пробормотал я. – Давай-ка организуем что-нибудь пожевать.

Готовить не хотелось. Кое-как я настругал несколько бутербродов с остатками колбасы и сыра, которые мы запили вчерашним уже начавши

киснуть молоком. Впервые наш ужин оказался таким безвкусным и безрадостным.

Уже стемнело. Я уложил Антошку спать. Сам вышел в сад, куря сигарету за сигаретой до боли в глазах вглядывался в любой двигавшийся силуэт, несколько раз подошел опять к жилищу Азалии – все тот же замок. С нарастающей ноющей болью в сердце я в конце концов застыл у калитки.

Может быть с Наталией что-то случилось скверное? Какие-то дурацкие мысли мигом, толкая одна другую, одна другой чернее, заторопились в душу. Утонула? Попала под машину? Хулиганье задело? В больнице? От этого можно было свихнуться. И опять же – я не знал что делать? Бежать ее искать? Где? И на кого оставить Антошку?

Внезапно на улочке раздались торопливые шаги. Я пристально вгляделся. Походка явно принадлежала женщине. И она шла сюда. Наташа? Азалия?

Я задрожал, то ли от холода, то ли от непрерывного и ищущего выход напряжения, то ли от тихого бешенства, которое вместе с тревогой стал испытывать к жене. В самом деле – нужно же иметь голову на плечах: исчезнуть на весь день без всяких объяснений. Ладно я, но ведь и о сыне надо думать!

Подходивший силуэт превратился в отчетливую фигуру, и меня как окатило чем-то холодным. Это была фигура не Наталии. Однако она шла явно ко мне, на огонек моей сигареты.

В нескольких метрах от себя я узнал ее. Это была та самая Светлана, некогда посетившая нас с Азалией. Тогда у нее был спутник, кажется его звали Борисом.

- Бог с вами, - поприветствовала она меня той странной фразой, первородство которой явно исходило от соседки-пророчицы.

- С нами, с нами, - процедил я. – Он-то с нами, а вот кто с вами. Чего это вас в позднее время позвало сюда? Если к нашей соседке, то, моему, ее дома нет.

- Я знаю, я не к ней. Я к вам, - зашелестела она.

- Как интересно. С чем пожаловали? – совсем недружелюбно поинтересовался я, ощущая как засосало под ложечкой.

Она переминулась с ноги на ногу. Было видно, что она чувствует себя не в своей тарелке. Вероятно, мой вид не располагал ее к доверительности. Наконец, потупив голову, она разорвала меня пополам тихой фразой:

- Ваша жена попросила передать вам, что она сегодня ночевать не придет...

Антошка

Разве можно передать словами, что я испытал в тот миг? Сначала меня бросили в пасть раскаленной паровозной топки и тут же окунули в полынью зимней Невы, затем подняли на копыя и провернули их, после чего выбросили с самолета.

Мною овладела тупая ярость, настолько обескровливающая, что я был не в силах даже пошевелиться. Ставшие ватными ноги подкосились. Я даже не сообразил попытаться эту мумию Светлану, она исчезла до того, как я почувствовал в себе признаки жизни.

В ожесточении я так двинул кулаком по калитке, что она треснула. Не ощущая боли в руке, я сжимал треснувшую доску, точно хотел выжать из нее масло. Темнота стала непроницаемой и душной, как в подземелье. От моря потянуло запахом плесени. И в душе моей стало так же темно и сыро. Никаких мыслей о Натали – я не ругал и не клял ее, не жалел и не звал. Меня заполонила чудовищная обида. Как же так. Неужто разглагольствования полупомешанной пророчицы оказались сильнее семейного тепла, помрачительнее любви, материнского голоса. Пусть это временно и я, возможно (ха-ха, возможно!) драматизирую ситуацию, но неужто я не знал свою жену, в которой, может быть, и впрямь дремало нечто такое, что пробудилось от встречи с проклятушей Азалией. Чего же тогда стоит наша семейная жизнь, чего стою я в ее жизни, наконец, - Антошка?

Мысль о сыне пронзила меня неожиданным страхом. Я бросился назад, к флигелю, словно обезумев. Ветки деревьев стали колючими и хлестали в лицо, я остервенело нащупывал их пальцами и ломал, безжалостно и дико. Рывком распахнув дверь во флигель, я, подобно загнанному зверю, приползшему к последнему надежному укрытию, зыркнул в тихий ночной сад, затворил дверь за собой, заложил крюк, закрыл наглухо оконца и, обессиленный и потный, улегся возле сопевшего и улыбавшегося во сне Антошки, осторожно стиснув его в своих объятиях. Как я уснул, не помню, передо мной крутился какой-то нелепый калейдоскоп привидений из силуэтов Азалии, Риммы Альбертовны с тесаком, Светланы и ее спутника, еще каких-то призрачных людских форм, и все это, постепенно сгущаясь, бледнело перед размытыми очертаниями лица Наталии, неясно серевшим позади этого бедлама...

- Папочка, а где мама? – разбудил меня Антошка.

Он сидел на корточках и теребил мою грудь. Я открыл глаза. Было уже довольно позднее утро, солнечное и свежее. Усмехнувшись, как мне показалось, довольно бодро, я ответил:

- Менше дрыхнуть надо, лежебока. Мама пришла поздно и ушла рано, приказав мне быть с тобой неотлучно и выполнять твои команды. Установка ясна?

- Угу, - кивнул сын. – Я хочу мороженого и лимонада, а потом пусть придет мама и поцелует меня.

У меня защемило внутри. Я не смог выдержать доверчивый и чистый взор своего парня и отвел глаза в сторону.

- Уверен, что все так и будет. Но сначала умываться и одеваться. Нас ждет море, а в нем дельфины.

- Правда, дельфины? Ух ты, - восхитился Антошка. – Папуля, поднимайся скорее.

Антошка выпорхнул с кровати и побежал к двери. Рукомойник был прилеплен к стенке флигеля извне. Мы умывались всегда там. Меня так и подбросило.

- Стой, - закричал я. – Пусть папа будет первым.

Скоренько напялив на себя джинсы и футболку, я вынул крюк, распахнул дверь и настороженно выглянул наружу. Утренний сад нежился в солнечных бликах, как ни в чем не бывало, по нему деловито расхаживали хозяйкины курицы. Все дышало покоем и умиротворенностью, и мне на мгновение почудилось, что весь вчерашний день это какая-то мерзкая небывальщина, и за моей спиной, изогнув стройную фигуру, расчесывается Наталия и посмеивается над наивными Антошкиными вопросами.

Но действительность тут же вернула меня в свое русло совершенно не наивным на сей раз вопросом сына:

- А мама скоро придет? Она тоже будет смотреть дельфинов?

- Скоро, малыш, пробормотал я.

Как и вчера, утром мы позавтракали в какой-то кафешке. Как и вчера, я с той же надеждой и тоской рассматривал снующих мимо прохожих, и мое сердце замирало каждый раз, когда я замечал женскую фигуру, похожую на нее. И когда я уверялся в ошибке, то мимо воли становился угрюмым и рассеянным. Это не ускользнуло от наблюдательного Антошки, который и сам вертелся во все стороны, тоже выискивая в толпе маму.

- Папа, а мама, наверное, с нами в кошки-мышки играет. Прячется где-то рядом и хохочет от нашей слепоты. Давай и мы тихонько от нее убежим, а потом начнем и ее дразнить.

- Давай, - согласился я. – И для начала незаметно скроемся на пляже, на нашем месте. Идет?

- Идет, - Антошка залпом допил оставшийся лимонад и схватил меня за руку. – Пошли тихо, надо пригнуться.

Для него все еще продолжалась игра, и я не смел в ней не подыгрывать, хотя каждый элемент этой игры в одни ворота отдавался во мне болью.

Надо было что-то предпринимать. Это “что-то” означало немедленный поиск Наталии и выдергивание ее из того болота, в которое она упала. Пусть ее удерживает сотня азалий, я не остановлюсь ни перед чем. Только бы найти. Впрочем, предстоявший поиск сковывал Антошка. С ним моя задумка осложняется, ведь сколько надо рыскать по городу и – где искать? С другой стороны я ни за что не отпущу от себя сына даже на шаг. Я интуитивно чувствовал, что Антошка – это, вероятно, последнее на сегодня связующее звено между мной и Наталией. И Азалия тоже понимает это. Коль эта сволочь заполучила в свои сети Натали, она не успокоится, пока у той будут еще какие-то мысли об отсутствующем рядом сыне. А Натали очень любит Антошку.

Я наблюдал за плескавшимся в теплых волнах малышом, уже побронзовевшим, гибким, веселым, наблюдал ревнивым взглядом покинутого мужа, напрягаясь каждый раз, когда возле него оказывался кто-то из взрослых. Одновременно вся моя голова была полна исчезновением жены. Почему она так сделала? Что такое могла ей внушить Азалия, что она с такой легкостью покинула нас? Ведь на меня тезисный бред идей этой девственной крысы не произвел никакого впечатления. Да, Азалия предрекала мне, что я потеряю жену, но неужели она может быть права? Не насильно или обманом ее увлекли? Не иначе, и тогда я от стервозной пророчицы не оставлю и следа, дай лишь мне ее отыскать.

Порой на меня находило просветление, оно возникало от надежды, что Наталия с виноватым видом хлопочет во флигеле, поджидая любимых мужчин. Я не буду ее допекать, она и сама наверняка поняла, что за глупость сморозила. И мы снова станем счастливы. Ну не может быть все так гадко и беспомощно в этом изобилующем красками жизни краю. Это дисгармония, нонсенс, чепуха.

Едва я не прозевал, как возле Антошки, увлеченно строившим на берегу замок из гальки и песка, появилась некая одетая особь и склонилась над ним. В профиль я тут же опознал спутника Светланы – Бориса. Мои мускулы тут же сыграли команду “вперед”, я взметнулся пружиной.

Но тут же что-то во мне что-то брякнуло – это шанс. Этот мухомор может меня вывести на место, где обитает вся их свора. Спрятавшись за пляжными телесами, я четко держал в поле зрения Бориса, который оглянувшись пару раз и не заметив меня, присел перед Антошкой на корточки и что-то ему втолковывал. Лишь бы этот брат Азы не ляпнул что-нибудь сыну, не то я намотаю его кишки на брюки вместо ремня.

Со стороны, пожалуй, это выглядело комично, как я, едва не на четвереньках, ползаю между частокола двигающихся ног, норовящих заехать в нос, но мне было не до смеха.

Наконец Борис встал, отряхнулся от песка и пошлепал вон, балансируя между лежащих тел. Я кинулся к Антошке, одним глазом следя за удалявшимся посланцем пророчицы.

- Чего здесь делал дядя?

- Папа, - заморгал Антошка и таинственно понизил голосок.. – Он сказал, что меня ждет мама.

- Где?

- Он сказал, что это секрет. Папа, мы играем с мамой в войну, да?

- Да, лапочка. Так что за секрет? Говори скорей, дядя уходит.

- А он сказал, чтобы я тебе не открывался. Это – военная тайна, и мама обидится, если ты все узнаешь.

- А мы с тобой тоже сделаем тайну, ты мне скажешь, а я никому не открою, что ты мне все рассказал. Хорошо?

- Можно, конечно, - задумался Антошка. – Две тайны даже здорово.

- Ты у меня всегда был умницей, - я поцеловал сына в щечку.

- Дядя сказал, что будет меня ждать у магазина, где мы покупали мороженое.

- Тебя одного ждать?

- Ну да, - удивился моей недогадливости Антошка. – А там сразу будет мама.

- Когда?

- А сразу после обеда.

- И почему он решил, что я отпущу такого малыша как ты одного?

- Я уже большой, - насупился Антошка. – Да там же мама будет. Как ты не понимаешь. Это самая настоящая здоровская игра в войну.

- Одевайся, малыш, уже время обедать.

Я вспомнил небольшой кафешантан на углу двух улиц неподалеку от нашего флигеля, где я покупал сыну сладости и мороженое, правда, не просматривавшихся из сада хозяйки, потому что это место было ниже и уходило вбок от нашей улочки. Впрочем, расстояние было небольшим – от калитки до кафешантана было приблизительно метров триста если следовать по улицам, и, пожалуй, метров семьдесят, если напрямиком через соседские огороды и сады с заборами и собаками.

- Вот какая наша мама, как она разыгралась, - увлеченно рассуждал сын всю дорогу до флигеля. – Какая она у нас замечательная, даже дядю пригласила, чтобы и он играл. Он, наверное, разведчик.

Какое там, разведчик, самый настоящий шпион.

Между тем я лихорадочно обдумывал план собственных предстоящих действий. Признаться, в эти минуты я даже о Наталии думал, как о представителе враждебного лагеря, покушающегося на самое дорогое для меня. Мои чувства к ней как бы замерзли на время, отодвинулись вглубь души и там нервно копошились, порой коля холодом.

Было ясно одно, что Антошка будет со мной. Я устрою тут армагеддон, никому мало не покажется. Возбуждение мое нарастало и мешало сосредоточиться на четком и безошибочном варианте.

Антошка тоже выглядел возбужденным, ему не терпелось продолжить игру и встретиться с мамой. Мы пообедали на скорую руку какой-то снедью из готовых продуктов, и пора уже было идти, а я ничего путного так и не надумал. Смущало и то, каким образом я буду “давить” Бориса при сыне.

Еще одна деталь: я не удержался, и когда мы шли к флигелю, я нарочно выбрал путь через сад мимо крыльца Азалии. Замок висел на месте. Антошка наивно обрадовался:

- Тети Азы нету, папа. Она тоже в войну с нами играет?

- Да, играет, и еще как, - пробурчал я.

Зато мы увидели у своего порога хозяйку, меланхолично разбрасывавшую горстями пшено суесящимся у ее ног курам. Я поздоровался с ней и спросил невзначай.

- Что-то Римма Альбертовна не видать соседки нашей Азалии Адамовны, не знаете куда она делась?

- Это меня не касается, - пожала плечами хозяйка и заторопилась выгрести наземь остатки пшена, после чего, повернув к нам массивный зад, спешно скрылась за верандой.

Врет, жирная квашня, с ненавистью подумал я, но допытываться дальше не стал, это было бесполезно и нелепо. Я чувствовал, что Римма Альбертовна находится в каком-то подчинении у сестры Азы, и даже если что ведает, вряд ли скажет, тем более если сама Азалия запретила ей что-либо говорить...

К кафешантану, проинструктированный мною “воин” Антошка потопал один, я, предполагая, что за нами могут следить едва ли не от калитки сада, с тяжелым сердцем отпустил его. Сам же, выждав момент и мысленно держа в голове путь и скорость ходьбы Антошки, скорчившись за оградой и подождав, пока Антошка скроется за углом пустынной в послеобеденный час улочки, перемахнул через забор подальше от калитки, в два шага пересек улочку и в один прием перепрыгнул через другой забор – соседей Риммы Альбертовны через дорогу.

Кто там жил, я особо не присматривался. В остальном все было однотипно: такой же сад, такой же заборчик, как и у нашей хозяйки. По-

моему, собаки водились в доме поодаль. Во всяком случае увесистая палка в руке придавала некоторую уверенность при неожиданной встрече с собаками. Если же попадусь на глаза владельцам садов и огородов, через которые дефилирую подобно зайцу, то что-нибудь придумаем.

Антошка уже должен сойти с нашей улочки и перейти на ту, что ведет прямо к кафешантану.

Я пересек сад, незамеченный никем. Собак, слава Богу не было. Еще один забор, повыше и покрепче. За ним последняя частная территория, отделяющая меня от условленного места встречи.

Антошку отделяет, если он меня должен слушаться, метров пятьдесят от кафешантана. Лишь бы он не ускорил шаги и лишь бы Борис или кто там еще, не ухватили его раньше. Правда, я вдолбил сыну, что в нашей игре в войну, его могут похитить вражеские лазутчики, в таком случае он должен заорать так, как он это может. А он – может. Как-то раз он был наказан за плохое поведение, то есть был лишен права смотреть воскресные мультики Диснея. На крик сына сбежались два этажа соседей, и красной от стыда Наталии пришлось убеждать любознательное общество, что у нас репетиция голоса перед завтрашним музыкальным уроком.

Я подтянулся на очередном заборе, ощутив ладонями шероховатость массивных ровно спиленных досок (все же в какое время мы живем, что соседи не забором, а заборами ограждаются даже друг от друга).

Спрыгнул я прямо в колючие заросли крыжовника, продравшись кое-как через которые лоб ко лбу столкнулся с сухим и длинным как жердь дедом, ковылявшим с ведром в руке. Ведро покатило в сторону, у деда подкосились ноги, и он вперился в меня испуганными выцветшими глазенками, точно узрел материализовавшегося черта.

- Па-пама- памаги-, - зашамкал он челюстями.

- Заткнись, ветеран, - прошипел я, пряча за спиной свою палицу.

– Не по твою душу оркестр заказан.

Я быстро по прямой пронесся мимо оторопевшего деда по огородным грядкам к противоположному забору, краем глаза увидев, как там, где огород плавно переходит в двор, какие-то две дебелые матрёны, всплеснув лапами, лихорадочно отвязывают от цепи некое чудовище в образе здорового и лохматого, зашедшегося явно не в приветственном гавканье, кобеля. Это придало мне дополнительное ускорение.

Все же мне удалось добежать до последнего забора первым. Настигший меня кобель успел оскалить слюнявую пасть, как тут же я туда двинул от всей души своим орудием. Что-то хрястнуло, и пес закрутился волчком, на миг потеряв ориентацию. Этого было достаточно. Я взвился над забором, и через секунду рухнул в какую-то канаву, наполненную пахучими лопухами, ржавыми консервными банками, железяками и

прочим дерьмом. Джинсы, зацепившись за какую-то торчащую гвоздем проволоку, жалобно затрещали. Сзади, за забором, были в унисон неудовлетворенные матрёны и кобель.

Я выбрался из канавы и пробежал вперед, к линии массивных тополей, ограничивающими или украшающими собой угол тех самых улиц и которые являлись идеальным прикрытием, ибо укрыться за ними можно было либо следуя от кафешантана, что бы меня сразу же демаскировало, либо с той стороны, с какой следовал я, и о чем вряд ли бы кто догадался.

Все получилось по классическим законам боевиков. Антошка уже подходил к кафешантану, вертя головой во все стороны и, между прочим, отвлекая внимание от странного субъекта, молнией промелькнувшего от канавы-свалки, словно ров охраняющей вместе с высоким забором частные владения, и исчезнувшего за толстыми стволами тополей.

Теперь я видел все. Антошка остановился у витрины с заговорщическим видом. Затем, на время приняв вид обычного мальчишки, он зашел в кафешку, купил на выделенные ему деньги мороженое, и с довольной физиономией вышел обратно. Игра доставляла ему явное наслаждение.

Борис появился из-за угла кафешантана внезапно. Он явно до этого просматривал улицу, ища меня, но не найдя, обрел уверенность и быстрым шагом приближался к сыну. На собачье и бабье вытье он не обратил внимания, видимо подобные шумы здесь привычное дело. Все же он, прежде чем выйти к фасаду кафешантана, где Антошка облизывал мороженое, настороженно взглянул вправо. Припав к теплему стволу дерева, я чуть повернулся, скосил глаза и увидел стоявшую, как манекен, вдали прямо на середине улицы женщину в темном платье с повязанной на голове косынкой. Ее фигура показалась знакомой – сомнений быть не могло, это Светлана. Видимо ей поручалось проследить улицы на случай моего появления. Они не думали, что я могу обнаружиться слева.

Получив от нее какой-то знак, Борис кивнул и вывернулся прямо перед Антошкой. Все, приехали!

Помню два взгляда: восторженный взгляд сына, восхитившегося папиным умением играть в войну, и обмякший, точно о него били мешки с мукой, взгляд Бориса. Мое появление было настолько неожиданным, что Борис, как давеча дед за неким забором, расплзся вытекающим организмом посреди тихого сонного пятка подле кафешки.

- Антошка, сбегай и купи себе на сдачу лимонада, - улыбнулся я ему. – Живее.

Что-то было в моей улыбке и в моем голосе такое, что Антошка беспрекословно бросился выполнять команду.

- Ну что, тварь, - я схватил Бориса за воротник рубашки и подтащил к себе. – Сына моего захотел увести? А почему у меня разрешения не спросил?

- Вы что? Не надо, к-какая г-глупость, - проквокал заиндевевший от изумления или испуга Борис. – О чем вы?

- У нас нет времени на болтовню, мой сын все покупает очень быстро, и если он услышит нашу милую беседу, то я тебе яйца оторву и подарю твоей подруге.

Я кивнул в ее сторону, однако Светланы и след простыл.

- Уже понеслась докладывать, - догадался я. – И черт с ней, а мне доложишь ты. Куда ты, гад, хотел забрать моего сына? Где моя жена?

Ворот рубашки Бориса разорвался. Он не сопротивлялся, к моему удивлению, его первоначальный испуг прошел, теперь передо мной дрожала рожа какого-то отрешенного болвана, глаза которого заволокло эмалью.

- Господь терпел и нам велел, укрепи меня сила Всевышнего...
- заблеял он мне в ухо.

- Что ты мычишь, гнида, говори быстро, - у меня мимо воли сжимался кулак. – Я тебя сейчас так укреплю, что ангелы небесные из ушей посыплются. – и мой затвердевший кулак ткнулся ему в тощее брюхо.

Борис икнул и возжелал на мне повиснуть. Я встряхнул его, как мокрое полотенце, и опять поставил перед собой.

- Повторяю: куда ты хотел забрать моего сына? Где моя жена?

- Убивайте, убивайте, пусть не так приму час свой, как предсказано мне, но не осудит она и не осудит он. Они поймут страдания мои, - зачистил какую-то ахинею мой визави. – Не скажу. Мне выпало страдать за это, и я счастлив. Господь, узри подвиг мой, не скажу...

Я было хотел снова заехать на сей раз в нос этому придурку, но вдруг с нахлынувшей тоской понял, что все это бессмысленно. Он ничего мне не скажет. Это – возделанная пророчицей Азой смоковница, это сработанный ею робот, это поехавший крышей маразматик, желающий на свою голову бед, горя, пыток, может и смерти, как великой радости. Он даже дрожит от предвкушения этого. Как это омерзительно.

Я с силой оттолкнул Бориса от себя. Он упал.

- Слушай меня, вонючка. Двигай к этой суке Азе и передай ей, что если она или ее жабы вроде тебя не отпустят Наталию и если хоть на сто метров приблизятся к моему сыну, я сделаю все, чтобы найти ее и посадить задницей на осиновый кол. И пока она на нем будет вертеться, я ей буду пророчествовать о том, как славно в ожидающем ее аду. Пошел вон.

- Бойся отца своего, бойся злыдня, он убьет мать твою, - внезапно заорал приставший на колени брат Азы так зловеще, что я вздрогнул.

Однако это относилось не ко мне. Я нервно оглянулся. Сзади меня бледный, прижимая к груди раскисшее мороженое, с раскрытыми во всю ширь глазенками стоял Антошка. И только он удержал меня от желания двинуть ногой по балде Бориса с такой силой, чтобы она отскочила и распалась как гнилой кочан капусты.

- Что с дядей, папа? – Антошка прижался ко мне, и я ощутил его дрожь.

- Ничего, он переиграл. Пойдем погуляем.

- А где мама?

- А мама, как опытный полководец, явится в последний момент. Обязательно. Видишь ли, дядя оказался засланным шпионом и хотел сделать нам плохо, но я разгадал его намерения... – начал я оправдываться.

- А где мама?

- Как где? Скрывается наша мама, она лучше нас с тобой умеет играть в войну. Но мы ее все равно перехитрим. Правда? Пойдем, малыш. Я тебе еще куплю чего-нибудь вкусенького.

Мы гуляли, наверное, часа два. Веселой прогулки не получилось. На Антошку было жалко смотреть, он был подавлен и явно грустил. Несколько раз я порывался с ним заговорить, отвлекал его внимание на какие-то штуки, но получалось плохо. Сын был необычно безразличен к разноцветным воздушным шарикам, к карусели и к плавающим в местном дендрарии лебедям и смешным драчливым уткам. О маме он больше не спрашивал, он вообще ни о чем меня больше не спрашивал. Просто бродили по просыпающемуся после полуденного зноя городу два бесконечно одиноких существа.

Жара спала. Улицы города наполнялись оживленными, жующими и довольными собой и погодой людьми. Мимо нас замелькали разномастные шорты, юбки, шляпки, кепки, несшие упругие и не очень тела к морю, под зонтики морожениц, шашлычных и гриль-баров, и никому не было дела до двух покинутых мужчин – маленького и большого. И с этим ничего нельзя было поделать.

В конце концов измотанные и молчаливые мы вернулись во флигель. У меня екнуло сердце – дверь была приоткрыта. Антошка сорвался и стремглав кинулся вперед. Я услышал его пронзительный счастливый крик. Я быстро зашел следом.

На кровати сидела Наталия.

Глава 3

Противостояние

Где-то через час, когда довольный Антошка от переизбытка чувств бодро уснул, мы остались с Натали наедине. В ее движениях, фигуре, выражении лица чувствовалась отчужденность, и я не мог начать разговор. Все ключевые слова по поводу ее отсутствия ночью застряли в горле, я ощущал себя в дурацком положении оправдывающегося, хотя никакой вины за собой не видел. Видимо, дело было в том, что я не видел перед собой той Наталии, которую знал и с которой мне было всегда легко и безоблачно. Эта же, явно затаившаяся в себе особа, только внешне напоминала мою жену.

Мы вышли в сад. Наталия избегала моего взгляда, норовя разглядывать глупых куриц, шастающих чуть поодаль, либо смотрела себе под ноги.

- Ты изменилась, - наконец сказал я, пытаюсь прикоснуться к ее руке.

- Это ты изменился, - она отдернула руку. И этот жест мне не понравился.

- Тогда объясни, что случилось, почему я, наша семья перестали быть для тебя... - я не находил слов, во мне росла обида, быстро и жгуче, отдернутая рука Наталии этому способствовала – я с тоской понимал, что между нами начинает появляться нечто вроде враждебности. – Какого черта происходит не поддающаяся логическому объяснению великая глупость, в которой ты играешь главную роль?

- Ты не поймешь, ты ожесточен. Тебе ничего не стоит ударить безобидного и безропотного человека. Кто следующий? Римма Альбертовна? Я? Давай, бей, топчи меня. Я по тебе вижу, как ты хочешь меня раздавить.

Я понял, что Наталию уже ввели в курс дела моей стычки с тем кретином Борисом, и ввели в нужном ракурсе.

- Не мели ерунды, - повысил я голос. - Подумай, что ты говоришь обо мне. Неделю назад ты такое и подумать не смогла бы.

- За это время я много узнала другого и в истинном свете. И знаю, что ты совсем другой, чем казался. – все это Наталия говорила бесцветным и уставшим тоном, по-прежнему не глядя мне в глаза. – Ты хочешь, чтобы было только как ты хочешь. Твой эгоизм мешает понять тебе души других людей, и тогда ты кричишь, неистовствуешь,

запрещаешь, пугаешь. Тебе наплевать, что я чувствую. Тебя выводит из себя, что мои желания не совпадают с твоими.

- Что за муть? – не сдержался я. – Кто тебе напел все это?

- Да помолчи, Максим, - поморщилась Натали. – Тебе нужны факты? Пожалуйста. Разве не ты выгнал отсюда Азалию, выгнал только за то, что она была со мной и что ее мысли иные, нежели твои. Почувствовав угрозу, что я могу принадлежать не только тебе, ты взъярился, обругал и запугал бедную женщину, и она вынуждена прятаться от тебя. Это – твои добрые намерения?

- Да, добрые. – я стукнул кулаком по своей ладони. – Эта Азалия змеей прокралась тебе в душу и отравила, а ты не понимаешь. Она разрушает тебя и нашу семью своими бредовыми проповедями, а ты развесила уши как ягненок перед закланием. У этой пророчицы крыша поехала, а она себя считает высшим судьей мира и ищет дураков, которые поклоняются ей. Она манипулирует людьми, и я это понял. А когда понял, понял и другое – что она опасна. Потому и попросил ее убраться отсюда.

- А кто ты такой? Ты-то какой судья? – Натали все-таки взглянула на меня. Ее щеки заалели. – С какой стати ты стал все решать за меня, за других. Почему ты решил, что можешь оскорблять Азалию, бить Бориса, почему ты стал жестоким? Я боюсь тебя.

- А я боюсь за тебя. Посмотри на себя со стороны. Ты разучилась улыбаться, ты не можешь мне глядеть в глаза, а когда смотришь, в них ничего нет от любящей женщины. Ты можешь как ни в чем ни бывало не придти ночевать и даже не извиниться за это. Ты уже можешь не думать о сыне, иначе как объяснить, что целые сутки тебя не было? Ты стала странной, неузнаваемой, холодной. Это что – все твои новые достоинства? Какая же им цена?

- Не суди обо мне своими мерками. Я стала познавать другой мир, совсем другой, где суета не имеет смысла. Но ты противишься тому, чтобы этот мир стал мне понятен. Ты не можешь представить, что то, в чем ты живешь – это оболочка пузыря, который из себя ничего не представляет, что высшая цель любого человека – жертва, и только жертва способна искупить его появление и наслаждения в этом пустом и самодовольном мире. Тебе не понять, что есть другие люди, которые живут высшими помыслами и страдают за это, и гордятся своим страданием, ибо это – предназначение высшей воли. А твоя высшая воля – твой эгоизм. Как это мелко. Как гадко.

Наталия явно вещала словесами Азалии, это было ясно. Пророчица, судя по всему, уже неплохо оболванила мою жену. Правда, мне от этого не легче.

- А в чем твоя высшая воля?

- У меня нет ее. Мой долг помогать тому, у кого эта воля есть.

- Стало быть, ты прогибаешься под сестренкой Азой и млеешь от восторга? Может и тебя уже кличут сестра Ната или как там? Наташка, опомнись, ты сидишь по уши в каком-то болоте, от него воняет тухлятиной и мошенничеством. Прозрей, солнышко мое.

- Отстань, не прикасайся ко мне, Максим. Вот, в этом ты весь, говоришь гадости и тут же прикидываешься нежным. Знаешь как это называется?

- Это называется любовью, - как можно прочувствованнее сказал я.

- Это называется лицемерием, - холодно заметила Наталия. – Ты укоряешь меня, но чем больше я наблюдаю за тобой, тем сильнее убеждаюсь, что не знала тебя настоящего и наконец мне открыли глаза.

- Эта гадина Азалия открыла тебе совсем другое, - проскрежетал я. – Она нашептала тебе всякую ахиною обо мне, а ты и рот открыла. Поражаюсь, родная жена не только слушает с удовлетворением чепуху о собственном муже, но и с радостью ему об этом толкует.

- Да какая же это радость, это горе мое. – всплеснула руками Наталия, и в ее голосе тут же послышалась мольба. - Как я была бы счастлива, если бы и ты был со мной там, в том мире. Ведь ты не знаешь истинной Азалии, ты судишь о ней предубежденно, несправедливо. А ведь она права во многом, и ей нужно верить.

- Уволь. Ты меня в этот склеп придурков не затащишь. А эта пророчица – самая настоящая ведьма, дрянь и мошенница, - не сдержался я. – Одумайся, малыш. Ты же не из тех умалишенных, наподобие Бориса или там Светланы, которые уже свихнулись от Азалиных рассказней. Ты же умный человек. Как ты можешь верить этой сектантской бодяге!

- Перестань, - Наталия резко поднялась. – Ты неисправим, и я не хочу тебя знать таким.

- Черт возьми, - взъерошился я. – Ну поясни мне толком, что тебя так влечет в этой пророчице? Чем она обладает таким, что ради нее можно пустить побоку семью, сына, меня?

- Ты не поймешь...

- Да брось ты, заладила как попугай, не поймешь. Что за жертвы такие, о которых ты лепечешь. Что, в жертву приносится любовь, материнство, свобода. Взамен на что? На какое-то прозябание где-то в подвале и нашептывания о грядущем конце мира? Это так же старо и глупо, как вся болтовня Азалии.

- Азалия знает все, и я ей верю, - в глазах Наталии я с ужасом обнаружил тот же блеск, который недавно видел у поверженного мною Бориса. Господи, неужели все так далеко зашло? – Ты стал чужим, Максим, ты стал чужим. И я не могу объяснить – почему. Азалия смогла бы, но ты не хочешь ее видеть.

- Отчего же? Пусть притопают, потолкуем, но при тебе. Надеюсь, ты не будешь теперь исчезать на сутки?

Наталия не ответила. В флигеле раздался крик проснувшегося Антошки, и она встрепенулась, словно дерево накрытое внезапным порывом ветра. Значит, у меня еще есть надежда вернуть мою заблудшую жену.

Но для этого сначала надо выиграть дискуссионное сражение с этой чертовой пророчицей. Если, разумеется, Азалия пойдет на контакт в присутствии Наталии. Я был убежден, что сумею промыть мозги жене и при ней раскусить суть жрицы тьмы. В ином случае я тут же покупаю билеты домой. В любом случае Наталию я вырву из лап этой девственницы дьявола...

Остаток дня мы провели вместе: ходили за покупками, прогулялись по набережной, побывали на аттракционах. Наталия вела себя, вернее пыталась вести себя непринужденно, не отпускала от себя Антошку, выполняя все его капризы и желания. Только мое обостренное состояние замечало в этой игре матери и ребенка небольшую натянутость, выражавшуюся в излишней чувствительности к сыну, упреждающей, подчеркнутой нежности. Счастливый Антошка не обращал внимания на такие тонкости, для него выглядело естественным обожание мамы после многочасовой разлуки. Впрочем, я и сам стирал с лица хмурость, как только глазенки сына останавливались на мне. Поневоле я втягивал себя в ту двусмысленную и фальшивую роль испортившихся взаимоотношений с женой, когда ребенок ничего не должен почувствовать. И от этого я ощущал себя совсем нездорово.

Не знаю, каким образом Наталия известила о моем желании Азалию, ведь мы были вместе безотлучно, ну, может быть, когда готовясь идти в город, я чуть задержался во флигеле, переодеваясь. Когда вышел, Наталия и Антошка беседовали о погоде с Риммой Альбертовной, соизволившей наконец посетить наш угол с прибытием моей жены.

Впрочем, все это частности, о которых тогда мне не было времени задумываться, ибо голова была занята другим. Однако, когда мы вернулись, распаковали покупки, поужинали, и я вышел в сад покурить, на тропинке, ведущей к флигелю я увидел в сгустившихся тенях деревьев приближавшееся пятно серого платья. Оно могло принадлежать только одной двуногой. И я не ошибся.

- Бог с вами, - услышал я все то же приветствие, и через мгновение передо мной возникла Азалия.

Я вздрогнул и ничего не ответил, машинально оглянувшись на дверцу флигеля. Разумеется, пророчица поняла меня.

- Ваша жена не убежит, она, как вы и хотели, будет присутствовать при нашей беседе. Скажу честно, что смысла в ней я не

вижу, для вас она обернется совсем не тем итогом, на который вы рассчитываете. Вы сделали ошибку, но мне вас не жаль. Не жаль, да, потому что вы не прислушались к моим словам. Ну что же, пожнете то, что сеяли.

Выглядела она великолепно. Распущенные волосы в строгом, хорошо уложенном беспорядке, струились к плечам. Ее стройная фигура вся дышала уверенностью в своей неотразимости и в то же время скромностью. Взор Азалии, обращенный на меня, был не надменен, как это предполагалось бы, но я бы даже сказал – участлив и спокоен. Она могла бы стать выдающейся актрисой, хотя она и так ее была. И, конечно же, такой вид Азалии сбил меня с толку. Я ожидал чопорную фурию, разобиженную монашку, надменную статую. Она опять взяла первое очко.

- Пройдем к калитке, - предложила Азалия. – Ваша жена подойдет, когда уложит спать сына.

Она не сомневалась в том, что говорит, будто была осведомлена о делах нашей семьи и о поступках Натали лучше меня. Меня это покорило, но я не подал вида.

Стремительно надвигалась ночь. Кремово-шоколадная темень, перевалив горы и пожрав их, текла патокой в низину, завладевая домами и улицами, от которых оставались лишь огни фонарей и освещенных окон. Становилось зябко и сыро, и к этому примешивался какой-то гнилостный запах, точно в тебя дышали из вонючей звериной пасти, - наверное, море выбросило на берег мертвые водоросли. Светлячок моей зажженной сигареты трепетал слабым вызовом всепоглощающей черноте. Сгустившаяся мгла растворила Азалию, я не видел ее, только ощущал, что она стоит рядом. Этот цвет мира, видимо, являлся ее стихией. Она словно была частицей мрака, и он колыхал и лелеял ее в своих тенетах как родное существо.

Наталия подошла бесшумно, но, в отличие от Азалии, я ее сразу увидел, хотя на ней была темная куртка.

- Я пришла, - сообщила она очевидное тихо и робко, будто ее вызвали на допрос в инквизицию.

- И что дальше? – спросил я.

- Это мы у вас должны спросить – что дальше? – сухо сказала Азалия.

- Прекрасно, в таком случае не будем юлить и разыгрывать из себя дипломатов, - ответил я в ту сторону тьмы, которая отзывалась голосом Азалии. – Давайте начистоту. Азалия, зачем вы хотите разбить нашу семью?

- Максим, что ты говоришь? – явно запоздало пробормотала Натали.

- Я говорю то, что есть. Азалия, не будем кривить и размазываться мыслями по древу. Я слушаю вас.

- Собственно говоря, это я должна слушать вас, ибо идея встречи принадлежит не мне, а то что я хотела вам высказать, сделала это, если помните, - невозмутимо отозвался мрак.

- Занятно, - процедил я. – Тогда послушаем меня хором. Итак, нормальная семья приезжает на юг отдохнуть от всякой дребедени, которую и так достаточно вдалбливают ей, начиная от работы до телевизора на кухне. Здесь происходит знакомство с некой особой, умиленной и обворожительной, от которой, однако, исходит дух разрушения. Воспользовавшись своими чарами, данная особа лишает покоя и затем попросту сводит с рельс добрую жену и хорошую мать ради каких-то химер, делая это сознательно. Да, возможно была попытка завлечь и мужа, но он оказался достаточно рассудителен, и тогда из него сделали врага. Цель – разрушить семью, вероятно, не только эту, оправдывается некими мифическими ценностями, противоречащими человеческим понятиям о жизни. Эти ценности заключаются в некой жертвенности, жертвенности всем – любовью, семейными узами, радостями, удовольствиями, право на которые дает именно единственная дарованная нам жизнь. Жертва во имя Бога? Но Бог не настолько кровожаден, чтобы требовать себе этого. Это пахнет каким-то средневековьем. Отшельники, схимники, пуритане – все это уже проходили, и в конце этого века они выглядят убогими недоносками. Вы не представляете насколько вы смешны и опасны, глядя на вас со стороны. Бог с вами, как вы говорите, Азалия, сходите с ума как вам заблагорассудится, на зачем вы втягиваете в вашу умалишенность впечатлительных и открытых сердцем людей, которые, к сожалению, очень восприимчивы подобным бредням. Да, среди таковых и Наталия. И мне жаль, что она перестала понимать этот мир своим умом. Не скрою, вы имеете талант приворожить к себе, но преступно использовать его для разрушения. И я этого не позволю.

- Ничего нового вы мне не сказали, - мягко ответила Азалия, словно я ей только что втолковывал о новых открытиях в энтомологии. – Ваши слова рассчитаны не на меня, а на вашу жену, не сомневаюсь, что вы ей уже говорили то же самое.

- Да, - согласился я. – Но ей этого мало.

- Вот видите, вы говорите эмоциями, а эмоции могут оказывать на человека непродолжительный эффект, если не подкреплены базой, учением, истиной. Суть в том, что в ваших словах нет истины.

- Растолкуйте мне, такому тупому.

- Зачем? Мы с вами говорили об этом, с Наталией я также беседовала. В отличие от вас, она постигла откровение, ее зацепил свет

истины. Вы же по натуре принадлежите к бесам, а им недоступны глаголы того, кто избрал меня вещать ими от себя. Вам невдомек, что я - не католичка, не православная, не буддистка, не мусульманка, не иудейка имею смелость проповедовать и пророчествовать от Высшего имени. Для вас, как и для других, заблудших по вине своего разума и выдумавших религии, необъяснимо, например, почему, веря в единого Бога, христиане расколоты между собой на протестантов, лютеран, католиков, православных, не говоря уже о сопутствующих сектах, также считающих себя единственно верными Всевышнему и его учению. Почему, например, христианская троица непонятна буддистам, а мусульмане и евреи, по сути два народа-брата, происшедшие от одного отца, ненавидят Богов друг друга? Все оттого, что Бог един, но каждому повернулся одной из своих неисчислимых сторон, и, не ведая того, славят единого, но под разными именами...

- Ну и что? – нетерпеливо перебил я начавшуюся лекцию и не имевшую, на мой взгляд, никакого отношения к теме.

- А то, что мир не захотел в гордыне своей поклоняться единому и вечному Создателю, как не возжелал любить один народ народы соседние и дальние, он предпочел иметь под его именем своих выдуманных Богов, назвав их где Аллахом, где Христосом, где Яхве, где Буддой. На такое мог подвигнуть только разум, когда под власть падшего ангела. Это – очевидно. Очевидно и то, что тот же разум, лелеявший своих богов и свою веру, как единственно истинную, гнал двуногих на кровопролития между собой. И рядом с догматами лицемерно защищаемой веры ковалось и куется оружие, век от века страшнее и ужаснее. И явились избранные народы и расы, возомнившие о себе. И со своим Богом. “Гот мит унс” или “Аллах акбар” восклицают они на разных языках, но суть та же – ненависть к другим, оплодотворенная разумом и оправдываемая верой. Их верой. Это все так далеко от настоящего Господа. И я поняла его муку и боль. Я пророчествую его устами о неизбежной гибели этого, погрязшего в грязи собственного разума люда, копошащегося уже на ядерных бочках и алчно с садомазохизмом ждущего последнего часа гибельного разгула. На вашем языке это будет звучать так – грядущая третья мировая война – это война выдуманных вашим миром религий. Разве достоин этот люд прощения и спасения? Какими глазами он будет смотреть на самом страшном суде в лицо Истины, в лик Единственного Владыки? О, да, каждый из народов представит своего Бога как доказательство веры, вернее заблуждения веры. И невдомек, что это всего-навсего лишь частица истинного Господа. Каждый ведь урвал от него то, что хотел, ибо так легче, ибо не осилить его всецелого, ибо всепоглощающая истина Его несопоставима с тем шабашом греховного разума, которым кичится человек. Потому – не прикрыть ли свою наготу

духа именно частичкой Господа, и существовать святошей, не задумываясь, что это – от лукавого.

- Все это занятно, - пробормотал я, немного сбитый с толку. Азалия говорила вдохновенно и возбужденно, как заправский оратор. Безусловно, она могла влиять на умы, если я сам ею только что заслушался. – Но давайте спустимся с грешной земли к нашему флигелю. Причем здесь моя семья?

- Я уже говорила вам, Максим, что ни с каким тайным намерением к вам не шла. Просто мы оказались соседями. Специально я не стремилась овладеть вашей душой или вашей жены. Разве моя вина в том, что ваша жена поняла меня, а вы нет? Разве я виновна в том, что ваша душа черства и цинична, ибо поражена мирским разумом, а душа вашей жены чиста и открыта истине? Я лишь указала ей путь к спасению, который она искала и до меня, это жило в ней и до нашего знакомства. Вы не замечали, что вашей жене пресен и претит ваш мир, где ей скучно. Работа, семья, секс, еда, отдых – вот тот нескончаемый круг тех плоских, бедных, односторонних земных удовольствий, которые предложил ей ваш мир, удовольствий, угождающих телу и разуму, а душа пуста. Так получилось, что я ей заполнила душу, и это оказалось выше рекламируемых вами жизненных установок вашего мира. А настоящая душа полна жертвенностью, жаждой спасения себя и родственных душ от непрерывного разложения вашего мира, в котором все в красивых обертках, а начинка – гниль и труха. Вы привыкли к этой фальши и не задумываетесь, а в чем смысл вашей жизни? Ну, отработаете свое, вырастите сына и он уйдет от вас, когда-нибудь утомите свою плоть, иступите на еде зубы и желудок, устанете отдыхать, - что дальше? Дальше – пустота. А я даю пищу душе, и она никогда не приестся. Ибо – смысл человека в его душе, обращенной к Господу. Жертва всем во имя своей души – это одно из самых великих откровений, познав сие вы начнете догадываться об истине.

- А что подразумевает ваша жертвенность - кротость или насилие?

- Чтобы обрести свою душу в чуждом мире всегда достаточно кротости, чтобы спасти души может пригодиться и насилие.

- Но вы противоречите сами себе, Азалия. Ваша жертвенность, как ни ряди, оправдывает насилие, и чем она лучше тех же идей крестового рыцарства, инквизиции и прочего такого? Суть та же – цель оправдывает средства. Какое же величие в такой цели?

- Вы, Максим, не передергивайте мои слова. Насилие – это вынужденная, но действенная мера не к усмирению заблудших душ, но к их спасению, и они в итоге будут за это благодарны.

- Значит, учинив насилие над душой, вы ее спасете, так ли?

- Насилие над душой чинить грех и святотатство, насилию всегда подвергались тела. Уж не думаете ли вы, что я призываю к пыткам или к крови? Насилие – это в моем понимании не физическое принуждение, но способ борьбы с гордыней разума. Ведь если скала мешает проторению истинного пути, то скалу не уговаривают, ее взрывают, и затем, когда осядет пыль, люди осознают свое счастье, увидев благой свет.

- И вы готовы пойти на такой взрыв?

- Без всякого сомнения, если это на пользу всеобщего дела.

- Ну, у нас ради общего дела миллионы отправляли на тот свет, здесь вы тоже не оригинальны.

- Их умерщвляли ради очередных фальшивых идеологий, созданных все тем же разумом, потому все те жертвы напрасны. Они не были угодны Всеединому Господу. Он приемлет только жертвы, осознанно и смиренно принесенные на его алтарь во имя Его.

- И моя жена готова на жертву? Натали, ты в самом деле готова жертвовать? – хрипло спросил я.

Внезапно нас окутало безмолвие. Черное тягучее безмолвие. По-прежнему Азалия сливалась с мраком, а рядом со мной стояла, подрагивая явно не от накатившего влажного ночного ветерка, Наталия и молчала.

- Ответь, не бойся, ответь, как велит тебе душа твоя, - произнесла Азалия. – Никто не в силах упрекнуть тебя за твой выбор.

- Да, - тихо прошептала Наталия, но это тихое краткое слово раздалось во мне как удар колокола.

Я понял, что проиграл.

Укрепи меня, Господи!

С той ночи многое изменилось.

Тогда мы молча вернулись во флигель, Азалия подчеркнуто деликатно и как ни в чем не бывало, распрощалась со мной и Натали, окончательно растворившись во тьме. Я не притронулся к жене, я был сражен приговором этого “да”, и мое сердце дакало с каждым толчком. Не говоря ни слова я разделся и лег на скрипучую кровать. Натали примостилась к безмятежно спящему Антошке.

Я не знал о чем и думать. Немедленно уезжать, но это казалось бегством, и я интуитивно, помимо этого, чувствовал, что такой вариант – не выход, к тому же и Натали может заартачиться. Давить же на нее

своими аргументами теперь мне казалось бессмысленным. Она в полной власти Азалии. Конечно, я не бывал на проповедях этой бестрепетной красотки, но вполне мог представить что и как она вещала своей пастве. Для этого было достаточно припомнить фанатичный взгляд Бориса и все то же сокрушительное “да” из уст моей жены. Все же одержимость Азалии я более приписывал ее артистически-мошеннической натуре и всерьез не думал, что ее умозаключения о возможности насилия для привлечения новых остолопов в ряды неведомого братства могут оказаться реальными. В самом деле, кто из тех, кого я видел – Борис, Светлана, положим и моя жена – способны хоть на какое-то насилие? Смех один. Разве что сами пойдут на заклятие? Да это совсем полнейшая ерунда. Кто способен на собственное жертвоприношение в разгар цивилизации? Ну, какой-нибудь свихнувшийся идиот? Но на идиотов паства Азалии при всей ее мягкотелой ущербности, на мой взгляд, не была похожа.

И все же меня кольнуло в сердце. Но я отбросил эту мысль. Если я почую или прознаю, не дай Бог, что готовится нечто в подобном ключе, и что в качестве соучастника окажется и моя жена, то я им устрою такие жертвы, что они на меня молиться станут.

Слабо, но как-то успокаивало то, что во всяком случае Натали вернулась во флигель, и что нам осталось до конца нашего отпуска семь дней. Я успокаивал себя тем, что за неделю не должно случиться чего-нибудь такого. Конечно, можно держать жену что называется под замком, но этим я лишь окончательно испорчу наши отношения, тем более, что чертова пророчица, не исключив подобные действия с моей стороны, уже могла проинструктировать Наталию, как ей вести себя в таком случае. И уж абсолютно, тогда бы во мнении жены я бы выглядел законченным негодяем, монстром, а то и приспешником самого Дьявола.

Да пусть она ходит на эти сборища, мне лучше не мешать и тем самым как-то подыграть ей, а там и снова сблизиться, а позже, начиная уже на пути домой, мягко и ненавязчиво лечить ее голову от всей этой сектантской галиматши, окружить той заботой и любовью, на которые я был способен, и которые сами по себе – великая врачующая сила.

- Максим, ты спишь? – вдруг позвала меня Натали.

- Нет, - сквозь зубы ответил я, давая понять, что обижен и расстроен донельзя, что, впрочем, было правдой.

- Максим, прости меня.

Я ничего не ответил и отвернулся к шершавым старым обоям стенки...

Ах, что за прелесть эти южные утренние часы! Когда еще нет этого дамклова меча над вашим черепом в виде палящего солнца, когда не пляшет сухая пыль под ногами, когда не шествуют беспорядочными толпами, как коровы на водопой, курортники и не лезут в уши и нос гул и

бензиновые испарения бесчисленных авто. А только девственная роса, бисерным налетом, захватившая мягкий изумруд травы, сбивается вашими босыми ногами, и жирный лист лопуха, притомившийся у забора, заменяет вам полотенце после ледяного ведра воды из колодца, и сорванное спелое яблоко оказывается куда лучше и полезнее всяких завязших в зубах “бленд-а-медов”, и уютный ветерок массирует обнаженную грудь, и через садовые деревья проступает мохнатость старых гор, и невыразимая прозрачность звенящего от чистоты воздуха расправляет легкие и мышцы, зовет внизу к себе синее-синее море.

В такое время все темное, осадочное и неприятное выглядит таким примитивным, несущественным и нелепым и тут же улечучивается из тела и проясняет голову. Какой простор, какая слава жизни!

И меня вдруг осенило: а ведь попробуй Азалия проповедовать свои идеи и пророчествовать о своей странной жертвенности вот сейчас, в минуты такой благодати, то как ненужно, убого, тускло и жалко выглядели бы и она, и ее откровения. Ведь не зря она предпочитала общаться, например, со мной во время серого промозглого утра, когда были ненастье и буря. Или вчера – под покровом ночи. Ведь именно тогда ее речь дополняется соответствующим природным антуражем, где властвует стихия обреченности и покорности. Не иначе, что и сходки свои она устраивает в полутемном и полусыром подвале, так доходчивее.

Азалии и ее проповедям противопоказано солнце!

Как жаль, что я до этого не додумался раньше, я бы попросил потолковать с ней при свете ясного солнечного дня. Но – я уверился в этом! – пророчица боится дня. Ибо она – дитя сумерек и ночи.

- Наталия, - я вбежал во флигель. – Просыпайся скорее и иди сюда.

- Что случилось? – бледное лицо жены нехотя оторвалось от подушки.

- Идем, увидишь.

- Не хочу, - тоном старой девы ответила она.

Нет, с меня хватит этих побегов от жизни. Я схватил ее в охапку и, несмотря на довольно, кстати, сильные царапания и кусания в плечо, вытащил на свет Божий и опустил на влажный травяной ковер.

- Смотри, вот она жизнь! Все остальное вздор и пошлятина.

Сердитый взор жены невольно смягчился после того, как зажмурившись, она протерла глаза и невольно замерла открывшимся видом. Удивительно, что это утро походило на вчерашнее или с три, четыре дня назад, как две капли воды. Но тогда мы как-то особо этим не восторгались или принимали за разумеющуюся обыденность. Значит, должно что-то было измениться между нами (а так оно и произошло), чтобы почувствовать мощь зовущей и притягивающей к себе жизни.

- Ты видишь как от всего вокруг пахнет соками жизни, - выкрикнул я, чуть не добавив “так же, как от Азалии тянет могилой”.

- Хорошо, - развела руки в сторону Наталия и... улыбнулась.

Она улыбнулась! Она улыбнулась! Я уже отвык от этого обычного выражения чувства на ее лице. Ну, держись пророчица хренова!

И с утра до самого обеда все у нас было так же, как в первый день приезда, когда мы не знали ни про каких демонов в платье. Особенно потешен был Антошка. Своим детским инстинктом он почувствовал, что у папы с мамой все хорошо, и оттого веселился как мог. Мы были снова одной семьей, с которой ничего не надо требовать и которая по-мещански, по среднечеловеческому уровню своих финансовых и интеллектуальных возможностей развлекается как умеет. Ни я, ни Натали ни словом не обмолвились о вчерашней беседе с Азалией, словно бы ее и не было. Мы позавтракали в пельменной и потопали на море, выбрав на сей раз не пляж, а дальний мыс, изрезанный древними ступенчатыми отложениями каких-то горных пород, где на берегу вместо крупнозернистого песка лежала увесистая галька. Ну и что с того? Зато не было никого поблизости, вода манила своей теплотой и прозрачностью и, наконец, мы увидели ныряющих по направлению к нам стайку дельфинов.

К обеду погода все-таки начала портиться. Из-за морского горизонта вырастала огромная слива, подул прохладный ветер, морские волны зарыбились и затяжелели в бросках на берег. Юркие крабы, схожие с маленькими квадратными штемпеями, деловито расправив вилочки клешней, улепетывали под защиту щелей. Небо подернулось матовой марлей, за которой солнце удрученно глазело на нас своим моноклем. Склоны гор быстро обросли шапками теней. Слива переросла в сливищу и толчками торопливо приближалась. В ней вдруг я заметил вспыхнувшую гроздь, и буквально следом докатился протяжный звук грома.

Мы спешно собрались и двинули в свое убежище. Край тучи, теперь уже захватившей три четверти неба, и схожей с разварившейся брюквой, накрыл нас у калитки. Громыхало довольно часто, но я с удовлетворением отметил, что Натали теперь не содрогалась от этого естественного разгула природы.

За калиткой в саду стояла Римма Альбертовна, сложив мощные руки на груди, подобно киношному эсесовцу, охраняющему вход в подземный бункер фюрера и уставилась в нашу щебечущую компанию. Мне не понравился ее взгляд исподлобья, какой-то цепкий и неприязненный. Когда я вижу такие взгляды, меня тянет показать язык или ударить кулаком по согнутому локтю. Да ладно, хозяйка все-таки.

Римма Альбертовна кивком головы нехотя ответила на наше приветствие, медленно повернулась и пошлепала в глубину сада. Через минуту хлынул ливень, сметающий жару, пыль и остатки курортников, чьи

визги доносились откуда-то с улицы. Вереща, мы ворвались во флигель. Успели.

Наверное, я вымотался за последнее время и к тому же был успокоен началом нынешнего дня. И, после обеда, прошедшего под музыку дождя, мы все завалились спать, причем Антошка выбрал меня в качестве пассажира на борту придуманного им кораблика.

Когда я проснулся, за окном серело пасмурное небо, обложенное рваными кусками выдоенных туч. Дождя не было. Солнца - тоже. Натали тоже не было.

Как ни странно, меня это не удивило. Правда, что-то грузное тяжело заворочалось в груди, но проснувшийся Антошка (то, что он рядом, меня также успокаивало – значит они оставили тщетные попытки отобрать сына) потребовал внимания, и тяжесть как-то осела, подобно взбаламученному илу, на тайники дна моего сердца.

Конечно же, Натали опять в логове Азалии. Насыщается, со злорадной тоской подумал я. Ну и пусть. Недолго осталось дурью маяться, не будем на этом заикливаться.

Погода до вечера оставалась несносной – ветрено, порой срывался мелкий, точно мошкара, дождь, солнце из-за ваты облачности проглядывало как заплесневелый пятак. Мы с Антошкой резались во всякие настольные игры, обложившись картонами карт, фишками, кубиками, жетонами. Антошка был весел, я не заметил в нем никакого удивления или сожаления по поводу отсутствия мамы. Либо парень стал привыкать к таким неожиданным выкрутасам и принимал их за должное, либо его маленькое сердце успокоилось, ведь до обеда мы были вместе и нам было хорошо, а в его юном сознании этого оказалось достаточно.

Я не думал, что Натали опять проведет неизвестно где ночь, ведь после выяснения отношений с Азалией в ее присутствии, когда я из агрессивного врага согласился на статус пассивного неприятеля и дал понять, что препятствий чинить не буду, смысла в том не было. Они показали, что могут, я принял это как должное и постараюсь не вмешиваться в духовные метания своей суженой.

Кстати, а что я действительно знаю о душе своей жены? Как-то раньше я об этом не задумывался. Да, Наташка, человек очень впечатлительный, жалостливый, сентиментальный и восторженный. Помню, она плакала горячими слезами, когда мы шли по одной площади в своем городе, где накануне случилась страшная автокатастрофа и погибли люди, включая и двух детей – об этом со вкусом в вечернем выпуске новостей поведало местное телевидение. Натали очень переживала, особенно ее растрогали букеты цветов на месте аварии и замытые пятна на асфальте. Она вынудила и меня купить цветы, и сама положила ярко-красные пионы на огороженную часть бывшего автопобоища. Еще как-то

она с месяц прикупала продукты и приносила нашей соседке по этажу – приболевшей бабульке. Где-то я должен согласиться с Азалией, что в этом отношении я куда более черств и эгоистичен. Хотя, если бы я был законченным эгоцентриком, я бы давно разогнал всю Азалину кодлу, надавал бы всем по морде, начиная с пророчицы, а Наталию отхлестал бы ремнем. Наверное, все же я добрый, коли не сделал таких вещей.

Натали вернулась ближе к сумеркам. Я услышал ее легкие частые шаги на подходе к флигелю, и мне стало не так пасмурно. Все же она возвратилась.

- Ну как дела? – бодро, как ни в чем не бывало, спросил я осваиваясь с ролью мужа-дофиниста (дофиниста – следует считать производным не от слова “дофин”, а от просторечного выражения – “всё до фени”).

- Нормально, - бесцветно ответила Натали, отряхивая влажную куртку.

- Насовещались?

- Перестань, Максим, прошу тебя.

- Хорошо, хорошо, лапочка. Проголодалась? Сейчас мы тебя покормим, да и сами заодно подкрепимся, правда, малыш?

Малыш вскочил со стула, подбежал к маме и крепко и молча обнял ее за ноги. Натали ласково потрепала его по выгоревшей шевелюре и, склонившись, чмокнула в губки.

- Мама, ты по мне соскучилась? – пролепетал Антошка.

- Да, сына, соскучилась.

Меня задело, однако, что с Антошкой Наталия продолжала вести себя настолько же нежнее, чем со мной – сдержаннее. Во всяком случае ее поцелуя, даже формального, я не удостоился. Впрочем, все равно было заметно, что она стала какой-то замкнутой и отстраненной.

- О чем ты думаешь? – спросил я, когда мы поужинали и я помогал ей мыть посуду за флигелем.

- О смысле нашей жизни, – ответила Натали таким тоном, точно отмахнулась.

- И в чем он тебе видится?

- Верно говорит сестра...- Наталия запнулась и покраснела, но договорила. – Азалия, что нас окружает пустота. Пу-сто-та. Иду я по городу: вокруг чужие люди, с чужими улыбками, с чужими желаниями. Лежит у тротуара человек, и никто не подошел. Всем все равно. Кто делает вид, что не замечает, кто с презрением отворачивается, а кто в упор рассматривает, как интересную козявку. Как все это противно! Где души этих людей?

- Да может пьяный валяется, кому охота связываться? На это милиция есть, пусть оторвет задницы от стула да займется работой, за которую ей платят.

- Вот-вот, и ты точно такой. Тебя это не тревожит. Твоя душа тоже спокойна.

- Маленький мой, твое сострадание не имеет смысла. Между прочим, Мопассан, неплохо знавший людей, писал, что, разумеется, люди всегда одинаково безобразны и всегда одинаково плохо пахнут. И это не оценка циника, но вывод аналитика человеков. И пусть так, но это не снижает мою любовь к жизни и к этому миру, и глупо стремиться своею жертвой что-либо исправить, надо принимать все так как оно есть.

- Какой же ты все-таки бессердечный. Как ты можешь вот так говорить. Ты, как и твой Мопассан, заносчивый гордец.

- Натали, оттого, что мне безразлично, кто там валяется у тротуара, сколько он выпил и что ему снится, а также, что я равнодушен к горьким судьбам неведомых мне арабов, негров, белых, индейцев и прочих племен, влачащих жалкое существование на этой противоречивой планете, еще не значит, что я бездушный сапог. Меня очень волнует судьба близких мне людей, в том числе – твоя.

- Не надо об этом, Максим, у меня все хорошо.

- У тебя, может быть, да. А у нас? Что случилось с нами? По моей ли воле?

- Не заводись, прошу тебя. Это разные вещи.

- Конечно же, - я с грохотом плюхнул сковородку наземь. – Ах, гляди, как мы одержимы любовью к страждущему человечеству, настолько одержимы, что ради его спасения готовы пожертвовать счастьем собственной семьи. А для меня человечество – это глаза моего сына в первую очередь. А тебе эти глаза ничего не говорят? Или ими тоже можно пожертвовать?

А, черт возьми, я снова не сдержался, на меня нахлынула все та же обида, при этом я сознавал правоту моих слов. Но Наталия, быстро domыв посуду, затворилась в себе, как улитка в раковине, и, не глядя на меня, молча ушла во флигель. Я остервенело задымил сигаретой: как же мне ее образумить-то наконец? Но все, все, больше срывать нельзя. Нужно быть мягким, убеждать как можно спокойнее. Если я опять начну орать, будет только хуже.

И ведь что интересно: если бы я заподозрил за женой какие-то шашни, если бы она ненароком изменила мне или хотя бы подумала об этом, я бы отхлестал ее за милую душу. Но перед духовной изменой, как я это называю, перед ее неожиданной и странной религиозностью я оказался в полнейшей растерянности. Здесь не было того, что называется виной жены перед мужем. Внешне семья сохранена, а что за туман в ее голове бродит,

так за это голову не сымешь. И где те аргументы, которые переселят заговорные речи Азалии? Мой разум не находил их, ибо отказывался верить в происходящее как реальность. Это временное помрачение, казалось мне, которое исчезнет, как только мы уедем отсюда.

Примирение я оставил на утро – пусть Наталия остынет за ночь. К тому же я надеялся, что завтра будет солнечный день.

И в самом деле, утро выдалось светлым, сочным, щедрым на яркие краски, пахнущим морем и горами, садом и цветами, и таким лучезарным, как улыбка проснувшегося Антошки. Однако Натали выглядела удрученной, невыспавшейся и какой-то серой. Возможно, она еще обижалась на меня. Я напротив старался быть бодрым и веселым.

- Какой сегодня чудный денек, ну-ка быстрый подъем и к морю. Грех терять время, - провозгласил я.

Наталия вздрогнула и заметно ступсевалась. Я объяснил это тем, что ей, как живому человеку, хочется побыть вместе с семьей, вкусить прелести южного дня, поласкаться на теплой соленой воде, но как свихнутой с нормального пути чертовой Азалией, ей надо тащиться на унылые проповеди о ничтожестве человечьем. Пусть-ка призадумается, что чего стоит. Природа поет свои гимны за нас, попробуй устоять перед ее живым дыханием, особенно если сравнить ее с тем склепом, где собираются тени, отысканные пророчицей для озвучения своих бредовых идей.

- Ты чего такой грустный, малыш? - обратился я к жене, словно и не было накануне вечером никакой ссоры.

- Нет, ничего, - прошептала она. Не иначе в ней боролись жаркие призывы к жизни и холодный глас Азалии.

- Бесподобный день, благодать какая, - вел я. – Нет, это преступление разменять такой день на что-либо иное. Только отдых, только солнце, только море. Согласен, Антошка?

- Да, папуля, - отозвался верный сын.

- Тогда живо собирайся. А ты, Натали, пойдешь с нами или тебе требуется идти на это самое ...служение?

- У меня голова болит, я останусь дома, вы – идите.

- Жаль. Ты, бедняжка, совсем и не загорела. Мы вон с парнем совсем бронзовые стали, а тебе, когда вернемся, никто не поверит, что ты была на юге, - тонко намекнул я на азалины сборища, где солнцу места нет.

- Идите.

- Ты сегодня по обычной программе? – как мог равнодушнее спросил я.

- Не поняла.

- Ну, пойдешь туда?

- Да, - скорее кивнула, чем произнесла жена.
- И ладно, - согласился я и спустя несколько мгновений добавил как бы невзначай. – А что вы там делаете?
- Какая разница?
- Нет, интересно. Слушаете, свечки жжете, поете? Наверное есть какие-то обряды? Я спрашиваю из чистого любопытства.
- Слушаем и говорим.
- Толково объяснила. А знаешь что, - я был настроен совершенно миролюбиво. – возьми меня как-нибудь с собой? Может и мне понравится и я стану таким же приверженцем пророчицы, как и ты.
- Ты это серьезно? – Наталия блеснула глазами.
- Конечно. Если тебе это по душе, глядишь и меня переубедят. Я же ничего об этом не знаю, только одни разговоры с Азалией. Может я и не прав, что нападаю на вас. Поведи меня, я искренне говорю.
- Правда?

Наталия вдруг оживилась, зарделась, протанцевала с взвизгнувшим Антошкой, даже чмокнула меня в щеку. Я понял, что примирение состоялось. Пусть я покривил душой, но мне действительно нужно побывать в этом молитвенном доме или как оно там прозывается, дабы узреть чад Азалии и суть того, что она с ними вытворяет. Хватит ломать дрова, дуя напролом, теперь мы будем хитрее. Введи, моя жена, Троянского коня в ваш курятник.

На море, однако, мы отправились вдвоем с Антошкой. Но я был спокоен и весел. Моя затея нравилась мне, к тому же она возымела действие на Наталию. Теперь я буду ее контролировать сам и методом сравнений и ненавязчивых выводов возвращать ее к нормальной жизни.

- Папа, а куда мама ходит?, - полюбопытствовал сын, когда я на горячем песке делал массаж его мокрой после купания спинке.
- Да у нее здесь дело нашлось, - нехотя ответил я.
- А почему на нас у нее нет дел?
- Не хватает времени, лапочка.
- Это нехорошо, - справедливо рассудил Антошка.
- Получается, что так. Но все это пройдет.
- Пусть побыстрее.
- Я тоже этого хочу, малышкин.
- Я люблю тебя, папочка. И маму люблю.
- И мы тебя любим, солнышко ты наше. Ну, беги, поплецись еще, только не заходи далеко в воду.

Как я и предполагал, когда мы вернулись с пляжа, Наталии во флигеле не было. Но тяжести на сердце в этот раз я не почувствовал, даже зная – куда она могла уйти.

Безусловно, мое предложение сразило жену. Она, настроенная Азалией и сама, на постоянный конфликт со мной, не ожидала, что я готов топтать с ней в хлев пророчицы, как ручной пес. Она была не готова к такому обороту, и внезапно увидела перед собой не выструганного в мыслях врага или неприятеля, посягающего на ее душу, но снова – мужа и помощника, одержимого идти ради нее в азамино болото. Посмотрим же, насколько все это сразит саму Азалию!

Ссора

После обеда мы с Антошкой остались во флигеле, хотя жара и не была особенно утомляющей, и сын тянул меня опять на морской берег, догадываясь, что скоро все это кончится, и ему придется коротать лето среди пыльных и прохладных асфальтовых просторов родимого города. Но я ждал Наталию. И с каждой новой минутой ожидания спокойствие высачивалось из меня по капле, уступая место волнению.

Вроде бы все, что я задумал, должно было осуществиться без помех. На это настраивало и настроение жены, явно обрадовавшейся моему предложению. Однако все упиралось в пророчицу. Именно она, как верховный жрец собственной богадельни, принимала окончательное решение. И хотя я до конца не раскусил Азалию, но знал, что это – опасный и умный противник, просчитывающий мои ходы вперед без особого напряжения.

Была еще одна проблема. Если Наталия вернется и пригласит меня в их берлогу немедленно, то – куда девать Антошку. О том, чтобы его взять с собой, не могло быть и речи. Не хватало, чтобы и парню там пудрили мозги, он то у меня натура весьма впечатлительная. Правда, эту проблему я надеялся решить с позиции здоровой мужской логики. Коль мы пойдем с Наталией, то пусть она попросит хозяйку Римму Альбертовну поглядеть за сыном. За час, два у нее хребет не переломится. А сынуля переживет, потому что так надо, я ему объясню.

В этих ленивых, но все более тревожных мыслях, я барахтался в кубатуре флигеля, играя во что-то с Антошкой и, порою, играя невпопад, так что он не выдержал и заметил:

- Папочка, ты если сильно расстроился, что мамы нет, ложись и спи, это помогает, а я картинки буду раскрашивать.

Наталия пришла около трех часов. По медленным и не совсем уверенным ее шагам (когда все нормально решалось, она ходила стремительно, как ускоренный метроном) я догадался, что не все ладно.

И верно, когда она открыла дверь, ее лицо было каким-то скучным и озабоченным. С несвойственной ей неловкостью Наталия нащупала стул и тяжело опустилась на него.

- Устала, мой маленький? - с нежным сочувствием любящего мужа спросил я, делая вид, что не определил ее состояние.

- Очень.

- Еще бы, такое пекло на улице, - соврал я. – Приляг, отдохни.

- Не хочу.

- Тебе виднее. Кстати, не беспокойся насчет нашей сытости. Докладываю, твои мужики весьма вкусно пообедали. Ты не голодна? Можем сходить куда-нибудь.

- Нет, спасибо. Антошка, сынок мой, сходи к тете Римме и попроси у нее холодного кваса, того самого, которым она нас угощала. Возьми деньги.

Когда Антошка скрылся за дверью, я понял, что сейчас меня чем-то огорошат. Неуклюжая попытка выставить сына за пределы наших выяснений отношений. Пусть будет так. Я готов.

- Ты хочешь мне что-то сказать, - определил я. – Слушаю тебя.

- Азалия против, чтобы ты пришел, - скорее выдохнула, чем произнесла Наталия.

- Почему?

- А ты сам не догадываешься?

- Абсолютно.

- Максим, объясни мне, только честно, зачем тебе все это надо? – Наталия страдальчески скрестила руки на груди и с полными слез глазами скорбно уставилась в меня.

- Натали, а тебе зачем все это надо?

- Не знаю, но мне там спокойно.

- Вот и я хочу, чтобы мне было спокойно, - ответил я совершенно искренне. – Я хочу понять, что это за место такое, где люди добровольно отдают свое счастье, дабы обрести некий покой отшельника, которому все чуждо в этом мире. Может это настолько великая и благородная тайна, внушаемая лишь избранным, что пеньки, подобные мне, годны лишь быть пылью у ваших ног, но все равно хочу уяснить – подо что ложиться пылью.

- Не язви, пожалуйста, прошу тебя. Мне и так тяжело.

- Мне тоже, мое солнышко. С тех пор, как нашу жизнь, словно мотыгой, распахала соседка, от нас ушли беззаботность, любовь, душевная отрада, близость и всякая такая прочая дрянь, не имеющая никакой цены среди тех, кто жертвует собой ради вселенских проблем человечества. Но это так, к слову. Не кусай губы, я не буду больше об этом. Почему Азалия не хочет моего присутствия в вашем святом комплексе?

- Почему комплексе?

- Ну пусть будет – дворце, чертогах, палате, я же не знаю, где вы спрячете свои высочайшие откровения от тупых двуногих, не просекающих благодати, исходящей от... Кстати, а как именуется ее движение? Любая вещь имеет свое название, даже секта? А Азалия возглавляет что? Лигу жертвенников? – во мне поневоле опять взбрыкивала обида, скрывавшаяся за иронией.

- Прекрати, - вспыхнула Наталия. – Вот он ты – настоящий, прикинулся утром овечкой. Я поверила. Права, опять убеждаюсь, права Азалия, что в тебе сидит бесовский дух и ты только смущать ложными истинами годен.

Черт возьми, я снова допустил ошибку, сорвался.

- Извини, Натали. В конце концов неважно, где вы собираетесь и как называетесь. У вас есть общая идея, ну и славно. Я погорячился, потому что обескуражен решением Азалии. Отчего она относится ко мне так плохо?

- Ты сам себя так ведешь. От тебя гордыней и неприятием чужого мнения несет за километр.

- Так я же говорю – исправьте меня, давайте я буду ходить к вам, я буду настоящим паинькой.

- Нет, Азалии слово твердо.

- Да что ты все Азалия да Азалия. Но у тебя же есть голова на плечах? Подумай, ради чего она так непримирима ко мне? Отчего так тебя голубит? Да она просто хочет нас разлучить, и проблема в том – с какой целью?

- Неправда. Она меня не выделяет среди других. Мы все равны в ее глазах. Я вижу, что ты ее не выносишь, презираешь. И мне больно. Она тоже видит, что ты никогда не можешь понять ее истину. Ты притворяешься. Ты сам одержим не согласием и миром, а раздором. Ну почему ты такой, Максим?

- Что же вам толкует Азалия?

- Люди, имеющие сострадание к другим людям, способны и должны спасти подобных себе.

- Но все человечество даже вы спасти не в силах?

- Но хоть малую часть, и то зачтется.

- И как вы собираетесь спасти?

- Скоро наступит этот час, говорит Азалия. Она знает – как. И я ей верю.

- А если она прикажет вам идти топиться или скопом зарезаться во имя заблудших душ, которые вряд ли оценят ваш богоугодный поступок, пойдете что ли?

- Не говори ерунды.

- Натали, ты же умный человек. Хорошо, я на тебя влияю отрицательно. Но врубись сама: какую ахинею несет эта пророчица. Какие жертвы, когда везде жизнь? Плохо или очень плохо в этом мире, но он таков и нам в нем жить. Ведь оттого, что в этом городе рядом с нами существуют преступники, что в Кремле бедной страной правят уроды и воры, что человек балдеет больше от денег, чем от музеев, ничего не перевернулось. Зло уравнивается добром всегда. Это закон природы, и никому его не изменить. На что же замахивается Азалия? Для чего ей нужны вы? Я не втемяшу в голову, чем она охмурила, одурманила вас, кажется не глупых и самостоятельных людей?

- Не будем об этом?

- Отлично! – я вскочил. – Об этом не будем, о том не будем. Ну сплошная тайна. И скоро грядет спасение. Спасение через жертвы. Какие жертвы? Ты хоть понимаешь, чем это может пахнуть? Да вам всем надо к психиатру, а Азалии – в сумасшедший дом без всяких анализов. Эта хитрая сволочь, если хочешь начистоту, почуяла, что я могу ей помешать, оттого и не хочет меня видеть среди вас. Что она задумала? Вы там случайно автоматы не протираете под молитву? Я боюсь за тебя, Наташенька. Все это к добру не ведет. Мы и так уже не семья, а черт его знает что. И причина – в Азалии. Приглядишься к ней – вот кто несет в себе зло, прикрываясь бреднями о спасении мира. Ну как мне тебе это доказать.

- Ничего доказывать не стоит, - Наталия тоже поднялась, сухая и надломленная, точно ветка, снесенная ураганом. – Ты повел себя именно так, как предсказала Азалия. Мне очень жаль, что ты делаешь все, чтобы мы стали чужими.

- Конечно я, - закричал я. – Это я пустил побоку нашу любовь, наше счастье. Это я забываю о семье и ребенке, пропадая черт его знает где. Это я лепечу здесь о жертвах во имя какого-то мифа, толком не соображая – а что все это значит и к чему. Это я – сухарь и циник, эгоист и сволочь. А ты – святая и в каждом твоём глазу торчит по Азалии. Милая моя девочка, тебе выбирать самой: либо я и Антошка, либо эта пророчица.

- Я тебя видеть не хочу, - бескровные губы жены задрожали, она повернулась к двери и столкнулась с сопящим от натуги сыном, тянувшим большой кувшин кваса.

Раздался треск разбившегося кувшина. Холодная жидкость окропила стенки флигеля, стулья и залила весь пол. Антошка заревел.

Мы оказались на краю пропасти. Я не мог более себя сдерживать. Отказ Азалии означал, что Наталию она не отдаст. И это решило все. И это все я высказал в лицо Натали. Может я еще пожалею о случившемся. Но сейчас меня сковали невыразимая бешеная тоска и страшная пустота. Я терял Наталию.

Глава 4

Преддверие развязки

Мы продолжали жить вместе. То есть – формально вместе. Наталия подчеркнуто нежно и участливо вела себя с Антошкой, и были ли то искренние материнские чувства, или же все это ставилось в пику мне, не берусь судить. Со мной она вела себя сдержанно, холодно-вежливо, откликалась на мои просьбы, давала мне хозяйственные поручения. Но незримо между нами пролегла граница отчуждения. Любовью в отношениях между нами не пахло. Так ведут себя двое опостылевших друга на необитаемом острове, когда нужда заставляет их общаться.

И, конечно, Наталия пропадала по полдня. Обласканный ею Антошка от этого вроде не скучал. Я тихо злобился, но стоило мне пустить хоть какую шпильку или намек на ее надоевшее мне увлечение, как и без того хрупкое общежитие покрывалось хрустящей коркой льда, норовя треснуть окончательно.

Антошку я с ней не отпускал, впрочем, жена и не настаивала на том, чтобы взять его с собой.

До конца нашего отпуска оставалось три дня.

И однажды утром, я как всегда привычно стал собираться с сыном на море, Наталия, как потусторонняя посторонняя убиралась после завтрака, Антошка неожиданно сел на кровать и сказал мне:

- Папа, иди один.
- Как это один. А ты? – опешил я.
- Я не хочу.
- Ты не заболел, парень? – я с беспокойством оглядел его.
- Нет, я не хочу, - упрямо сжал губы Антошка и стал очень похож на свою маму.
- Почему? – растерялся я.
- Я хочу быть с мамой.
- Но мама не пойдет с нами на море. Ты же знаешь. А нам осталось так недолго отдыхать, - пролепетал я.
- Все равно я хочу быть с мамой.

Наталия неслышно выскользнула из флигеля, словно мой разговор с сыном ее не касался.

- Мама никуда не денется, мы придем с моря, сильные и здоровые, и она порадуется нам.
- Нет, она не радуется.

Я так и опустился задом на стол.

- С чего ты это взял?

- Правда, она не радуется. Тебе. Ты ее много обижаешь. Это нехорошо, папа.

- Я не обижаю маму.

- Нет, обижаешь. И вообще я хочу быть с мамой. Она столько интересного рассказывала. И тетя Аза меня звала. А ты нас не пускаешь к ней. А я хочу посмотреть.

Я с неподдельным изумлением уставился на сына. Его глазенки смотрели на меня наивно и чуть ли не враждебно. Возможно, мне так казалось.

- Но для тебя в том месте, куда ходит мама, ничего нет интересного. Там не игрушек, нет аттракционов. Там тети и дяди сидят и болтают, как на собрании, - кое-как нашелся я.

- А мама говорит другое. Почему ты, папа, не отпускаешь меня с ней? – вопрос прозвучал как прямое обвинение.

- Все ясно, малыш. Посиди пока здесь.

Что-то черное завертелось в моей голове. Я выскочил из флигеля и увидел жену, стоящую у калитки с невинным выражением лица, смотрящую куда-то вдаль, в туманность гор. Впервые в жизни у меня возникло неодолимое желание ударить ее.

- Что же ты? – прошипел я, подходя к ней.

- Что? – вскинула она брови, точно не понимая о чем речь.

- Не прикидывайся дурой. Зачем ты малыша за моей спиной совращаешь на эти сходки? Какого черта он там тебе понадобился? Это что – приказ Азалии, который ты, как верная сука должна исполнить?

- Прекрати, Максим, - ее глаза блеснули по мне, точно клинок.

- Хватит, прекращался. У тебя давно с мозгами не в порядке. Но такой подлости я не ожидал. Ты уже и сына против меня настраиваешь. Запомни, передай своей пророчице, Антошку я вам не отдам.

- А что ты сделаешь? Ударить? Убьешь? Ну, давай, - она трянула волосами и подалась ко мне.

Господи! Как это похоже! Во мне снова мелькнула картинка поверженного Бориса, готового на то, чтобы его изувечили или прибили. Да что же это такое. Что за власть над ними приобрела проклятая Азалия? В каком мире они живут?

Я больно сжал ее плечо и процедил медленно и твердо:

- Запомни, Натали. Когда-нибудь тебе станет стыдно и противно за то, что ты вытворяешь. Но тогда может быть поздно. Ты сама себе ответчик за все, что ты делаешь. Я не могу тебя удержать, значит такова сила твоей любви и моих усилий. Черт с этим. Но никогда вам не удастся грязными душами залапать моего сына. Я не позволю никому

этого. И тебе – тоже. Если хоть раз увижу, как ты его оболваниваешь, клянусь – сына ты больше никогда не увидишь. Пропадай сама, если тебе так хочется.

Я развернулся и пошел прочь, не оглядываясь. То, что накопилось, взорвалось. Больше не нужно никаких слов. Я больше не хотел думать о Наталии и ее будущем. Я устал думать об этом.

Антошка встретил меня бьющим под дых вопросом.

- Ты опять ходил обижать маму, да?

Я тяжело опустился против его ждущего и настороженного взгляда. Кто бы знал, каково мне сейчас.

- Нет, мой маленький. Я не могу обидеть маму, но мне больно, что ты так можешь подумать.

- Тогда зачем ты не пускаешь нас к тете Азе? – выпалил он.

- Почему не пускаю. Мама, вон, ходит.

- А я?

- А тебе, пойми меня правильно, там бывать ни к чему. Ну представь себе, ты окажешься среди взрослых дядей и тетей, где никого нет из детей, и которые ведут свои взрослые разговоры. Тебе там будет скучно и тоскливо. А на море так хорошо. Мы будем с тобой ловить крабиков и строить им домики...

- Но мама говорит, что мне там будет интересно, - гнул свое Антошка.

- Тебе не будет там интересно. Я это знаю, поэтому тебя с мамой туда не пушу. Это мое решение, и думай обо мне как хочешь.

Я поднялся, прошелся взад-вперед. Муторно мне. Вот и сын, подначиваемый женой, перестает доверять мне и совсем не по-детски стремится заглянуть в ту ипостась, которая уже перевернула наизнанку Наталию. Но каково придумала Азалия (а я не сомневался, что происшедшие перемены в Антошке, не столько следствие подначивания со стороны доброй мамы, сколько иезуитский ход пророчицы, где слепой Наталии была отведена посредническая роль агитатора. А какой ребенок не поверит своей матери!), не получилось силой, получится хитростью, да еще в каком сценарии. Не могу понять лишь одного: все расчеты Азалии направлены на то, чтобы отомстить мне лично при помощи моей семьи за неуважение к ее избранности, или же – моя семья ей нужна как доказательство истинности существования себя самой?

В этот день никто из нас никуда не пошел. Ни на море, ни в город. Мы тихо, как мыши в норе, сидели в своем тесном бунгало и нам было душно. Наталия расположилась подле Антошки, гладила его по голове, вздыхала, порой что-то нашептывала на ухо. Я, лежа, читал какую-то белиберду из серии суперобложных бестселлеров новоиспеченного рекламной отечественного Сименона – Воронина, о невероятных и высосанных из

пальца хилых но кровожадных фантазиях похождения супергероя Слепого, из которых можно сделать только один вывод в стиле раннего Белинского: да, у нас нет литературы.

Все как бы находились в одном замкнутом пространстве и делали вид, что никого из присутствующих не волнует, кто чем занят. Словно мы играли в странную игру под названием “обида на всех”. И кто раньше сдастся, тот и проиграет. Но я уже поддавался, и в итоге – проигрывал. С меня хватит.

Я считал себя опущенным ниже плинтуса. Строчки читаемой галиматъи проходили мимо. Я думал о другом. Как же так: вот рядом – два самых близких мне человека, и между нами растет и ширится стена. Стена неестественного духовного и физического отчуждения. Наталия не принимает мою искренность: либо боится ее, либо не верит. Годы совместной жизни переломило, как ветку, вторжение в наше бытие Азалии. Возможно, я не так воспринимал раньше свою жену, не чувствовал в ней тех внутренних порывов, которые так рвались на простор, и, наконец, вырвались, когда нашелся тот скальпель, что полоснул по зашнурованным стремлениям постижения себя. Наверное, в том есть доля моей вины. Я считал, что жена моя счастлива нашей общей семейной жизнью с ее хлопотами и будничностью, порой однообразными и хлопотными, в которые втягиваешься, как вол в ярмо, утешаясь, что все так живут. Она искала воздуха, новизны. И эта новизна явилась, пусть кривобокой и колченогой. И она рванулась туда со всей нерастраченностью помыслов, которые не вписывались в семейный быт.

Но все же – это крайне жестоко и неосмотрительно с ее стороны. Можно улаживать свои порывы, но при этом не ставить на весы существование семьи. Мы не были до этого отпуска на юге сварливой или формальной семьей. Нет, мы любили друг друга, радовались успехам друг друга и переживали совместно неудачи кого-либо из нас. Наконец большинство наших желаний воплотилось в Антошке – от неосуществленных мечтаний до лелеемых надежд. Разве этого мало? Почему же, презрев все это, Натали так безоглядно нырнула в омут пророчицы? Неужто ее так глубоко пронзило то, что вещает Азалия? Неужели она отдается кликушеству этой змеи как душевной отраде и где мне места нет? Что это – помрачение или убеждение? И, наконец, как Азалии удастся внушать свои идеи даже на таких пусть впечатлительных, но не глупых людей, как моя жена? Только ли словами? Или есть еще нечто вроде приворотного зелья? В наш электронно-химический век, когда зомбирование двуногих уже не является секретом, может быть, в дополнение к своим проповедям Азалия причащает паству чем-то таким, от чего у них окончательно едет крыша? Человек по виду как человек, рассуждает здраво, но в голове у него каша из пепла мертвых учений.

Да что гадать! Мне просто необходимо отыскать логово клиентуры пророчицы и на месте снять многие вопросы. Но как это сделать? Ясно одно – по-доброму и легально у меня уже не получится. Азалия умеет хранить свои тайны. Она уже обезопасила себя от меня тем, что увела под свое воронье крыло мою жену, тем самым и меня держит на расстоянии и знает все о моих намерениях. Да, недооценил я эту стерву...

После полудня, отказавшись обедать, Наталия ушла. Перед уходом прижала к себе Антошку, и тот доверчиво обнял маму загорелыми ручонками, словно не хотел отпускать.

- До встречи, мой славный мальчишка. Терпи и закаляй себя в трудностях. Я вернусь.

Я не удостоился ни слова, ни взгляда. Точно приевшаяся мебель. С холодным ужасом я вдруг осознал, что начинаю привыкать к такому раскладу, к тому, что мне противно и обидно, и эти два чувства стали моими неотвязчивыми спутниками. Но если еще три, два день назад меня хоть как-то успокаивал сын, то ныне и он отдалялся и только доливал горечи в ту чашу, которую я пил и никак не мог захлебнуться.

Это был плохой день. Мне удалось вытащить Антошку в город, прогуляться по тем местам, которые его всегда притягивали и вызывали восторг. Но сегодня он был капризен, хмур и необщителен. Его оставили равнодушными и морской аквапарк, в котором также величаво парил, как в небе орел, крупный скат, схожий со “Стеллсом”, всегда вызывавший у Антошки радостный визг. Не привлекли его ни мороженица, ни катание с горок, ни шумные потехи уличных кукольников. Я никак не мог его растормошить, удивляясь явно не детскому упрямству. Как же я мог проморгать, что я его смогла настрополить против меня родная мамуля.

- Антошка, ну за что ты на меня куксишься?

- Ты не пускаешь меня с мамой.

- Но я тебе объяснял.

- Я все равно хочу быть с мамой.

- Тебе со мной стало неинтересно.

- Ты стал плохим папой, если не хочешь отпускать меня с мамой. Ты специально меня водишь везде, чтобы я не думал о маме. А я буду думать.

Ну что я мог поделать против такой железной логики ребенка! Я отчаянно пытался найти ключики к закрывшемуся вдруг для меня детскому сердечку, но они не находились. Я опять оказывался бессильным. Все оборачивалось против меня.

И опять же – бессилие исходило из того, что я не мог осознать серьезности ситуации, потому что моя мужская взрослая логика разумного человека протестовала против того, чтобы видеть в Азалии и ее деяниях нечто чрезвычайное. Да, какое-то сектантство, да, я читал, к чему приводят

всякие белые братья или иеговисты и прочие их соратники по борьбе за любовь к Господу. Но это мне представлялось абсурдом применительно к моей семье. У меня не укладывалось в голове, что мы в самом деле на краю пропасти. Пусть размолвки с Наталией, пусть ссоры и отчуждение, но это – преходяще. В той же моей логике куда более опасными казались, ну, скажем, вспыхивающие как порох курортные романы, могущие любой, и даже замужней женщине, так вскружить голову, что за оставшуюся жизнь не разберешься. Но в этой ситуации – на пустом месте возникшей абсолютно нелогично Азалии, - моя логика просто буксовала, и я исходил эмоциями.

Но вот уже и сын едва ль не чурается меня. А мне остается уповать на то, что через три дня мы уже уберемся отсюда к чертовой матери, и все вскоре забудется как нежданный ливень в воскресный летний день. Эта мысль и обнадеживала, и помогала переносить ощущение лишнего в семье. Когда-нибудь мы разберемся с этим.

Мы вернулись во флигель задолго до вечера. Я положительно не знал, чем занять время, и свое, и сына. Малыш откровенно настроился против любой моей инициативы и упорно не желал ни играть со мной ни во что, ни читать вместе, ни ужинать. Он заявил, что будет у калитки ждать маму. И я решил уступить. В конце концов если я его заставлю сидеть во флигеле, это не улучшит наши испортившиеся отношения. Пусть видит я не такой злой, что все ему запрещаю.

И Антошка на жарком солнце прождал маму часа два. Когда она появилась на улице, он выбежал за калитку и бросился ей на шею. Я ревниво со сжавшимся сердцем наблюдал за этой сценой через щель окна. Наталия опустила сына на землю, потрепала ласково его совсем выцветшие вихры и о чем-то заговорила. Антошка слушал ее, прижимаясь к ноге и не сводя влюбленных глазенок. Мне стало одиноко, как никогда.

Вечер также выдался тягомотным. Жена и сын обращались со мной как с надоевшим престарелым родственником, с которым, однако, надо соблюдать соответствующие приличия и общаться, но где не пахнет ни любовью, ни сочувствием, ни теплом. Кушать будешь? Сейчас подогрею. Посуду помоешь, я устала. Спасибо. Антошке воды сольешь руки помыть. Спасибо. И только в конце:

- Мама, а завтра ты меня возьмешь с собой?

Меня Антошка уже не спрашивал, видимо, считая, что своим поведением он преподал мне урок, и я все понял, потому вопрос решен.

- Посмотрим, - сказала, улыбнувшись Наталия.

Они уже все решали без меня.

Я ничего не сказал. На это будет утро.

Исчезновение

Конфликт произошел не утром, как я предполагал, ибо он все равно напрашивался – Антошку, несмотря ни на что, я бы к Азалии не отпустил. Однако, проснувшись, Наталия заявила Антошке, а мои уши тоже не на узелках были, что надо бы до обеда покататься на море. Это предложение подразумевало косвенно и мое участие в процессе. Хотя бы в смысле тягловой лошади, ибо только я носил сумку с подстилками, лимонадом, купальными принадлежностями и прочей чепухой, применение коей только на морском берегу.

С подобающей снисходительностью я был принят в компанию. Причем Антошка, прежде чем выразить свой восторг по поводу полноценного семейного шагания к морю, вопрошающе посмотрел в лицо мамы – уместно ли его одобрение тем, что папа тоже пойдет. Я уловил этот взгляд и горько усмехнулся. Дожили, нечего сказать.

Но на море, а мы опять пошли не на пляж, а на тот, наш дикий мысок, где не было никого, кроме отвесных низких скал и все тех же неутомимых крабиков, Антошка опять стал прежним ребенком, с воодушевлением отдававшимся ненаскучившим зеленым прозрачным волнам, с криком шлепал за желеобразными медузами, строил хибары для морской живности, явно не оценивавшей положенный труд. Несколько раз он звал меня на помощь в своих забавах, от души хохотал и веселился, напрочь забыв о взятой на себя роли. И мне стало легче – все напускное в сыне исчезло, неукротимая тяга к жизни брала своей. Так и должно быть. И с Наталией тоже. Вон как она щурится на цветущее на ней солнце. И пусть пока не улыбается. Жизнь растопит холод и разгонит мрак любых азалий.

- Может поговорим, наконец? – прилег я подле нее на горячую гальку.

- О чем ты хочешь говорить? – прозвучал надломленный уставший голос.

- Наташа, ты становишься старухой, которую все раздражает, даже голос у тебя стал какой-то треснутый.

- Надо же, - вяло отозвалась она.

- Пойди искупнись, ведь ты почти не была в воде за весь наш отпуск.

- Мне и так хорошо.

- Натали, ты на глазах ржавеешь. Это – идеал, к которому ты стремишься?

- Отстань, Максим. Мне ничего не нужно.

- Действительно, старуха старухой. Никогда не видел тебя такой унылой. Хорошо же тебя припарковали – отлучили от жизни полностью.

- Ты опять начинаешь?

- Нет. Просто хочу, чтобы ты на себя взглянула со стороны. Может ты такой себе и нравишься – твое дело, я здесь давно опустил руки. Но если ты желаешь, чтобы и наш сын превратился в такую же мумию, которой ничего на свете не мило, то ты ошибаешься. Из сына колоду я не позволю сделать. И прошу тебя, пожалей его, не губи в нем ребенка.

- Ничего плохого нет в том, что он раз-другой придет послушать откровение, а вдруг для него откроется истина?

- Приехали, - сплюнул я. – Что ты несешь? Это не с подачи ли этой крысы Азалии?

- Не смей о ней так говорить.

- Понятно. Пророчица напела, а ты за ней подсвистываешь. Даже родного ребенка готова затянуть в омут. И на чем играешь-то, на материнских чувствах. Да ты вконец что ли ополоумела? Наташа?

- Прекрати! Это – мой ребенок.

- И мой!

Антошка, заслышав нашу взвинчивавшуюся беседу, перестал возиться с недостроенным домиком и внимательно посмотрел на нас. Наталия резко поднялась.

- Антошенька, сыночка, пора домой.

- Мама, еще чуть-чуть, правда.

- Нет, пора.

Антошка вздохнул, выронил из ладошки камешек и, понутив голову, затопал к нам. Его покорность пришлась мне не по душе. Но когда он вдруг бросил на меня взгляд, полный слез и обиды, где читалось с укором – опять ты маму обидел, во мне все перевернулось.

- Ну почему ты его гонишь? Здесь так хорошо! – в сердцах выкрикнул я.

- Не плачь, малыш, все будет хорошо, - не обращая внимания на мой крик, Наталия вытерла платком личико сына и стала торопливо собираться, будто все ей стало невмоготу.

А потом и случился конфликт. Уже во флигеле, когда мы вернулись.

Наталия была раздражена, Антошка надулся сычом. Я ощущал себя вырезанным кадром из немого кино. Что такое семейная сцена? Это ристалище для одного главного героя, на роль которого претендуют все.

- Перестань хныкать, - наконец выговорила Наталия сыну, который, впрочем, пока и не хныкал. – Живо умывайся, обедай и собирайся.

- Мы пойдем? – Антошка сдулся.

- Да, - кивнула Наталия не глядя в мою сторону.

- Куда? - кратко бросил я, точно не догадывался.
 - Ты знаешь, - она пожала плечами.
 - Не знаю.
 - Глупо с твоей стороны. Ну, ладно. Мы пойдем к Азалии.
 - Вы – никуда не пойдете. Ты – можешь идти. Антошка останется со мной.
 - С какой стати ты стал распоряжаться? – Наталия недобро сузила глаза.
 - С той самой. Я тебе на море объяснил.
 - Папа, я хочу пойти с мамой, - заканючил сын.
 - Помолчи, малыш, я поморщился. – Я тебя не отпущу.
 - Отпустишь, - Наталия часто задышала.
 - Я уже сказал. Хватит.
 - Папа, перестань обижать маму и меня. Ты нас не любишь, - выдал Антошка и, наконец, захныкал.
 - Я люблю вас, - жестко ответил я. – Но тебя в ту помойную яму не пущу.
 - Какую яму? – сквозь слезы полюбопытствовал сын.
 - Как ты смеешь? – взорвалась Наталия.
 - В ту самую, где люди становятся червями и довольны, что их насаживают на крючки, - с мрачным вдохновением отпарировал я. – А я не хочу, чтобы ты, лапочка, превратился в червяка.
 - И мама тоже превращается? – Антошка захлопал ресницами. – А потом опять становится мамой? Можно посмотреть?
- Черт, мое удачное образное сравнение вызвало не тот эффект. В иной ситуации мы бы все посмеялись, но нынче было не до смеха.
- Не мели чушь, Антон, - строго прервала мама. – А тебе, Максим, не стыдно ребенку морочить голову.
 - Это еще вопрос, кто из нас морочит ему голову. Тебе там скучно стало одной, решила потащить и Антошку. Что за прихоть? У нас отпуск кончается, парню поплескаться бы последние дни вдоволь, югом вдосыта наесться, а ты его тянешь в какой-то темный и вонючий склеп, на какие-то заунывные и совершенно ему не нужные проповеди какой-то кликуши. Какого черта ему там делать?
 - Ты все сказал?
 - Тебе мало?
 - Антошка, - требовательно позвала Наталия.
 - И забудь даже думать об этом, - я отгородил собой сына и стал перед женой. – Азалия трепалась, что ваша братия должна все терпеть и быть покорной всяким напастям. Ну вот и считай меня напастью и терпи. Но Антошку не трожь.

- Папка, папка,пусти меня, - заколотили по моей спине кулачки сына. – Я тебя не люблю. Ты плохой, плохой, плохой.

- Да, я очень плохой, - я повернул голову к нему. – Ты потом поймешь, почему я такой плохой.

- Значит, непустишь, - выдохнула Наталия как-то угрожающе.

- Я уже сказал. Двигай одна, сходи с ума дальше.

- Ты еще пожалеешь.

- Неизвестно кто из нас будет жалеть. Я тебя не держу, - я пошел медленно вперед, выталкивая Наталию из флигеля.

Она споткнулась, ухватилась беспомощно рукой за косяк двери. В это мгновение мне стало ее очень жалко, она запуталась и пытается за что-то удержаться, а я ее сам толкаю из спасительного круга. Позади надрывно рыдал Антошка, кинувшийся лицом на подушку.

- Вот какими мы стали за две недели, - подытожил я. – Спасибо Азалии.

- Я тебя ненавижу, - медленно выдавила из себя Наталия.

- И за это спасибо Азалии. Они истинная христианка, распространяющая вокруг только любовь, - с черной иронией согласился я. – Однако, как ни странно, я - враг ваших добрых душ, лишен ненависти. Мне жаль тебя, Натали.

Она ничего не ответила, повернулась и ушла. Я смотрел ей вслед. Вот она дошла до калитки. Повернула за угол. Все, скрылась. Я закурил. Возле своего дома стояла Римма Альбертовна и, не таясь, обозревала меня. А ей что нужно, толстозадой? Я сплюнул, швырнул окурок и поплелся назад. Мне предстояло успокаивать Антошку.

В конце концов мне это удалось. Сын затих и стал прислушиваться к тому, о чем я ему говорил с предельной мягкостью и доверительностью.

- Не злись на меня, мой милый Антошка. Поверь, я не считаю тебя маленьким и неспособным понимать, что происходит. Видишь ли в чем дело. Тебе ведь нравится море, горы, южное солнце, много незнакомых и улыбающихся людей, прозрачный воздух, этот богатый сад с его запахами. Тебе хочется все это попробовать, объять, вкусить, нарадоваться. Ведь так? И никто этого у тебя не отнимает. Лови эту жизнь как можешь, ныряй в нее, барахтайся – это все счастливая беззаботность. И мы с мамой тоже счастливы, что тебе все это по душе. Для этого мы сюда и приехали. И я тебе помогаю постигать этот чудный мир. А наша мама, она заинтересовалась чем-то другим, но это другое не несет для тебя тех прелестей, которыми ты восторгаешься. Это сугубо взрослое занятие. И мама делает ошибку, что хочет тебя увлечь взрослыми делами. Беда в том, что эти дела и далеки, и скучны для тебя, малыш. В них нет тепла и света. В них нет радости и удовлетворения. Представь, человек копает яму, чтобы найти клад. Это похвально, это возбуждает интерес, это загадка – что там в

земле. А люди, с которыми сейчас дружит мама, копают не в надежде найти клад, а выкопать какую-то гадость и исследовать ее. И потому они унылые и сердитые. Заметь, ведь и наша мама стала часто сердиться. А я не хочу, чтобы она копалась во всякой гадости, я хочу, чтобы она тоже радовалась солнцу, морю, запахам гор. Потому что это и есть жизнь. Ведь тебе нравится жить и радоваться. Но разве тебе понравится быть всегда сердитым и недовольным?

Конечно, я не специалист по дошкольной антисектантской агитации. Но что-то мои слова сыграли. Во всяком случае через полчаса мы бродили по городу, и Антошка крепко сжимал мою руку.

Наталия вернулась под вечер, когда мы с сыном играли в лото. Увлеченный игрою Антошка стер с лица задумчивость, и выглядел если и не веселым, то заметно бодрым. Но когда открылась дверь и на пороге появилась Наталия, он вздрогнул и невольно съежился, поглядев на маму таким виноватым взглядом, словно предал ее. Я сделал вид, что ничего не заметил и продолжал выкрикивать цифры. На лице Наталии также ничего не отразилось. Она походила на ту самую вернувшуюся после тяжелого рабочего дня уставшую женщину, которой очень хочется отдохнуть. Подвалившего к ней Антошку она по инерции обняла, погладила, чмокнула в щечку, но ничего не сказала.

Мы молча поужинали. И скоро легли спать.

Утро ничего не предвещало. Оно было обычным, наполненным светом и гомоном проснувшихся окрестностей. В безветренном воздухе носились всякие пичужки, оглашая чириканьем явление нового дня. Солнечный шар уселся на одну из старых дальних горных гряд и оттуда лениво взирал вниз.

Послезавтра нам следовало отбывать домой. Мое разумное предложение отдать хотя бы первую часть дня морю было поддержано, но Наталия изъявила желание пойти только на пляж. На пляж так на пляж, хоть это место и не такое привлекательное, как облюбованное нами на мысе, зато куда ближе.

Мы уместились среди прибывавшей толпы на двух квадратных метрах не совсем удачно. Вскоре вокруг нас было полно всяких телес. Место выбрала Наталия, и я не стал с ней спорить. Не хватало ссориться еще и по этому поводу. Я пошел купаться. Но когда, огибая подстилки и лежаки, зафрахтованные различными организмами обоего пола, добрался до своего места, то не увидел ни жены, ни сына. Сначала я чертыхнулся – ушли купаться, оставив сумку с вещами без присмотра. Однако по прошествии времени, никто не возвращался. Меня охватило дурное предчувствие. Я вскочил, усиленно всматриваясь в толкучку, месящую воду у берега. Но не увидел своих. Сердце мое екнуло. Я опустился на колени перед сумкой и раскрыл ее. В ней лежали только моя рубашка и шорты.

Поиск

Какое-то время я тупо уставился в сумку. Я пытался осознать – что произошло. Именно осознать, ибо я уже понял, что случилось. Все кругом сразу потеряло всякий смысл, я словно оглох и ослеп. Только горка натасканных Антошкой ракушек мидий хранила тепло моего исчезнувшего сына. У меня так защемило в сердце, что, казалось, его распяли прищепками к каждому из ребер. Это был удар, рассчитанный и жестокий. И я не сомневался, кто его нанес. По сути меня предали. И я не мог назвать предателя Иудой. В этом была вся трагедия.

Постепенно в меня стали проникать звуки и цвета. Нашпигованный панамками, купальниками, плавками, волейбольными мячами, надувными матрасами, разморенными бабульками, мускулистыми самцами, степенными папашами, точеными задницами, легконогой малышкой пляж был абсолютно безучастен и чужд моему состоянию, да и не замечал его. Южный сезон – та плоскость, где человек человеку еще больше без надобности и где отдыхают даже от эфемерного сочувствия к ближнему.

А может они пошли за мороженым или Антошке стало плохо и они подались к флигелю, вон как печет? Как всегда даже неприхотливая надежда возникает в разгоряченном воображении и старается его умерить, точно на вздыбленного коня хотят накинуть упряжь.

Но с каждой минутой хилые упования на лучший вариант таяли, брызги морских волн на песке. Все, Максим, ты попал! Такого поворота не ожидал. И если надо что-то делать, то для начала – сцепить зубы и взять себя в руки. Легко сказать. Нужно, чтобы сперва дурь степенаний сменилась злостью. Злость хороший помощник в делах, требующих немедленного и важного решения.

Ни на кого не смотря, хотя мне чудилось, что весь пляж скалится над моей непутевостью и горем – гляньте-ка на лоха, у которого сбежали жена и сын, я собрал оставшуюся утварь в сумку, нацепил ее через плечо и стал пробираться к выходу. Умудрившись наступить на какую-то блеклую матрону, распялившую живот, как студень, на обозримом пространстве, я едва не упал. Мы одновременно послали друг другу всю информацию о достоинствах каждого, причем у матроны получилось круче, ибо ближайшие свидетели охотно заржали в ее пользу. Это пошло на пользу, потому что я начал заводиться.

Беспрестанно оглядываясь в надежде все же вдруг увидеть знакомые мне фигуры, я добрался до выхода, вышел на улицу и скорым шагом поспешил к флигелю. Плана действий пока не намечалось. Была лишь цель

– найти Антошку и Наталию. Берегись, Азалия! Теперь меня ничто не остановит.

Увела ли Наталия Антошку только на посиделки братии или – хуже? Нет, нет, успокаивал я себя, неужели она не вернется во флигель и будет скрываться с сыном, как бесприютные, под чужим кровом? И как долго – до нашего отъезда? И вдруг меня как пронзило – а что если Азалия уговорила Наталию вообще не уезжать, и бегство с Антошкой от меня – это естественное течение последних событий, и моя семья станет частью неведомых планов пророчицы и она будет их таскать за собой по всем городам и весям? Это значит... Да ни черта хорошего это не значит!

Мне стало душно. Я остановился. Куда шлепать? В милицию? Там, зевая, пошлют подальше с советом, мол, следить надо было как следует, а еще проще жену вылупить когда все начиналось. Да и о какой пропаже может идти речь, если мама и сын вместе? Никто не похищал – сами исчезли. Демократический выбор. Нет, на милицию надеяться без толку. Ее профессионализм ныне написан на квадратных сержантских физиономиях настолько, что даже честного гражданина за гектар тянет свернуть на всякий случай подальше от лиха в сторону. Я знал нескольких ребят из угрозиска, которые наелись и перестройкой, и рыночной Россией. Их сожрали как реликтовые консервы, ибо они не вписывались со своими консервативными настроениями в эпоху новых веяний – сидеть и не скрипеть, а хотеть и иметь. Сменивших их я видел раз, но мне хватило. Это были молодые сосунки, фартово поведившие накаченными плечами и развязно ни к селу ни к городу “ботавшие по фене”. За каждым из них числилось по два-три раскрытых бытовых убийств в условиях очевидности, где пьяный киллер мочил такого же сотрапезника и не в силах был покинуть поле разборки, и каждый за год сменил две-три машины. Счет заслуг и потребностей, в общем, равный.

А чем отличается ментовка курортного городка от нашего северного мегаполиса? Да ничем. Разница лишь в возможности утоления аппетита, которому порой мешают всякие пострадавшие, не вписывающиеся в тему. Пусть я сужу и, возможно, предвзято, но я был уверен, что в моем случае милиция не поможет. Хотя бы из за того – по какой криминальной статье оценивать деяния той же Азалии? О каком исчезновении жены и сына может идти речь, если инструкции МВД предписывают принимать заявления о розыске пропавших через сутки или трое после факта! А у меня нет ни суток, ни тем более – трех!

Нет, парень, это – твое дело. И ничье больше.

Во флигеле все было так, как после нашего ухода. Антошкины вещи, игры, книги покоились на своем месте. Да и вещи жены тоже. Это немного успокоило. Значит все же должны вернуться. Иначе я бы обнаружил

пустой флигель. Что же, остается опять ждать? Господи, какой винегрет в голове. Замечательный удался отпуск, врагу не пожелаешь.

Ожидание превратилось в муку. Я поминутно выбегал к калитке, выкурил дюжину сигарет и во рту ощущал пепельницу, сердце надсаживалось и дребезжало, как треснувшая банка, при каждом шуме с улицы.

А если они не вернуться?

Бессмысленно я раскладывал и упаковывал в чемодан Антошкины вещи, игрушки, книжки. Мы уезжаем немедленно. Заодно и весь скарб жены также был запихан туда же. Пусть не совсем аккуратно, ничего, дома разглядим.

А если они не вернуться?

Могу ли я сделать вид, что ничего особенного в бегстве с пляжа не увидел, сумею ли сдержаться? Ясно одно, что больше я ни Наталию, ни тем более Антошку никуда до отъезда не отпущу. Хотя бы для этого пришлось бы применить силу.

А если они не вернуться?

Да что же я сию! Этак впору рехнуться. С чего начать поиск? Кто бы мог меня вывести хоть на какой след? Бегать по городу глупо, и неизвестно еще кто кого раньше засечет.

От приоткрытой двери флигеля послышались шорохи и закудахтали осточертевшие курицы хозяйки. Римма Альбертовна! Разве она не связана с Азалией, сестрой Азой? Как я не придавал значения раньше тому, что наша куровладелица шепталась с Азалией, как-то воровато на меня косясь. А не приложила ли она свою лапу к оболваниванию моей семьи, так сказать будучи агентом пророчицы?

Главное, не напороть горячку. Одна ошибка, и эта корова все испортит.

План созрел в голове молниеносно. Наверное, любая человеческая башка так устроена, что в мгновения важнейших решений и действий начинает соображать здраво и вырождает такое, чего при будничной ситуации не изобрести. Впрочем, может – не любая. Но моя устроена именно так.

Прихорошившись, одев джинсы, кроссовки и плотную черную рубашку (неизвестно где и в какой грязи придется быть) и придав себе вид озабоченного и разозленного мужика (что не составило труда), я направился к дому Риммы Альбертовны. Краем глаза я заметил, как дернулась занавеска на ее окне. Не иначе следила за мной, азалина шпионка.

- Римма Альбертовна? – зычно позвал я.

Через минуту она выползла на крыльцо, фальшиво натирая кулаками глаза, мол, спала.

- Что сказать хочу, хозяйка, - замогильным голосом попросил я.
- Мне надо отлучиться и, возможно, надолго. Присмотрите за нашей обителью, хорошо?

- А куда это вы собрались? – подобралась Римма Альбертовна.

- Да пойду заявление подавать в милицию. Несчастье у меня.

- Да что ж содеялось такое? – всплеснула жерновами рук якобы ничего не понимающая хозяйка. Стукнуть бы ее по горшку.

- Семья на пляже пропала. Искать пойдем, - изрек я. – Ну ладно, так присмотрите?

- Так что ж ты сразу в милицию. Может и не пропали они, пошли гулять и вернуться.

- Не знаю, слишком все неожиданно случилось. Душа не на месте. Так присмотрите, Римма Альбертовна?

- Ты б того не торопился, а? Вот же горе какое, - неизвестно от чего всполошилась Римма Альбертовна, то ли от сочувствия ко мне, то ли от слова милиция.

- Нет. Нам завтра уезжать, а тут – пропали. Вы уж будьте добры.

- А где ж искать будете?

- Там видно будет. Может они у вашей бывшей постоялицы Азалии, надо о ней рассказать, вдруг по теме.

- Ага, ага, - закивала квашней хозяйка, глядя куда-то в сторону.

- Спасибо.

Я повернулся, быстро прошел через сад, открыл калитку и пошел по улице, как человек, согбенный под тяжестью свалившейся беды. Не доходя до угла, я спрыгнул в канаву, за которой дыбился пригорок с усеянным терновником. Не ахти какой ландшафт, но отсюда просматривалась наша территория с калиткой. Если я не ошибся в расчетах, Рима Альбертовна должна вскоре вытряхнуться из нее и шлепать к сестре Азе предупредить о моем намерении привязать милицию к милым сектантским шалостям. Я был уверен, что любой проповедник или пророк, а на деле расстрига или мошенник, иногда – фанатик, к органам правопорядка настроен весьма ранимо. Это должно сыграть. Такой звонок от меня не может не задеть чувств Азалии, ибо может сломать ее планы. И такую информацию ей обязаны донести.

Ну же, источник информации, Римма Альбертовна, двигай в логово. А я следом. И черта с два ты меня увидишь.

Прошло минут пять, десять, но из калитки никто не показывался. Другого выхода из дома хозяйки не было, а летать она не умела. Чего она медлит, как будто удобно торчать в этом колючем терновнике на жару.

Еще минута, еще. Нелепо выглядеть чучелом в зарослях, на которые и в благодать садятся лишь мухи. Будет здорово, если это туловище вообще никуда не подрейфует. Большого дурака свалить и придумать трудно.

Пот стал застилать глаза. Противно засырело под рубашкой, страшно захотелось почесаться. Но я боялся шевельнуться, мало ли какой глазастой окажется сестра Римма, или какой-нибудь прохожий обнаружит меня и выдаст как раз в начале похода хозяйки. Она смекнет сразу, и план мой рухнет.

Римма Альбертовна показалась у калитки, осторожно прикрыла и, оглянувшись по сторонам, засемила в противоположную от меня сторону, к центру. В руках у нее была серая хозяйственная сумка, с какой она обычно ходила на рынок. Странно, зачем она ее взяла. Не на рынок же она собралась?

Когда Римма Альбертовна скрыла свою задницу за поворотом, я выдрался из терновника, и, как ни в чем ни бывало, поплелся со скучающим видом за ней, стараясь идти по краю улицы. Голубое платье в белый горошек (выходная модель хозяйки) отчетливо плыло впереди, то пропадая, то появляясь в изгибах улицы, выходящей на один из главных проспектов города. Народу стало побольше, что позволяло мне легче укрываться от взора иногда поворачивающейся Риммы Альбертовны, но с другой стороны держать ее в поле зрения было сложнее. Хорошо, что ее объемы не позволяют ей нестись горной козой, тогда бы мне пришлось превратиться в горного муфлона.

Постепенно мы выбрались, связанные невидимой цепочкой в семьдесят-сто метров, на проспект. Отсюда можно было попасть к морскому вокзалу, к центральному кинотеатру и к рынку. Или свернуть во двор любого дома – они ровной двухэтажной чередой тянулись с двух сторон, заканчиваясь у подножия древней вечнозеленой горы, больше похожей на горб опрокинутого киля корабля.

Но Римма Альбертовна никуда не сворачивала, ее тягучая походка голубела надеждой впереди меня, размеренно двигаясь по тротуару. Дорога шла на подъем, и порой хозяйка останавливалась отдышаться и опять осмотреться. Возраст и телеса не позволяли делать ей это быстро, и я успевал спрятаться за толстой корой кипариса или за холстом торговой палатки. Преследование пока шло успешно.

Кинотеатр остался позади. Сподвижница Азалии продолжала топтать прямо по курсу. И каждый ее шаг приближал меня к цели. Сердце мое билось рывками, я заставлял себя не думать ни об Антошке, ни о Наталии.

Между тем, голубое платье, запнувшись, пересекло проспект и потащилось по солнечной стороне. Людей здесь было значительно меньше, горячий асфальт привлекал куда меньше. Я продолжал идти по тенистой

части проспекта, сократив на всякий случай наше расстояние метров до тридцати.

Вдруг она свернула на тропинку, змеящуюся в глубь двора одного из домов. Выждав момент, я бегом преодолел ширь проспекта, увернувшись от невесты откуда пронесшейся машины. Если она зайдет в одну из квартир, то мне придется торчать здесь неподалеку и ждать, когда появится хоть какое-нибудь знакомое лицо – не ходить же по всем квартирам. Я даже не подумал о том, что меня могут увидеть из окна.

Но опасения оказались напрасными. Из-за угла дома я увидел все то же платье, одолевавшее тропинку неугасающим темпом. Так мы прошли еще пару дворов, и – на тебе! – перед нами возникли выкрашенные зеленым тянущиеся деревянные ряды рынка. И сам он возник гомонящим, суетящимся, вкусно пахнущим и разноцветным с закаленными физиономиями смуглых и горбоносых, молодых и старых, голосистых и выглядящих истуканами торговков и торговцев, разнокалиберными взглядами и речами привечающих дефилирующие мимо горок и россыпей, ящиков и кадушек, коробок и контейнеров, заполненных уймой арбузов, дынь, винограда, сливы, хурмы, инжира, бананов, ананасов, персиков, моркови, салата, орехов, фундука, капусты, картофеля, свеклы и пр., славно уживавшихся с залежами и пластами рыбы, тушами, целыми и по частям свинины, говядины, баранины, индюшатины и даже конины.

Римма Альбертовна тут же было слопана этим монстром и пропала в его зева. Чертыхнувшись, я активно заработал локтями, распихивая скользкую и недовольную толпу. Один раз даже получил пинок в спину от одной молодницы с квадратной и распаренной, как брюква, рожей.

- Куда лезешь?

Голубое платье пропало, как парус в бурном море. Ей бы разведчицей, а не домохозяйкой попробовать. Не хватало нос к носу столкнуться с Риммой Альбертовной, как ей объяснить, что я спутал местонахождение милиции, в крайнем случае выбираю вырезку для эффективной подачи заявления.

Внезапно за машиной с разгружавшимися помидорами мелькнул знакомый цвет. Обойдя фургон, я приклеился к удалявшейся хозяйке, которая привычно чувствовала себя в рыночных лабиринтах. Не обращая внимания на дары полей и хлебов, она шествовала к одинокому покосившемуся грибку, под которым сидела на стуле некая особь с фотоаппаратом. Кривая вывеска рядом поясняла, что в этом месте делают фотографии, которые запомнятся на всю жизнь. Наверное, это была правда. Особь представляла скупающего моложавого человека, худого и длинного с отечным нездоровым лицом. Увидев Римму Альбертовну, он еле уловимо кивнул ей, и вскоре она заслонила своим мощным торсом фотографа.

Чуть склонившись, она что-то втолковывала ему, но что, мне, естественно, не было слышно. Грузчики, шнырявшие с ящиками мешали моему осмотру, равно как и я их работе. Один что-то проскрежетал нелестное и, кажется, в мой адрес. Я чуть отошел, прямо к лотку, где торговали солеными огурчиками, мочеными яблоками и еще какой-то длинной зеленой ерундой, от которой заманчиво пахло. Скашивая глаза на грибок фотографа, я делал вид, что прицениваюсь к товару.

- Что надо? – юркий мужичок с желтыми зубами выгнулся из-за прилавка.

- Посмотрим, - ответил я неопределенно.

- Вот огурчик, высший класс, хрустит и тает, лучший закусон.

- Да кто ж водку по такой погоде пьет, - хмыкнул я.

- Ее родимую всегда пьют, - философски заметил мужичок. – Покупай, не пожалеешь.

- Дай подумать.

- Да чего тут думать, на, попробуй, - ножом продавец отсек треть огурца и предложил мне.

Огурчик, действительно, был высшего класса. Я почувствовал, что голоден. В это время Рима Альбертовна, пыхтя, отчалила от фотографа прямо в нашу сторону.

- Хороши твои огурцы, брат, - торопливо сказал я. – Побегу за мешком, брать так брать.

- Пстой, купи пару хоть, - мужичок схватил меня за руку.

Римма Альбертовна уже приковыляла к фургону.

- Мигом обернись, готовь товар, - я вырвал руку, вжал голову в плечи и порысил прочь.

- Оптом покупай, цену сбавлю, - вдогонку крикнул озадаченный знаток закуски.

Завернув за рыбный ряд, я обезопасил себя от случайного взора хозяйки. Она вдруг перестала торопиться, затормозила возле торговли крупами и открыла сумку. Ясно, ее миссия закончена. Если я прав, конечно. Это будет зависеть от того, как поведет себя фотограф. Если будет также сидеть сиднем под корявым грибком, то я пропал.

Но к моему удовлетворению тот уже одергивал брюки и водворял фотоаппарат в чехол. После этих манипуляций петушиным шагом он понесся к главному выходу из рынка. Наверняка в лицо он меня не знает, что упрощало задачу. Теперь лишь бы не потерять его из виду.

Испытанным методом локтей я рванул за фотографом. Сутулясь, тот длинными ногами, как цапля, отмерял чуть ли не метра два за раз. Ни черта себе, спринтер. Угонись, попробуй. Это не квашня в образе Риммы Альбертовны.

Мы вылетели из рынка, как две пули, выпущенные с интервалом в пять секунд. Фотографа развернуло к подножию горы. Меня, естественно, тоже. Гонка с преследованием с проспекта перенеслась на какую-то улочку, которые в большинстве своем истекали от асфальтированной артерии города, как рукава от русла реки.

Тут со всего размаху я налетел на трио балбесов, промышлявших портвейном из горлышка. Как длинноногий умудрился их обминуть! Зато мне не повезло. На полном ходу я сшиб именно того, кто смачно приложился к горлышку, и его кадык, поди, тоже булькал от удовольствия.

Он нелепо повалился на второго приятеля, а вождьеленный продукт – трясь! – на землю. Молчаливая мизансцена “приехали!” продолжалась несколько секунд. После чего троица, обступив меня, обрела голоса.

- Ну ты, козел, куда прешь, - лестно охарактеризовали меня. Фотограф между тем успешно удалялся.

- Виноват, исправлюсь, - попытался отделаться я.

- Ты че, ты не понял. Отвечать надо.

- На обратном пути, тороплюсь, - я лихорадочно наблюдал за уменьшавшимся в размерах длинноногим.

- А пенделя хочешь?

Я успел отклонить голову, и кулак просвистел возле уха. Размышлять было некогда. Ответным ударом сбоку я попал нападавшему прямо в скулу. Взмахнув крылышками, он отлетел метра на два, завалившись под куст дикой смородины. Тут же второму с полуразворота носком ноги я согнул хребет. Третий разинул пасть, как тунец на суше, в его масляных глазках засветились страх и восторг одновременно.

- Мужик, я понятливый, ниче против не имею, - он поднял обе руки вверх.

- Я тоже, - буркнул я, быстро достал из кармана банкноту и бросил ему. – Это компенсирует потери.

После чего стремглав кинулся за скрывавшимся за кривым поворотом длинноногим.

Он свернул в тихий, поросший лебедой переулок, где покосившиеся старые деревянные дома напоминали рабочую окраину начала века. Прорехи окон смотрели на меня неприязненно и мрачно, как на нежеланного гостя. И впрямь, желанным я здесь не был.

Переулок упирался в тупик. Я едва успел упасть на какой-то ветхий забор, возле трех лип, скрывших меня от внезапно оглянувшегося фотографа. Людей нигде не было видно. Славное местечко, как раз для экспериментов тети Азы.

Потоптавшись, тот опять поозирался, убедился в чем-то и смело двинул к покосившемуся плетню, в котором даже входа было не разобрать. За плетнем, насколько я разобрал из своего наблюдательного пункта,

возвышалось два строения: первое представляло собой внушительный деревянный дом, покрашенный выцветшей от времени коричневой краской, три окна выходили на улицу, со стороны крыльца окон не было. Дом был покрыт шифером, кое-где потрескавшимся, и все же не производил впечатления того запустения, которое было свойственно соседним сооружениям. Рядом с ним было строение пониже и пощуплее, нечто вроде летней кухни или сарая. Но у сараев не бывает труб.

Никаких признаков жизни там я не заметил. Длинноногий, однако, скрылся именно среди этой архитектуры. До меня донесся скрип открывшейся двери и хлопок – закрылась. Ну, кажется, я и добрался до пристанища пророчицы. Интуиция подсказывала мне, что это то самое место. Здесь или рядом должны были быть Антошка и Наталия.

Теперь предельная осторожность, сорваться я не имел права.

Глава 5

Логово

Пригибаясь, я медленно двинулся вперед под прикрытием забора. Правда, забором этот гнилой частокол может назвать выдающийся оптимист или поэт, целовавшийся возле него лет семьдесят назад. Выпирающие, точно ребра, тощие черные доски норовили ржавыми гвоздями распороть рубашку или кожу. В дополнение к этому буйные очаги репейников, большеухих лопухов и какие-то торчащие из земли коренья пытались проделать тоже с джинсами и кроссовками. Впрочем, меня это мало заботило, как и то, что меня могут заметить с противоположной стороны домов.

Наконец отживший свое штaketник сменился более добротным изделием, очерчивавшим границы нужного мне пространства. Перемахнуть ли через это препятствие (а если там собаки) или решительно войти через калитку и без церемоний громыхнуть кулаком в дверь? Пока я раздумывал, сидя на корточках, точно наседка перед важным действием, послышался звук хлопнувшей двери и быстрые шаги стали приближаться к выходу. Ни к селу, ни к городу, я вспомнил читаемые в детстве рассказы о разведчиках, бравших “языка”. А почему бы и нет? Мне тоже нужно знать обстановку в стане врагов, держащих в плену мою семью.

За тенью забора прорисовалась долговязая тень, которая могла принадлежать длинноногому фотографу. Мавр сделал свое дело и сматывает. Теперь моя очередь получения информации.

Как только его фигура, похожая на сохнувший стручок фасоли, оказалась за пределами забора. Я снизу прыгнул вперед, запутав его ноги. Взмахнув ручонками, он повалился (хорошо, без крика) навзничь. Я тут же оседлал его и ладонью зажал плямкающую пасть. На меня глядели вспученные от страха и неожиданности глаза.

Свободной рукой я крепко сжал ему нечто между брюк и процедил:

- Попробуй только хрюкнуть, и я раздавлю твое богатство. Ты усек? Да не дергайся, как необъезженная лошадь.

Он отчаянно замотал балдой, давая понять, что он – особь разумная. Я убрал мокрую ладонь с его лица.

- Ты кто?

- Николай Чудотворец или Григорий Победоносец, как тебе больше понравится.

- А-а-а, - промычал поверженный фотограф, как змий под копытом моего последнего псевдонима.

- Что тебя просила передать сестра Римма Альбертовна, этакая баба в голубом? Говори быстро и внятно, у меня нет времени.

Для сущего придания значимости момента я чуть сильнее сжал кулак, и длинноногий засучил ногами.

- Ну?

- Это самое, не надо, мне больно.

- Короче, - я ослабил пресс.

- Это, что тот пошел в милицию заявлять.

- Кто этот “тот”?

- Не знаю, мне надо передать и я передал. Я ни при чем. Я только подработать. Мне ничего не надо.

- Верю. Кому ты передал сообщение в этом сарае? Не мнись. Подсказать? Азалии?

- Да, - выдавил из себя длинноногий.

- Что они там делают?

- У них служение.

- Надолго?

- Не знаю.

- Не верю.

- Ой, больно. Они здесь последний день.

- Откуда знаешь?

- Сказали, что завтра мне платить уже не будут, что я того – свободен.

- А куда это они собираются?

- Да не знаю я, отпусти, а? Я никому ничего, я ни при чем.

- Ладно, не скули. Какое расположение комнат в доме?

- Меня пустили не дальше порога.

- А у тебя глаза есть посмотреть, что творится за порогом?
- Там темновато, эти горят, как их – свечи. И я не любопытный, за то и платят.
- Собака во дворе есть?
- Нет.
- Хорошо, а теперь галопом отсюда, и если я тебя увижу хоть раз в своей жизни, твоя тут же закончится.

Я разжал кулак и скатился с фотографа. Он тут же вскочил с теми же выпученными глазами и бодро шуганул по переулку, этакий дядя Степа милиционер, и ребятам не пример.

Интересно, заметили ли с окон внезапное падение гонца и стремительное бегство? Это может лишь чуть осложнить мою задачу, но не изменит ее цели.

Конечно, можно было войти в дом и качать права. Но мне захотелось проникнуть незаметно: все же интересно – чем приманивала Азалия братию, какие доводы своих верований вдалбливала в головы, что превращались в бараньи. За исключением моей жены – я по-прежнему считал ее заблудшей овечкой. Наконец, что задумала пророчица, если верить долговязому, что нынешняя месса – последняя? Азалия распускает всех на каникулы? Если бы так, то – прощай, незабвенная красавица, красота которой сродни красоте кобры.

Через щель в заборе я определил со стороны входной двери и лишенной окон стороны дома нечто, похожее на чердак. Там тоже был вход, как вход в курятник, вознесенный к крыше. Для начала надо попасть туда. Вдруг там обнаружится что-то напоминающее слуховое оконце, а если повезет, то и выход во внутренние покои, как это принято в некоторых отечественных постройках подобного типа.

Отползая назад, я спружинился и перемахнул через забор в том месте, которое, на мой взгляд, представляло мертвую точку для обзора. Упал я очень удачно – рядом с корытом, наполненным тухлой водой. Хорошо – что рядом. Тут же рывком я добрался до угла дома, уперся кроссовками в выступ, подтянулся и по-кошачьи подкинул тело к заветному входу на чердак. Дверца была прикрыта на деревянную вертушку, я повернул ее и ужом пробрался внутрь.

На меня пахнуло смесью гниющего лука, куриного помета и прелой одежды. Сквозь открытый проем впереди виднелись поперечные балки, на которых что-то висело, а в целом чердак показался пустым. Разве что мыши в каком-то закутке проводили свой митинг.

Я закрыл за собой дверцу и оказался в полном мраке. На ощупь я стал пробираться дальше, чутко прислушиваясь к каким-либо звукам. И мне почудилось, что где-то я слышу какой-то бубнящий голос, очень неотчетливый. Он шел откуда-то снизу и спереди. Я прокрался как мог на

этот звук, правда, напоровшись на нечто твердое, оказавшееся, когда я нащупал, неучтенной балкой. Ладно, мои шишки припомнятся.

Хорошо, что пол под ногами не скрипел, и в конце концов, за что-то цепляясь, во что-то влезая руками (может и в дерьмо) я добрался до того места, где голос стал явным. И этот голос к моему удовлетворению принадлежал Азалии. Он доносился снизу. Глаза, привыкнув к темноте, определили слабую полоску света, очерченную правильным квадратом – видимо это был вход на чердак изнутри дома. Мне везло. Осторожно пошарив руками, я наткнулся на скобу, а затем – на ручку. Точно, это была крышка люка. С этого момента я поверил в свою удачу. Бог на моей стороне!

Сдув наугад пыль, я приник ухом к щели и превратился в слух.

Распознать голос Азалии уже не составляло большого труда. Он был сух и торжествен, походя на речи маршалов перед отправкой войск на фронт. Она вещала:

- ... и тако изрек он. И все умилились, приняв сердцем слова души его. Ибо самое большое чудо открылось им. И очевидным показалось кривлянье человеческое, отягачаемое суетой вечной. И разве не то мы зрим вокруг себя. Один спаситель противостоит толпам страждущих не любви и истины, но выгоды и утех. И остальное недоступно им, а потому и ненавидят они иных, и смеются и глумятся над ними. Злоба, зависть, корысть и власть – вот те одежды, коими одевают они идолов своих. Ряженные пороками они считают нас прокаженными. О, да! Мы прокаженные в этом мире подлости и равнодушия. Мы и должны быть изгоями, ибо таков всегда путь тернистый святых и избранных. И потом опомнившиеся двуногие называют таких как мы примером и образцом. Но время учений прошло, это оказалось бесполезным, ибо человек за две тысячи лет не изменился к лучшему. Опухоль не заговаривают, ее вырезают. В том смысл наш, мы целители мира, и в том долг наш и избранничество. Только мы можем спасти заблудших, в том числе помимо их воли, ибо добровольно жаждущих покаяться и пригубить напиток истины мало. Жертвуя собой во имя высшей справедливости и искупления грехов человека, каждый из нас захватит с собой в очищающую благодать подножия порога Господня двух, трех, пять, десять, сто наполненных скверной и грязью душ человеческих. И за то простится и воздастся нам! И будем мы вечными странниками в поиске и усекновении гордыни мира сего. И будем вечными пионерами великого дела, и вечными провозвестниками грядущего спасения и обретения истинного покоя. И будем слугами и свидетелями перед карающим взором Всеединого на суде Его. На том стояла и стою я, Его покорная и исполнительная раба. И в том крест и счастье мое. И благоволение Его – направить вас на единственный и главный подвиг, как угодное Ему деяние, - дано мне. И когда увидимся в

чертогах Его, узрите вы слезы мои радости несказанной, и будете сами радостны и беспечальны от милости изошедшей. Только вы обрящете сию милость. О том говорила, о том перед походом вашим напоминаю вновь. Не смущайте боле себя и души свои, выбор сделан, и да укрепится дух ваш сознанием величия миссии вашей. И знайте, не дремлет лукавый враг. О том также ведаю, и послание мне только было. Ищет враг, крутится рядом, норовит помешать нам, но не в силах его испоганить замысел. Посему не стоит мешкать, час пришел. Поднимайтесь в небо, к Нему поближе, дабы лучше зрел он жертву вашу и – сотворите подвиг. Да будет Господь с вами, и не оставит он вас. А теперь примите в тела последний раз укрепляющий дух и просветляющий сознание наш заповедный напиток, сие – слезы Господни, да сподобитесь вы сохранить их в себе в миг испытания. Подходите.

Голос Азалии смолк и началось какое-то брожение. Вот, зараза, я так и думал, что помимо проповедей, она накачивает паству какой-то наркотической дрянью, затуманивая и так свернутые набекрень мозги. И что это еще за жертвенный подвиг? Азалия или рехнулась или замышляет что-то недоброе. Но это черта с два получится.

Я снова нащупал ручку люка, осторожно проверил подается ли она. Подалась. Ну сейчас я свалюсь на эту компанию настоящим посланцем небес и объясню им, чего жаждет Всевышний.

Медленно и очень тихо я стал приподнимать деревянную крышку. Раз она отчетливо скрипнула, и я замер, готовый при любых возгласах внизу рывком распахнуть ее и ринуться вниз. Но на скрип никто не обратил внимания, или просто мои взвинченные нервы усилили звук скрипа.

Через пару минут я приоткрыл крышку настолько, что мог более-менее видеть происходящее подо мной. В полумраке, освещаемом натыканными по разным углам свечами, и оттого лишь усугубляющими темень, двигались фигуры людей. Я насчитал около десяти, мужиков среди них было три-четыре. Я сразу определил знакомые очертания Бориса, Светланы. Но это был лишь мгновенный фрагмент. Я прикипел взором к другой картине: в углу комнаты виднелась Азалия с обыкновенным кухонным черпаком, которым что-то выуживала из ведерка, стоявшего на стуле рядом. Около Азалии стояла Наталия, держа одной рукой за плечи Антошку. Наталия пила из черпака. Мне перехватило дыхание. Я утоплю Азалию в этом ведерке, а черпак всуну в одно место, и меня должны за это оправдать.

За Наталией уже выстроилась еще пара избранных. Наверное, соблюдали очередность. Я перевел взгляд на мужчин, деловито оценивая их возможности сопротивления. Хотя если они под стать Борису, то проблем у меня не возникнет.

Схватка

До пола было около трех метров. Ну, благослови меня, Господи, на мой подвиг!

Не таясь, я дернул за крышку к себе, она заскрежетала наконец на всю мощность. Головы прихожан тут же, как по команде, задрались вверх. Я, сгруппировавшись, прыгнул в открывшийся квадрат, метя на стол, сдвинутый чуть от центра комнаты, по углам которого мерно тлели свечи, послужившие ориентиром, как аэродромные огни.

Стол прогнулся, крякнул, но вес выдержал. Зато одушевленная рать Азалии одеревенела вместе с командиршей. Раздался лишь один истеричный бабий вопль, звяк упавшего на пол черпака и ошеломляющий крик сына:

- Папа!
- Привет, сектане! – храбро сказал я, спрыгнув со стола. – А вот и я, ваш главный святой.

Неучтивость братии, выразившаяся в гробовом молчании, я списал за счет разумеющегося шока. Не давая опомниться пророчице, я, раздвинув несколько мумий и легонько отстранив рукой в сторонку Наталию и Антошку, подошел к ней, двинув для убедительности ногой по ведерку с заветным пойлом так, что оно чуть не расплющилось о стену.

Бледность Азалии делала ее похожей на покойницу. Какое-то время мы смотрели в глаза друг другу, и это была обоюдная ненависть, сцепившаяся в клубок где-то в середине пути.

- Прикажи своим баранам не делать ошибок, пусть стоят и не двигаются, иначе я задушу тебя задолго до страшного суда, - процедил я.

- Что вам здесь надо? – дрожащий голос пророчицы показывал, что она растеряна и никак не может совладать с возникшей ситуацией. Значит, тебя, стерва, тоже можно вогнать в столбняк, да и в смысле предсказаний явно ты не всемогуща, коль не могла предвидеть мое явление.

- Закругляй этот цирк и мотай с ним. Это вариант первый и бескровный. Оставайся здесь с этими убогими, но я забираю семью и никто больше никогда возле ее не засветится. Это второй вариант и тоже бескровный. Наконец, третий вариант и нежелательный. Здесь будет много калек и один труп. Трупом будешь ты.

Азалия наконец криво усмехнулась:

- Спроси свою семью сам.
- Это моя проблема.

- Сестра Ната говори, - поразительно как быстро к Азалии вернулось самообладание.

Я резко повернулся, все же держа пророчицу в поле зрения. От нее ждать можно было чего угодно.

- Максим, оставь нас и уходи. – я даже не узнал голос жены, настолько он был монотонным и бесцветным.

- Натали, замолчи! – крикнул я.

- Я тебя ненавижу, ты враг.

- С этим мы разберемся попозже. Азалия, мы уходим.

- Папа, мы с мамой не хотим тебя видеть, - вдруг полоснул ножом по сердцу тоненький голосок Антошки. Неужели эта проклятая пророчица успела дать черпак и сыну?

- - Малыш, успокойся, - я предостерегающе поднял руку. – Мы сейчас выйдем из этой помойки и обо всем поговорим.

- Уйдем мы все, а вы останетесь здесь, - сбоку раздалось зловещее шипение Азалии.

- Не мешай нам, Максим.

Наталия двинулась на меня как таран. Я едва успел обхватить ее и ласково произнес.

- Успокойся, лапочка. Все будет хорошо. Ты не в себе.

Наталия стала выдираться из моих объятий, как путешественник из зарослей джунглей. Я невольно оттолкнул ее, она мешала мне контролировать ситуацию, тем более что азалино воинство стало подавать признаки оживления.

- Уходи, уходи, - это Антошка стал пихать в мои ноги ручонками.

Помню, в этот момент меня поразило выражение лиц жены и сына. В них была какая-то кислая обреченность, апатия, застывшие глаза – все это не вязалось с эмоцией их требований, чтобы я исчез. Впрочем, это просматривалось и на физиономиях остальных. И только лицо Азалии было естественным, искаженным натуральной злобой и сознанием превосходства.

- Ты мне за все ответишь, - я грязно выругался в отношении пророчицы.

- Мы перешли на ты наконец, - эта гадина еще позволяла себе иронизировать надо мной.

Я шлепнул Антошку по попе, и он откатился к маме. Надеюсь, он простит меня. Оставаться здесь далее было бесполезно. Какой-то брат сестры Азы, упитанный мужик неопределенного возраста с румяной и безжизненной рожой, увенчанной лысиной, качеством которой мог бы гордиться и бильярдный шар, уже качнулся в мою сторону.

- Азалия, отпусти моих со мной. Они тебя послушают. Не доводи меня до греха, - последний раз в жизни я попросил пророчицу по-доброму.
- Они сделали свой выбор, - пожала плечами она.
- Тогда я сделаю это сам.

Я шагнул к жене, обнимавшей сына как какой-то куль. Схватил обеих за руки и потащил за собой.

- Господь не простит нас. Наш час пробил, - как ни в чем не бывало заявила Азалия, глядя отрешенным взглядом в окно.

Увы, я слишком был занят упиравшимися домочадцами, чтобы оценить в этой фразе скрытый призыв к действиям. Интуитивно повернув голову на звук слов пророчицы, я тут же почувствовал молниеносную тяжесть. В глазах вспыхнули снопы искр и все померкло. Я куда-то поплыл вглубь, закручиваясь в штопоре и в этом свободном падении наконец шмякнулся наземь.

Сознание отключилось позже. Поэтому я еще услышал:

- Оставьте его. Если подойдет, так угодно Господу, разящему десницами слуг своих врагов своих. Идем. Брат Борис на втором самолете все зависит от тебя. Я уверена в...

Очнулся я с тупой, пронизывающей от любого движения, болью. Комната была пуста, и дом, похоже, тоже. Пахло парафином и свежей кровью. Кровь сочилась возле моего носа.

Кто ж это меня так? Азалия не могла, но по ее наводке несомненно. Вот же чертовы херувимы, непротивленцы и жертвенники, мать их...

Кое-как поднявшись, пошатываясь я прошлепал на кухню, уткнулся головой в бадью, наполненную теплой водой. Затем поднял бадью над собой и опрокинул ее. Полегчало. Во всяком случае поворачивать шею стало не так напряженно. Ощупав затылок и темя, я обнаружил вздувшийся бугорок. Приложились основательно, но неумело.

Постепенно до меня стало доходить, что произошло. В памяти мелькнули отрешенные лица Наталии, Антошки, затем какой-то расплывающийся в тумане сонм луноликих рыл и следом – прищурившаяся Азалия с надменно сжатыми губами. Я прорычал нечто невразумительное и, вряд ли, доброе.

Именно образ Азалии помог мне всколыхнуться. Пророчица не могла выйти победителем из нашей схватки. Ее самоуверенная ухмылка добавила мне утишенной болью злости. А злость быстро восстанавливала и силы, и соображение. Я припомнил что-то о небе и полете. Ни хрена себе! – до меня дошло. Они собираются улетать. И, кажется, не просто улетать, а устроить какую-то бяку в воздухе. А какие могут быть бяки в воздухе? Я похолодел. Да ведь там будут Антошка и Наталия! И они отправлены Азалией на закляние вместе с остальными? Да она – сама Сатана...

Погоня

Мне доводилось отрывочно читать о тех или иных сектах, расплодившихся в стране в последние десять демократических лет, как гнилушки в болоте. Изрядно пожелтевшая отечественная пресса предоставляла достаточно смакующих насилие описаний, где какие-то мрачные пятидесятники пытали собственных детей, чтобы таким образом войти в царство Божие, где приверженцы Иеговы масляными посулами уводили из семей жен, мужей или несмышленных чад, а то и всех сразу скопом, где мунисты приваживали страждущих к познанию истины путем оголтелого разврата и гаремного подчинения, где антиподы поклонников веры в единого Небожителя – сатанисты, устраивали оргии сексуальных и физических истязаний, дабы постичь карму зла. Но мне не доводилось сталкиваться с открытым призывом к жертвам в массовых масштабах, как это, судя по ее доводам, проповедовала Азалия. Это было что-то из неведомого. И к какому крылу сектантства отнести ее пророчества я не знал. Но одно я уяснил абсолютно точно: здесь пахнет мерзостью и смертью. Под прикрытием все той же страстной людской веры в Господа. Да, ничто не ново под луной. И самое гнусное и тяжкое для меня заключалось в том, что под жернова этой страшной секты угодила моя семья. И если я ее не вытащу, никогда себе не прощу. Тем более, что отсчет пошел уже не на дни и даже не на часы – на минуты.

Куда они могли податься? Конечно же на аэродром. Больше к небу ничего из этого городка не ходит. Выходит, что куплены и билеты на самолет? На какой? Такая разношерстная орава не могла не привлечь внимания кого-нибудь. Если они наняли автобус, то все равно пока доедут, пока регистрация – у меня где-то есть шестьдесят минут, чтобы остановить безумие Азалии.

Я нащупал еще влажный задний карман джинсов. Хорошо, что эта шайка меня не обыскивала – свернутый комок денег, которые я благоразумно захватил с собой на непредвиденный случай, были на месте.

Наскоро пригладив волосы, стараясь не трогать рану, встряхнув на себе высыхающую рубашку, я бросился из дома, пробежал обратным ходом по переулку и вскоре выскочил на оживленный городской проспект.

Машины со свистом проносились мимо. Так бывает всегда, когда не надо – таксисты и частники чуть ли не роем тормозят рядом, если ты замешкался на тротуаре и, не дай Бог, поглазел в сторону дороги. Но когда надо – ни одного нет. А время неумолимо шло. Я уже чуть ли не стал кидаться под всякие колеса, но они умело уворачивались, сердито сигналили. Остановилась же какая-то колымага, на которую я даже не посмотрел, ибо

по моим понятиям она могла нестись чуть быстрее телеги с утомленной клячей.

- Куда надо, парень? – из окошка высунулась красная и круглая, как арбуз морда с шикарными усами.

- На аэродром, - процедил я, ловя глазами летящие мимо иномарки.

- Довезу, садись, - морда гостеприимно кивнула на салон.

- Твой драндулет будет ползти минут сорок, а у меня в запасе минут пятнадцать, - с сомнением сказал я, оглядывая непритязательный вид “Москвича-412”, который, казалось, был готов развалиться от одного взгляда.

- Э, парень, все так говорят, пока не сядут. Какие пятнадцать? Двенадцать минут, башку даю на отсечение. Это еще тот конь! Ты не смотри на фасон, коль не знаешь разгон. Садись, не тяни.

- Не знаю, - неуверенно пробормотал я, самонадеянность усача привлекала.

- Хошь на спор. Если за двенадцать минут не доеду, плачу сотню сам. Доеду – платишь ты две. Идет?

Даже по самым фантастическим расценкам путь до аэропорта обходился в полтинник. Такое шапкозакидательство меня покорило. Черт с ним, мне не жалко и три сотни отдать, лишь бы успеть.

- Ладно, жми, - я плюхнулся сбоку. – Но если мы рассыплемся за углом, я тебя тоже на части разберу. Ай!

Я вскрикнул оттого, что меня потащило назад, вжало в кресло, а голова моя загудела, как провода на ветру. “Москвич” вдруг зарычал, содрогнулся и рванул с места как Бен Джонсон на стометровке. С каждой секундой рычание усиливалось и внезапно сменилось монотонным громким звуком, напоминающим рев турбины. Мимо замелькали обгоняемые машины, изумленные нарушители-пешеходы, дома, деревья, светофоры. Не прошло и пары минут, как мы, на каких-то диких виражах откололи слалом по асфальтовым хитросплетениям города, подрезав с дюжину приличных тачек, хозяева коих с выпученными бельмами матерились нам вслед, и вынеслись на окраину. На мгновение промелькнула улочка со знакомым флигелем, кажется я даже успел разглядеть ковылявшую по ней Римму Альбертовну. И вот уже с одной стороны плещется море, с другой подступают горы.

- Это что за конек-горбунок? – восхитился я. – Когда ты ко мне подъехал, она же еле дышала.

- Это бизнес, парень. Я сообразил сам. На вид развалюха, а внутри мотор на триста лошадок. Мы с тестем покумекали и сварганили, джип по дешевке купили. Джип разбился, хозяин помер. Родичи деньги не считают, уступили, чтобы ничем о горе не напоминал. Хорошая машина

была. Ездить на ней – какой резон. Крутые будут скалиться, менты доставать. А вот вклепили мы его в “москвичок”, и пошла потеха.

- Какая потеха?

- А такая. Я вот тебя домчу на спор, и две сотни мои. А сколько таких как ты фомушек неверующих. А? Допетрил? Вот на том и живем. За день порой до штуки набегают. Мне хватает.

- Ну ты даешь, - усатая красная морда мне нравилась все больше, и я снова вспомнил об удаче. – И никто права не качал?

- А за что? Все ведь по-честному. Я тебя уговаривал, ты не соглашался. А когда на спор – заело, сел. Я же ведь тоже не вожу кого попало, какую-нибудь шпану или отморозков никогда не посажу. Люблю рискованных, а ты, видать, рискованный. С такими и спорить приятно, и выигрывать.

Я ничего не успел сказать, так как меня подбросило вверх от какой-то выбоины, а затем занесло в угол от резкого крутого поворота, за которым мой неожиданный гонщик мигом сбавил скорость.

- Что случилось?

- Все нормалек. За указанное время успеем. Тут надо быть начеку, тут пасут, - кивнул водитель на какой-то пригорок.

И верно. За пригорком возле желто-голубого “жигуленка” пара сомлевших от жары сержантов, доблестно водила ручным радаром в сторону появлявшихся машин. Наше, проскрежетавшее с натугой мимо них авто, не удостоилось даже взора инспекторов. Зато мчавшаяся за нами сдуру иномарка сразу их оживила, и дуэт ДПС с расплывшимися от удовольствия физиономиями резво заскакал на дорогу, отмахивая полосатой палкой.

Когда пригорок остался поодаль, “москвич” снова взвыл на форсаже. Подъем, спуск, подъем – и впереди я увидел здание аэропорта и блестящие серебром на плато взлетных и рулежных полос фюзеляжи самолетов.

- На лайнер опаздываешь? – усач ухмыльнулся.

- Да так, - уклончиво ответил я.

- Ты, наверно, из Краснодара или Ростова. Мне больше нравится Ростов, пару раз бывал. Дон вроде уже Кубани, но чище. И город тоже.

- А с чего ты взял, что я из Ростова или Краснодара?

- Так я же расписание всех самолетов знаю. Я ж людей вожу туда-сюда, как мне без расписания? – искренне удивился мой визави, держа одной рукой руль, а другой глядя по усам. – Какой смысл торчать, когда самолетов нет. А в это время улетают только два – на Ростов и на Краснодар. А через полтора часа прилетят из Питера, следом из Москвы, после московского через четверть часа из Барнаула, после него еще один

московский прилет, и два вылета – на Киев и опять же в Москву. Как тебе мои познания? Это, парень, жизнь. Надо крутиться и все знать, особенно в моем извозчиьем деле.

- Только два сейчас полетят?

- Обижаешь. Ростовский аккурат через двадцать минут, краснодарский через двадцать пять.

“Москвич” с визгом остановился у решетки, отделяющей аэропорт от территории аэродрома. Я проследил за отъехавшим в этот момент в сторону города такси-микроавтобусом. Сердце екнуло. Что-то мне подсказало, что Азалия и остальные прикатили именно на этих колесах. Что же?

- Держи, друг, - я выскочил из “горбунка”, достал из кармана деньги и отсчитал три сотни.

- Эй, парень, ты ошибся. С тебя две, - закричал водитель.

- Нет, все правильно. За приятную и полезную беседу тоже надо платить. Бывай. – и на прощание я крепко пожал ему руку.

- И тебе успеха. Вижу, что ты настроен по-боевому. Не знаю на что, но – успеха.

“Москвич”, чихнув, вяло поехал к автостоянке, где пока машин, маршруток, автобусов и их владельцев было куда больше, чем пассажиров с чемоданами.

И я догадался. Вот откуда уверенность, что такси-микроавтобус привезла команду Азалии. Ведь и другие шофера, особенно таксисты, знают расписание вылетов и прилетов самолетов. Тащиться в аэропорт в тихий час невыгодно. Назад же он поехал совершенно пустым. Значит, чтобы согласиться на такой рейс, нужно было везти только группу (зачем индивидуалам микроавтобус) за хорошую цену. Я не думаю, что могут быть какие-нибудь спортивные или туристические группы в те два города, куда ожидаются вылеты, во всяком случае их не должно быть в полосе моего отчаянного везения.

Конечно, можно было догнать микроавтобус, “москвич” усатого сделал бы это быстро. Но у меня не остается времени на расспросы. Если я ошибся, то сделал это не здесь, а в городе, когда решил ехать сюда. И тогда все бесполезно. Но пока у меня есть шанс. Шанс надежды.

Я прошел в накаленное жарой и, естественно, лишенное кондиционеров здание аэропорта. Зал ожидания был, как полагается, пуст. Кому охота выносить такую баню. Возле нескольких стоек регистрации несколько семейных пар с детьми и чемоданами лениво оформляли билеты с не менее ленивыми от духоты регистраторшами. На табло, висевших над стойками, были написаны номера рейсов и, точно, - названия городов – Ростова и Краснодара.

Я подскочил к самой симпатичной и наименее загруженной регистрационной рутиной рыжеволосой девушке со сбитой набекрень форменной пилоткой.

- Милая незнакомка из Аэрофлота, не ответите ли мне на несколько вопросов?

- Каких? – вздохнула рыжая так, что эпитет “милая” я счел преждевременным.

- У вас недавно должны были проходить регистрацию... - я описал внешность Наталии и Антошки.

- Ну и что? Заморгала она ресницами, как всамделишная кукла.

- Так проходили или нет?

- Откуда я помню?

- Так вспомните, я вас очень прошу.

- Вас здесь проходит сотни, - пробурчала она.

- Я заплачу, - догадался я.

- Вон оно как, - рыжеволосая заморгала еще сильнее. – А зачем вам, может вы бандит какой?

- Я – муж, опоздал проводить.

- Фамилия как?

- Ламберт. Наталия Ламберт. Антон Ламберт, ребенок.

- Люда, погляди там, есть Ламберты? – рыжеволосая поправила пилотку, не представляя, что от ответа Люды зависит моя судьба.

Люда, плотная блондинка с потным бледным лицом, словно она работала в районе Крайнего Севера, а не в субтропическом климате, отстранилась от мужика с чемоданом и что-то начала листать. Эти мгновения, как пишут в книгах, мне показались вечностью.

- Да, были.

- Какой рейс?

- Хороший муж, - хмыкнули обе. – Не знает куда семья летит.

Мужик с чемоданом тоже посмотрел на меня осуждающе.

- В Краснодар от мужа убежали, - Люда проигнорировала меня и сообщила информацию рыжей.

- Спасибо, - я шлепнул ладонью по стойке. На стойке остались 50 рублей. – За ваш сервис не откажите себе в шампанском.

Мужик засопел и придвинул к себе чемодан поближе. Я сделал ему гримасу, надеясь, что он домыслит, что это было всего лишь зеркальным отражением его рожи.

Жена и сын здесь. И это определяет все. Остается малость – добраться до самолета и вытащить их оттуда.

Я бросился к стеклянному портику, где редкие скучающие могли наблюдать за аэродромной жизнью. Здесь хорошо просматривались два среднего класса “Як-40” с подведенными трапами, возле которых

толпились люди. Как ни напрягал я зрение, ни Наталии, ни Антошки не нашел. Видимо, они уже были внутри одного из самолетов...

Время собирать камни

С этого момента я превратился в преступника.

Пока что мое поведение не выходило за рамки обычного, свойственного сутолоке любого вокзала. Мало кто там бегают, суетится, расспрашивает, разглядывает хвосты аэропланов. Но...

Отсчет правомерности завершился. Начался иной отсчет. Но если бы вернуть все заново и с той минуты потребовать мы у меня все сделать по-другому, я бы ничего не изменил в своих поступках. Ни на йоту.

Итак.

У меня не было четкого плана, кроме цели – добраться до самолета.

Я быстро пересек зал и выскочил наружу, свернул направо, за угол, к решеткам, за которыми расстилалась ровная бетонная равнина. Провинциальные аэродромы в отличие от столичных не так оснащены охранными бастионами и кордонами. Решетка в два с половиной метра особых затруднений не представляла. Однако все мысли о ней мгновенно испарились. Ибо у решетки я увидел... Азалию. Вцепившись обеими руками в металлические, выкрашенные черным, прутья, она одиноко и нерушимо стояла с развевающимися на легком ветерке распущенными волосами. Ее стройная фигура вся подалась вперед, и, не скрою, эта змея была весьма эффектна, напоминая нечто патрицианское. Поневоле у меня мелькнуло: “Идущие на смерть приветствуют тебя!”

Мне удалось, сделав полукруг, незаметно подобраться к Азалии. Впрочем, это сделать было не сложно, так как она всецело была поглощена обозрением посадки пассажиров на самолеты. Да и чего ей было опасаться? Ведь единственный источник опасности должен был еще лежать в беспомощности, или, охая, затравленным зверем метаться меж стен покинутого дома.

Изловчившись, чтобы со стороны думалось, что обнимаются влюбленные провожающие, я крепко обнял ее одной рукой за плечи, а другой тут же сжал рот. Она дернулась в моих страшных объятиях.

- Только пикни, я сорву с резьбы все твои шейные позвонки, - прошипел я ей в ухо, для пущей убедительности изгибом локтя сдавив ей шею.

Она всегда казалась мне умницей. Дерганья прекратились. Стоя сбоку, пригибая ее, вдруг ставшее безвольным тело, к своей груди, я продолжил,

опустив ладонь до ее подбородка на случай, если заголосит, тут же снова затворить рот.

- Где моя семья?
- В самолете.
- В каком?
- Не знаю. Это не имеет значения.
- Почему?
- Потому что уже вы ничего не измените.
- Что ты задумала, сволочь?
- Это повеление Высшего разума.
- Хватит нести чушь о высшем. Что ты задумала?
- Отпустите меня. Иначе ничего не узнаете.
- Хорошо. Но я убью тебя раньше, чем приползет к тебе

помощь.

Я отпустил ее. Азалия повернулась и с нескрываемым презрением осмотрела меня. В этот момент с нарастающей пронзительностью стали заводиться турбины одного из самолетов. В лице Азалии мелькнуло что-то ликующее.

- Говори.
- Вам со своим убогим сознанием не понять, что совершается подвиг во имя человечества. И люди идут на него сами, жертвуя собой и заблудшими во имя всеобщего спасения душ.
- Подвиг, сдобриваемый каким-то пойлом?
- Это вас не касается.
- Ты хочешь сказать, что... самолеты обречены?
- Обречены вы вашей мерзкой жизнью.
- А что же ты сама не летишь, пророчица чертова? Новые жертвы вербовать надо? Говори, что должно произойти?

Визг турбин стал давить в уши. Нарастающий вой вдруг сменил направление, это означало, что самолет тронулся с места.

- Скоро все они будут в раю, - медленно, глядя прямо мне в глаза, произнесла Азалия.

Яснее некуда. Коротким ударом кулака с левой прямо в живот я переломил Азалию вдвое. Нельзя бить женщин, знаю, но это был дьявол в женском подобии. Передо мной мелькнули вытаращенные от боли и ненависти глаза. Я подхватил обмякшее тело и подтащил его к скамейке. Народу в это время вокруг было немного. И наш инцидент внимания не вызвал.

Оставив свернувшуюся в калачик пророчицу на жаркой скамейке, я подскочил к решетке, выдохнув подтянулся на прутьях, заелозил по ним кроссовками, ища упор. Заостренные зубцы верха решетки помогли. Руками я твердо сжал их, а ногами засеменял кверху по прутьям, как

арфистка пальцем по струнам. Вскоре и ноги уперлись в зубцы. Через несколько секунд все мое тело оказалось горизонтально над решеткой. Тут же, с силой оттолкнувшись одновременно от зубцов руками и ногами, я спрыгнул за ограждение.

Какие-то люди в униформе, раззявив рты, оценивали мои пируэты с безмолвием истуканов. Я побежал прямо на них, со всей силы размахивая руками и крича. Но крик мой тонул в грохоте медленно двинувшегося к взлетке самолета.

- Остановите, остановите, он взорвется, - орал я как немой в пустыне, ибо проку от этого не было никакого.

И тут от угла здания вокзала вынырнул массивный парень с дубинкой в черной блестящей одежде с надписью “охрана”. Он быком ринулся мне наперерез. Работники в униформе, что-то смекнув, тронулись с места, отсекая мне путь к удалявшемуся самолету.

- Стоять, - донеслось до меня рычание сквозь грохот турбин охранника.

- Остановите взлет, - заорал я в ответ.

В это время у второго самолета осталось всего два пассажира, и водитель трапа уже с нетерпением поглядывал на них, дожидаясь отвоза своего агрегата от крылатой машины.

- Стоять, кому сказал, - проревел еще страшнее охранник, придав и без того не безупречному мурлу законченное зверское выражение.

Первый самолет уже катился к стартовому концу взлетной полосы таким серебристым орлом, подрагивая на стыках бетонки и от чрезмерной силы, стремящейся ввысь. Гул турбин стал тише.

Охранник подбегал.

- Остановите взлет, самолет взорвется, - крикнул я ему в лицо, показывая рукой на болтающуюся сбоку рацию.

- Ну-ка стой, псих, мы сначала с тобой разберемся, - тяжело дыша остудил он мой порыв.

- Ты что не понял, самолет взорвется, сообщи начальству.

- Лечь на землю, руки и ноги раздвинуть, - охранник вместо рации вытащил пистолет.

- Ну ты и козел, - процедил я.

В отпущенный мне микрон времени на принятие решения, я вдруг с отчетливой тоской понял, что тупость охранника безгранична и пока он врубится в мою правду, я упущу и второй самолет. И вряд ли позднее прозрение и раскаяние этого болвана утешат меня.

Рассчитывая на внезапность, я рванулся к остановившемуся охраннику, схватил руками расстегнутый воротник его черной рубашки и с силой потянул к себе, одновременно качнув резко лбом ему в нос. Он

охнул, присел и выронил ствол. Тут же мощным ударом ноги под грудь я отключил в нем остатки сопротивления. Икнув, черная рубашка растянулась на пыльном теплом асфальте.

Рабочие в униформе опять по команде раскрыли рты и беспомощно застыли. Я подхватил пистолет, старый добрый “Макаров”, цыкнул в сторону рабочих и помчался к трапу второго самолета.

На трапе уже никого не было. И водитель завел мотор. Я подскочил к нему, запомнились только его шальные, отороченные ужасом глаза. Я не был уверен, что когда стану подниматься по трапу, он не отведет его в сторону. У меня не было выбора. Со всего размаха я двинул его “Макаровым” в лицо. Он откинулся назад беззвучно.

Раздался мощный грохот. Стремительно нарастая, он обволок пространство аэродрома и все окрестности, торопясь нагнать заскользивший по взлетке “Як”. Вот он оторвался от земли, красиво вскинув нос кверху, и заложил изящный вираж в сторону моря.

Перепрыгивая ступеньки, я проскочил по трапу в овальное отверстие входа в самолет, возле которого возникла изумившаяся от моего появления стюардесса.

- Вы опоздавший?
- Я успевающий, - хрипло возразил я.
- Ой, мама.

Она заметила ствол и стала бледнеть пятнами. Прижав ладошки к щекам, она во все глаза смотрела на меня, не в состоянии двинуться.

- Я не террорист, - буркнул я.

Сомневаюсь, что она мне поверила. Происшедшее следом наверняка рассеяло ее оставшиеся хорошие мысли обо мне. Из салона к нам выскочила ничего не подозревавшая другая стюардесса. И у нее, и у меня одновременно вырвались восклицания. Только у нее – от страха, у меня – от удивления. В одежде стюардессы была не кто иная, как Светлана. Одна из верных последовательниц Азалии.

- Как тесен мир, божья коровка, - оскалился я. – Ну-ка, веди меня к командиру.

Ошеломленная Светлана почти не упиралась. Зато ее подружка по “Яку” юркнула наружу и заокотала по трапу. Ну и пусть. Это уже не имело значения. Ствол я засунул спереди в брюки. Мы быстро пошли по проходу. Замешкался я только раз. Слева я увидел Наталию, уныло уставившуюся в иллюминатор, а рядом приникшего к ней Антошку. Сердце мое заколотилось от жалости. Боже, если бы я не успел. Но я уже здесь, и самолет не взлетит.

Мы подошли к двери, ведущей в пилотскую кабину.

- Она открыта?
- Да, - еле слышно ответила Светлана.

- Ты свободна.

Сзади раздались быстрые шаги. Я обернулся. Ко мне спешил одетый в летную голубую форму сухопарый мужчина, видно, член экипажа. Он уже либо знал обо мне, либо заподозрил неладное.

Но он опоздал.

Рывком распахнув дверь, я ворвался в кабину. Как по команде на меня воззрились двое сидящих пилота. Я присвистнул от неожиданности. Надо же – правым пилотом был Борис. Азалия знала где выбирать ей будущих жертвенников. Впрочем, удивляться и раздумывать было некогда. Я быстро закрыл дверь, вытащил ствол и направил в сторону командира.

- Спокойно, летуны. Самолет никуда не летит.

- Это что-то новое для террориста, - натянуто рассмеялся командир, плотный седой мужик с симпатичным добрым лицом.

- Сообщите диспетчеру, что я отменяю вылет.

- Кто вы?

- Террорист-доброволец.

И тут донесся вой сирены. Командир пожал плечами, выглянул в смотровое окошко сбоку.

- Теперь уж точно не полетим. Спецназ окружает самолет. И что делать дальше?

- Ничего, - отрывисто сказал я.

- А что вы хотите?

- Самолет может взорваться. Потому я здесь.

- Откуда вы это знаете? – резко повернулся ко мне командир, и доброта стерлась на его лице.

- Оттуда, откуда и этот парень Борис, - кивнул я направо.

За все это время Борис не проронил ни слова. Он превратился в мумию, и только покрывшая его лоб обильная испарина выказывала сильное волнение.

Я услышал за спиной шум.

- Что происходит в салоне?

- Как террорист вы должны догадаться, что из самолета выводят пассажиров.

- Это правильно, - кивнул я. – Хоть одно мудрое решение.

- Да вы уберите пистолет и толком скажите, что с самолетом. Он в самом деле заминирован?

- Не исключено. Да и немедленно сообщите диспетчеру, чтобы срочно посадили только что улетевший самолет. Там тоже может произойти...

Все случилось внезапно. Я не хотел убивать никого. Думаю, что Борис, поняв, что люди выбираются из салона и что рассчитываемой

Азалии массовой жертвы не будет, захотел ускорить события, пока его не разоблачили.

Он вдруг дернулся к висевшей возле его плеча сумке и быстро оттуда вытащил что-то круглое и ребристое. Вторая рука дернулась к этой штуке. Толком я не разглядел, но интуиция мгновенно подсказала – граната.

Я выстрелил. Прямо в сердце. Борис неестественно подпрыгнул и тут же мешком осел в кресле с так и не разжавшейся рукой.

Звук выстрела вызвал в салоне панику. Но все быстро стихло. Я догадался, самолет опустел.

- Что вы натворили? – закричал командир.

- У меня не было выбора, - я устало опустился на корточки и выронил теплый “Макаров”. – Поглядите что у него в руке.

Я слышал как пробирались к кабине спецназовцы, но даже не пошевелился. Я успел спасти семью. И остальных. Другое было уже не важно.

Дверь распахнулась, и на меня навалилось несколько буйволов. Для чего-то меня потыкали ногами и руками, затем скрутили руки, нацепили наручники и поволокли к выходу.

Когда меня вели по залитой солнцем пустынной бетонке (видимо, пассажиров и моих отвели в зал ожидания) к зданию аэропорта где-то далеко в голубом прозрачном небе раздался хлопок. Тащившие меня парни по инерции обернулись на звук. И я – тоже. Еле видимая горящая красным точка падала в море, отделившись от пышного мохнатого облачка...

Я не жалел о том, что сделал.

Пусть не скоро, но я обниму спасенных Наталию и Антошку, и мы будем вместе.

Я все выдержу.

И только одно угнетает меня – Азалию, когда я рассказал о ней, когда допросили Светлану и еще нескольких адептов жертвенности, так и не нашли. Они исчезли. И, может быть, где-то в каком-то ином месте снова пророчествуют беду. И кто их остановит...

Лето 1999 года.